

2 88-25
206

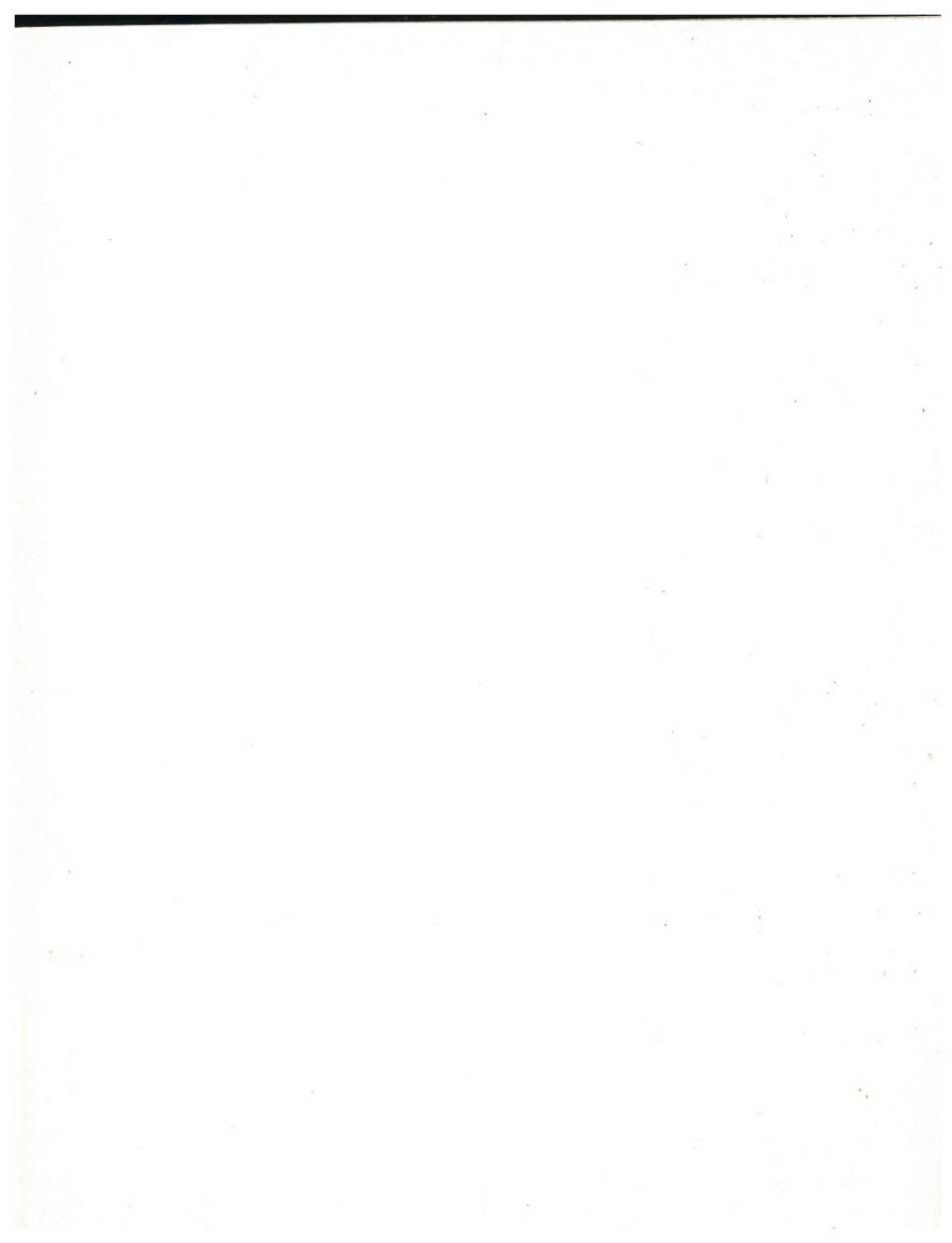

Ш. ТАРПИЩЕВ
О. СЛАССКИЙ

КОРТ ЗОВЕТ

ЕСЛИ ХОЧЕШЬ
БЫТЬ ЗДОРОВ

$$\begin{array}{r} 2 \\ \underline{-} \\ 88 - 25 \\ \hline 206 - 0 \end{array}$$

75 3

get

2

88-25

206-0

Ш. ТАРПИЩЕВ
О. СЛАССКИЙ

КОРТ ЗОВЕТ

ЕСЛИ ХОЧЕШЬ
БЫТЬ ЗДОРОВ

МОСКВА
„МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ“
1988

КОНТРОЛЬНЫЙ ЭКЗЕemplar

ББК 75.577
Т 21

2022077604

Т 4202000000—157 063—88
078(02)—88

ISBN 5-235-00031-5

© Издательство
«Молодая
гвардия»,
1988 г.

КАК НАЧАТЬ КНИГУ?

О чём будет эта книга, кому она адресуется, мы договорились сразу. Но вот как и с чего начать её? Как построить?

Тут, признаться, наши мнения разделились.

В конце концов мы все же сошлись в самом принципиальном — сегодняшний болельщик все чаще проявляет желание и готовность спуститься с трибуны на спортивную площадку. Сегодняшний читатель, интересующийся спортом, хотел бы не только узнать подробности спортивной биографии знаменитого хоккеиста, гимнаста, пловца или теннисиста, но и попробовать что-то перенять из опыта чемпионов.

И речь сейчас не только о мальчишках, играющих после уроков в Третьяка или Дасаева, но и — если разговор про теннис — о людях взрослых, солидных, готовых, однако же, учиться, как и дети, азам игры.

Стало быть, рассказывая о памятных матчах, ведущих мастерах, не надо забывать и о том, что можно было бы позаимствовать в игре теннисных виртуозов.

Книгу издаёт «Молодая гвардия». Стало быть, значительная часть ее потенциальных читателей — молодые люди. И среди них, возможно, будущие учителя, воспитатели, тренеры. Потому нам хотелось бы вспомнить и о некоторых эпизодах из истории становления Шамиля Тарпищева как молодого тренера, поиска им своего места в коллективе. Оговоримся сразу: необычном коллективе.

Но в книге надо, вероятно, ответить и на вопросы любителей тенниса. Хотя бы на те, которые содержались в записках, присланных тренеру во время его выступлений перед различными аудиториями.

А вопросы эти необычайно разнообразны.

Как подает (или подавал) мяч тот или иной знаменитый теннисист? И как принять такую подачу?

Как собственными силами оборудовать корт? И нельзя ли использовать для этого хоккейную дворовую площадку, когда растает на ней лед и почва подсохнет?

Каковы наиболее распространенные ошибки у начинающих?

Как научиться играть у сетки?

В чём особенности парной игры?

Можно ли научиться играть в теннис, если вам под шестьдесят?

Почему наши мастера занимали в списках сильнейших игроков мира места во второй-третьей сотнях? Отражало ли это истинное положение дел?

Как? Почему? Когда? И снова — как? И снова — почему?

Но ведь наша книга может попасть в руки и болельщику, не желающему выходить на корт, не правда ли? Что же заинтересует его в книге, если он вовсе и не стремится научиться мастерски бить слева, равно как и справа.

Скорее всего рассказ о наиболее интересных турнирах, об игре чемпионов, драматических неудачах фаворитов и звездных часах дебютантов.

О каких же турнирах рассказать?

Теннис только-только после многих десятилетий вернулся на Олимпийские игры. В теннисе не проводятся чемпионаты мира, как, скажем, в футболе или хоккее.

Здесь самые интересные командные соревнования — Кубок Дэвиса у мужчин и Кубок Федерации — у женщин.

Тренер, работавший над этой книгой, возглавляя нашу команду в 28 матчах Кубка Дэвиса — неофициального командного чемпионата мира по теннису. Тарпишеву есть что вспомнить.

Впрочем, тем, кто далек от тенниса, нужно пояснить, какое место занимают эти соревнования в современном спортивном календаре.

Вот одна лишь иллюстрация, одно сравнение.

В 1985 году на последний отборочный матч чемпионата мира по футболу между сборными ФРГ и Чехословакии собралось 22 тысячи зрителей. А на финал Кубка Дэвиса, в котором команда ФРГ, возглавляемая победителем Уимблдонского турнира Борисом Беккером, встречалась с командой Швеции, на места во Дворце спорта в Мюнхене вмещающем 13 тысяч зрителей, уже за месяц до матча было подано 134 тысячи заявок.

Естественно, каждый матч по-своему памятен — в этом соревновании легких, «проходных» поединков практически не бывает. Каждый из них — веха в судьбе спортсмена и капитана команды (так в Кубке Дэвиса именуют тренеров национальных сборных).

Эту книгу мы пишем вдвоем, как говорится, «в две руки».

Но иногда слово будет брать один из нас. Тренер или журналист.

Очередь — тренера.

— Впервые я руководил нашей командой в Кубке Дэвиса в 1974 году. В Донецке проходил полуфинальный матч европейской зоны «Б». Мы встречались с теннисистами Югославии и выиграли 3:1.

Дебют оказался удачным. Было мне в ту пору 26 лет. Неде-

лей позже мне попал в руки перевод статьи из югославской газеты. Журналист утверждал, что я «самый молодой тренер национальной команды», причем не только в теннисе, но и во всех игровых видах спорта.

Не знаю, может, тогда это и вправду было так. Сейчас я уже лишился того необычного титула.

Журналист. Да, но без наград Шамиль Тарпищев не остался. В 1987 году Международная федерация удостоила его своей высшей регалии — медали за заслуги в развитии тенниса. Это первая такая награда в истории советского спорта.

Тренер. К матчам Кубка Дэвиса можно прибавить и матчи, сыгранные за три года под моим началом в Кубке Федерации, — тогда еще возможно было совмещение двух таких «должностей».

Мне трудно выделить в этой череде поединков какой-то один — «самый-самый». Самый трудный или самый памятный. Самый радостный или самый печальный.

Дважды наша женская команда входила в четверку сильнейших. Дважды, в 1974 и 1976 годах, пробивалась в полуфинал Кубка Дэвиса мужская команда.

Самый важный для меня матч? Не знаю. Каждый — событие. Каждый помню едва ли не по геймам.

В 1974 году Александр Метревели выиграл у лидера чехословацких спортсменов Яна Кодеша. Наши команды встречались в финальном матче европейской зоны «Б». Советские теннисисты вырвали победу 3:2, а ключевым тогда стал поединок Кодеша и Метревели. До этой встречи чемпион Уимблдона 1973 года Кодеш выиграл у Александра четыре матча подряд. Казалось, что соотношение сил определено навсегда. И вот Метревели доказал обратное.

А разве можно забыть 1976 год?

Выиграв первый матч в европейской зоне «А» у команды Монако, мы одолели затем теннисистов ФРГ и Испании — последних взирывая великий Мануэль Орантес, тот самый Орантес, который по итогам 1975 года занял второе, вслед за американцем Артуром Эшем, место в списке сильнейших теннисистов мира. В следующем матче — очередная победа, над командой Венгрии. Теннисисты СССР — в полуфинале межзонального турнира!

Но сыграть матч за выход в финал нам не удалось. Почему — расскажу позже.

Памятен и еще один матч с командой Испании — в Барселоне. Там мы потерпели сокрушительное фиаско — 0:5. Не угадали с погодой.

На смену Метревели, Теймуразу Каулия и их сверстникам пришли Вадим Борисов, Константин Пугаев, более молодые Александр Зверев и Сергей Леонюк. Теперь же тон задают Андрей Чесноков, Александр Волков.

А в памяти и другие матчи, другие теннисисты.

Навсегда, думаю, запомнится мне встреча одной восьмой финала в высшей лиге с командой Югославии, проходившая в марте 1986 года. Многое видел, ко многому привык, со многим, к сожалению, уже даже смирился, но такого необъективного судейства, такого количества накладок не только никогда не видел, но даже и теоретически не допускал.

Советские теннисисты попали в компанию сильнейших, и теперь наши пути ведут порой нас далеко за границы Европы, на другие континенты...

Тренер и журналист. И все же один матч мы решили выделить — встречу в рамках Кубка Дэвиса со сборной Аргентины.

Никогда прежде наша команда не получала такую прессу, никогда не производила такой, как писали после матча, «оглушительной сенсации».

Матч этот игрался не три, как обычно, а пять дней.

Рассказ об этих пяти днях и станет канвой нашей книги.

Разумеется, этот сюжетный ход на оригинальность не претендует. Еще работая над книгой, мы посмотрели фильм режиссера Энтона Харвея «Игроки». Его сюжетная основа — финальный поединок двух теннисистов в Уимблдоне. Этот фильм и помог определить композицию нашей книги.

ДЕНЬ ПЕРВЫЙ

ПОЧЕМУ МЫ ПОПАЛИ В БУЭНОС-АЙРЕС

Журналист. Матч теннисистов Аргентины и Советского Союза подходил к концу. «Матч неудачников», как считали в Буэнос-Айресе. И основания для таких оценок были.

Теннисисты двух стран встречались в поединке, который относят к категории «плей-офф», или, иначе говоря, к «реклассификационным» матчам.

Что это означает?

Шестнадцать национальных команд, выступающих в высшей лиге розыгрыша Кубка Дэвиса, встречааясь — в соответствии с жеребьевкой — в начале марта в первом круге, разделяются по итогам этих встреч на две равные группы: восемь победителей и восемь побежденных. Те восемь команд, которые проиграли и не попали в число четвертьфиналистов, играют спустя полгода, в начале октября, между собой. Четыре счастливчика, успешно выдержавшие проверку, получают право остаться в высшей лиге и на следующий год, а четыре команды, потерпевшие неудачу, выбывают из нее.

В том розыгрыше Кубка Дэвиса приняли участие 63 команды, и потому, чтобы попасть в число 16 сильнейших, нашим теннисистам пришлось пройти нелегкий и долгий путь.

В европейской зоне «А» команде СССР на пути к высшей лиге пришлось встретиться с тремя соперниками. У команды Монако советские мастера выиграли 5:0. Затем в полуфинале победили сборную Австрии 3:2. И, наконец, в финале зоны наши мастера обыграли команду Израиля с таким же счетом — 3:2.

Жеребьевка в чемпионате, или в «мировой зоне» — так в Кубке Дэвиса называется высшая лига,—оказалась для сборной СССР крайне неудачной. Жребий предложил едва ли не самого трудного соперника — команду Чехословакии. И хотя чехословацкие друзья приехали в Тбилиси без своего лидера — Ивана Лендла, ставшего в 1985 году первой ракеткой мира, шансов на успех у хозяев было немного: обстоятельства сложились так, что наша команда, готовясь к поединку на открытых кортах, вынуждена была в последние часы изменить первоначальные планы. Вмешалась непогода, и потому играть пришлось в закрытом помещении, на более «быстрых» кортах. Советские теннисисты уступили 2:3.

Теперь нашим спортсменам предстояло бороться с кем-то из неудачников первого круга за право остаться в числе сильнейших.

Жребий безжалостен, и «плей-офф» играется с одной из сильнейших команд мира — с теннисистами Аргентины.

В октябре 1985 года, когда на кортах Буэнос-Айреса проходила эта встреча, в числе двухсот сильнейших теннисистов мира был лишь один советский спортсмен — Андрей Чесноков (он значился на компьютере 195-м) и 11 аргентинцев.

Хозяева выставили, видимо, свой наилучший состав. Не было, правда, в команде самого знаменитого из аргентинских мастеров — Виласа. Но Гильермо Вилас, теннисист, который занимал в мировой классификации и вторую (1972 и 1977 годы), и третью (1978) строчки, оказался, судя по всему, не в лучшей своей форме. Да и лет ему, по нынешним теннисным понятиям, было немало — 33. И потому в сборную Аргентины включили других теннисистов.

Лидером считали Мартина Хайте. К началу октября 1985 года он был в списке сильнейших мира 15-м. Включили в сборную и ветерана, 27-летнего Хосе-Луиса Клерка. По данным компьютера, он стоял 23-м.

И, наконец, в команду входили 19-летний Горацио де ла Пена, 57-й к моменту матча в списке Ассоциации теннисных профессионалов (АТП), и 23-летний Марцело Ингарамо — 71-й в том же списке.

Предварительное соотношение сил было явно не в нашу пользу.

Тренер. Не берусь судить, какие места реально занимают в мировой теннисной табели о рангах ведущие наши мастера, но те же Хайте или Клерк, и аргентинские журналисты, знающие толк в этом спорте, и специалисты разных стран полагали, что позиции, которые занимали тогда советские теннисисты, не отражали действительного положения дел. Не отражали в первую очередь потому, что по сравнению с зарубежными мастерами наши ребята все же редко выступали в крупных международных соревнованиях.

НАКАНУНЕ МАТЧА

Журналист. Когда проходила встреча капитанов команд, тренер аргентинцев Джерардо Вортельбоэр заявил первым номером Мартина Хайте, вторым Клерка. Капитан нашей команды соответственно: 25-летнего Александра Зверева, пятикратного чемпиона Советского Союза, и 19-летнего Андрея Чеснокова.

Аргентинцы на парный поединок заявили тех же Хайте и Клерка. У нас пару составили Зверев и его ровесник из Минска Сергей Леонюк, пожалуй, наш лучший парный игрок.

Встреча команд и жеребьевка. Кто с кем и в какой день играет?

Судейскую бригаду возглавлял в Буэнос-Айресе знаменитый Никола Пьетранжeli, превосходнейший в прошлом теннисист, не раз бывавший в нашей стране. Этот мастер занимает почетное место в анналах мирового тенниса, поскольку, как утверждают статистики, ему нет равных по числу матчей, проведенных в Кубке Дэ-

виса. Никола сыграл 164 матча — это рекорд, который, видимо, в обозримом будущем вряд ли будет побит.

Наш капитан огорчен результатами жеребьевки. Ему хотелось, чтобы в первый день Хайте сыграл со Зверевым, а Чесноков — с Клерком. Хотя Хайте формально, а впрочем, может быть, и на самом деле сильнее Клерка, наш тренер считал, что пока Клерк искуснее и опытнее и потому он, несомненно, более умело перестраивается в ходе матча, точнее и быстрее делает верные выводы, вносит необходимые корректизы. Он старше Хайте на шесть лет, а шесть лет в теннисе — это огромная школа, огромный опыт. Хайте к тому же только что прилетел из Европы и в первом поединке мог и не устоять против Зверева. Однако со жребием спорить не приходится, и первыми на карт вышли Чесноков и Хайте.

Внимание к матчу было велико, но я не стал бы настаивать, что сборная СССР вызвала всеобщий интерес или тем более ажиотаж.

В первый день этого не было.

Местные специалисты, как и рядовые поклонники тенниса, ничуть не сомневались в исходе предстоящего поединка. Каких-либо сюрпризов не ожидалось. И вовсе не случайно во время переговоров об условиях матча судьи предложили, чтобы при счете 3:0 в пользу той или другой команды два оставшиеся поединка игрались не из пяти, а из трех сетов.

Замечу здесь же, что когда команда собралась вместе перед вылетом из Москвы, то прогноз наших специалистов был в основном также пессимистическим: 20 процентов — за то, что сборная устоит на поле аргентинцев, 80 — за то, что проиграет. Хотелось одного — чтобы не повторился казус, который случился несколько лет назад в Испании, когда наша команда уступила сопернику 0:5, не выиграв при этом ни одного сета.

О нашем теннисе в Аргентине было мало что известно, хотя, конечно, ведущие аргентинские мастера виде-

ли и Александра Зверева, и Андрея Чеснокова. Один из журналистов, Луис Винкер, спортивный обозреватель крупнейшей аргентинской газеты «Кларин», который был на тренировках нашей команды практически каждый день, рассказывал мне, какое большое впечатление произвел на него и самый юный член нашей команды — 18-летний Александр Волков из Калининграда, тоже прилетевший в Буэнос-Айрес, — журналист видел его прекрасное выступление на молодежном турнире, проходившем в США.

Впрочем, осведомленность Винкера — скорее исключение, нежели правило: этот журналист внимательно следил за советским спортом, и не случайно в программе к матчу именно им были подготовлены материалы о советском и европейском теннисе.

Аргентинские журналисты брали интервью у наших спортсменов и тренера по несколько раз в день, а поскольку мне приходилось иногда помогать с переводом, то я был в курсе бесед и видел скептические улыбки по поводу сколько-нибудь оптимистических прогнозов теннисистов СССР. Когда Андрей Чесноков сказал, что наша команда постарается выиграть, журналисты весело рассмеялись. Умудренный опытом Тарпищев был осторожнее. Он говорил, что советские теннисисты приехали учиться у признанных мастеров и, конечно, хотели бы показать такую игру, которая привлекла бы внимание аргентинских теннисных гурманов.

А вот чего ждали от матча соперники.

Гильермо Вилас: «Мы фавориты, рассчитываем на 5:0».

Хосе-Луис Клерк: «Должны одержать победу, возможно, 5:0».

И лишь Мартин Хайте был сдержан в прогнозах: «Я видел Чеснокова в игре — это действительно мастер высокого класса. Об этом я говорил раньше и повторяю это теперь с большей убежденностью: с русскими надо держать ухо востро».

ТЕННИС ОПРОВЕРГАЕТ КОМПЬЮТЕРЫ

Журналист. Но вот начинается поединок Хайте и Чеснокова.

Зрители горячо приветствуют своего лидера.

Однако уже в первом сете на корте начинает твориться что-то для местной публики невообразимое. Первый гейм выигрывает Чесноков, второй — снова он же, третий — опять Чесноков... Инициатива безоговорочно на его стороне. Сет заканчивается — 6:0. Такой катастрофы не ждали не только болельщики, но и специалисты. И менее всего сам Хайте — он проиграл сет за 21 минуту.

Начинается второй сет. Андрей снова выходит вперед — 1:0.

После нечетного числа геймов спортсмены меняются площадками. У них есть минутная пауза, и Андрей, присев на скамейку, чтобы сделать глоток воды, обмахнуться полотенцем, спросил удивленно Шамиля Тарпищева:

— Не может же быть, чтобы он так плохо играл и дальше?..

И действительно, Хайте несколько успокоился и заиграл сильнее. Однако Чесноков в тот день играл пре-восходно и не оставил сопернику никаких шансов. Андрей выиграл второй сет 6:4, а в третьем Хайте практически не сопротивлялся — 6:2.

Итак, все решилось в трех сетах — 3:0.

Сенсация, которая потрясла местную публику, если не сказать — шокировала.

Газеты на следующий день писали: «Этот результат можно отнести к разряду «невозможных» или «немыслимых» в теннисе... Положение советских игроков в мировой классификации (Чесноков — 195-й, Зверев — 363-й) не соответствует действительности. Советские теннисисты редко участвуют в «очковых» турнирах и именно потому не входят в элиту мирового тенниса. Но вчера Чесноков, 19-летний москвич, ...показал, что теннис не подвластен ЭВМ Ассоциации теннисистов-профессионалов:

номер 195 обыграл 15-го». Другой журналист подчеркивал: «Чесноков доставал все мячи и показал необыкновенное хладнокровие, не выразив даже радости от победы».

Подходит время следующего поединка. Клерк против Зверева. Первый сет Александр проигрывает 4:6. И в это время собирается дождь. Судьи объявляют перерывы. Теннисисты уходят с корта, и начинается тревожное, нервное ожидание. Дождь идет и идет, нудный, изматывающий душу дождь. Идет час, второй, и очевидно, что скоро он не кончится, что корты до наступления темноты просохнуть не успеют, и потому по предложению главного судьи окончание поединка переносится на субботу.

РОДОМ ИЗ ДЕТСТВА

Журналист. Во время одного из наших разговоров Никола Пьетранжели спросил меня: насколько популярен сегодня теннис в вашей стране, сколько мальчишек и девчонок увлекаются этим видом спорта?..

Непростой вопрос.

Шамиль Тарпищев рассказывал мне, что, приходя в школы и приглашая ребят на занятия теннисом, он неизменно встречает одну и ту же реакцию. Ребята относят его приглашение на счет пинг-понга. Им просто в голову не приходит мысль о большом теннисе.

Это одно из следствий той проблемы, с которой сталкиваются сейчас не только тренеры сборной СССР, но и тренеры всех рангов, работающие с теннисистами. Им приходится пожинать плоды невнимания к теннису, в том числе и его былой непопулярности на телевидении.

Вспоминаю разговор с Александром Метревели, одним из самых именитых наших теннисистов, который трижды выступал в финалах Уимблдонского турнира. Метревели рассказывал мне в дни чемпионата Европы в Юрмале в 1983 году (ситуация с тех пор изменилась мало): «Теннис по своей популярности уступает у нас

футболу, хоккею и многим другим видам спорта. Может быть, и потому, что значительно слабее его материальная база. 7—8-летние ребята мечтают стать знаменитыми футболистами или хоккеистами. От них нет отбоя в детских спортивных школах. Самых одаренных в спортивном отношении детей отбирают футбол и хоккей, гимнастика и плавание. Стало быть, уже на первых этапах становления теннис уступает другим видам спорта... Мечтаю о том времени, когда все дети будут рваться в теннисные школы так же, как рвутся они сегодня в футбол или фигурное катание...»

Придет ли это время? И когда?..

А пока беда нашего нынешнего тенниса, а стало быть, и тенниса ближайших лет в отсутствии достаточной «внутренней» конкуренции.

Так было не всегда. Лет двадцать с лишним назад раскрылось немало способных ребят. Все они имели равные условия. Пусть их была не тысяча, не сотня даже, всего — десятки. Однако условия у них, повторяю, были равными. Теннис тогда находился на подъеме.

Тренер. Вспоминаю своих сверстников, игроков 1948 года рождения. Сколько нас, какая непробиваемая стена! У тренеров был выбор, были стимулы работать.

Сейчас же наставники сохраняют в каждой возрастной группе одного-двух парней, и я вовсе не убежден, что тренеры работают с самыми талантливыми.

В теннис попадают единицы, а закрепляются там прежде всего те ребята, которые за счет лучших физических данных раньше добиваются успеха. Побеждая, они приобретают право остаться в теннисе, вытесняя тем самым сверстников, более одаренных для игры, но позже пришедших в спорт, не успевших сформироваться. Тот, кто в своем возрасте лучше развит физически, «убивает» сверстника: не потому, что более талантлив, а потому, что рано вырос.

Не имея возможности пригласить в свою группу шестого или седьмого сегодня по силам игрока, которые,

может быть, более талантливы, тренеры ориентируются на первого, сами того не подозревая (впрочем, многие уже догадались), что вовсе не он самый нужный нашему теннису игрок. Нацеливаясь в силу разных причин на результат, тренеры приглашают тех, кто быстрее его приносит, и эти «скороспелки» остаются единственной нашей надеждой, хотя оправдать ожидания часто им не дано: нет у них нужного для большого тенниса таланта, они не предрасположены к этой игре генетически.

Чемпионат страны до недавнего времени в каждой возрастной группе разыгрывали 16 или 24 теннисиста, и, если каждой республике было предоставлено одно место, тамошние тренеры везли на турнир своего лидера, хотя, повторяю, часто вовсе не он самый перспективный в республике теннисист.

Мы, к сожалению, и сегодня искусственно тащим в сборные команды страны сильнейших сегодня. Они попадают в орбиту, имеют возможность для тренировок в хороших условий и участия в соревнованиях и только потому, а не в силу таланта, уверенно опережают своих сверстников.

Стало быть, мы искусственно, думая лишь о сегодняшних победах своих подопечных на второстепенных, в сущности, соревнованиях и не беспокоясь о будущем, вытащили на свет ребят, которые никогда в настоящий теннис играть не будут. В тот теннис, который позволяет надеяться на победы в Кубке Дэвиса или Уимблдоне.

Журналист. Много слышал о том, что в давние времена технику теннисистов, пусть далеко не совершенную, но уже сложившуюся, определившуюся, тренеры, начиная работать с дебютантами команды, никогда не ломали. И потому игроки были разноплановыми... Хотя... Может быть, точнее сказать, что они были, как выразился мой один коллега, «разнокорявые». Но тем не менее самобытные и оригинальные...

Тренер. Не ломали стиль игры, а о технике говорить

не приходилось. Потому не будем сейчас, задним числом, представлять ситуацию в розовом свете.

Но, правда, в какое-то время мы не обошлись без потерь.

Когда внимание к теннису пошло на убыль, когда число тренеров сократилось, то на смену былому многообразию, хотя и относительному, явился один стиль.

Терялась многокрасочность школ. Исчезли личности. Естественно, прогресс в совершенствовании игры сошел на нет. А ведь искусство игры в теннис, секрет успеха больших мастеров определить можно довольно просто: в сложной игровой ситуации теннисист должен сыграть не туда, куда ему хочется, а туда, куда надо.

Журналист. Чтобы добиться сильной игры, нужно владеть всем арсеналом тенниса, не так ли? Если все умеешь, то можешь сыграть в одной ситуации так, а в другой, точно такой же, иначе. Такая вариативность — непременное условие успеха.

Тренер. В общем, да. Все делать одинаково хорошо невозможно. Если бы Крис Эверт заставили с детства после сильной подачи непременно бежать к сетке, стала бы она сильной спортсменкой? Никогда. Она нашла свое призвание в своем стиле и развила его, а стиль точно соответствует характеру теннисистки.

Если же Крис попадает в пиковую ситуацию, то начинает варьировать игру, искать пути к успеху. А у нас, если теннисисту, скажем, Александру Волкову или Андрею Ольховскому, сыграть успешно в свою игру не удается (соперник нашел контрмеры), он не знает, что делать. Волков не устремится к сетке, а Ольховский не станет играть сзади: оба ограничены в своих сегодняших технических возможностях.

Журналист. Так какой же практический вывод следует из ваших размышлений?..

Тренер. Ставить, совершенствовать технику, не меняя стиля игры, если юноша или девушка уже сложились

как игроки. Но, совершенствуя свой стиль, учиться играть и в любом другом.

Принципы постановки техники дело творческое, но, как бы ни строились уроки, на какую методику ни опирался бы тренер, важно, чтобы обучение это было умельным, чтобы не ломалась в учении душа молодого человека...

Врачи утверждают, что неразумно переделывать левшу в правшу, если тем более речь идет о восьми- или десятилетнем ребенке. Ломка и стереотипов, и нервной системы не проходит бесследно. Эти наблюдения верны и в отношении тенниса.

Стандартизация ведет к однообразию.

Имею в виду игровой почерк спортсмена. И его личность.

Все мы родом из детства, и это популярное выражение имеет самое прямое отношение к теннису. Именно в детстве закладывается будущее теннисиста, формируется стабильное владение всеми слагаемыми технической подготовки или, напротив, возникают бреши в теннисном арсенале спортсмена, которые затем, спустя годы, напоминают о себе в самый неподходящий момент. В стрессовых ситуациях на первый план выходит не то, что отрабатывал и совершенствовал мастер в последние, скажем, пять лет, а то, что недоработано им в детстве.

Что, например, чаще всего подводит Александра Зверева? Удар справа и вторая подача. И затем — игра с лета, игра подставкой, так называемая мягкая игра.

Разумеется, и Александр и его тренеры помнят об уязвимых местах, работают над их устраниением, но neverstaty упущенное в детстве не всегда удается.

Если кто-то присматривался к игрокам сборной СССР разных лет, он, несомненно, замечал пробелы в их технике, уходящие своими корнями в детские годы.

Вспомним Вадима Борисова. Он имел хороший удар слева двумя руками. В каком бы физическом или нерв-

ном состоянии ни был мастер, удар этот у него неизменно получался. А вот достаточно стабильного удара справа не было, и поставить его тренеры так и не смогли. Два-три сета все шло хорошо, но поскольку полного автоматизма, вырабатываемого в детстве, не было, то при усталости или нервном напряжении Вадим начинал ошибаться.

У Андрея Чеснокова другие проблемы. Очевидны его просчеты в тактике — Андрей не всегда играет в пределах корта, его тянет за заднюю линию. Замечу также, что Сергей Леонюк уходит — и в прямом и в переносном смысле — еще дальше: он, случается, задевает ракеткой за фон, а фон, напомню, расположен в семи метрах от задней линии. Другая слабость Чеснокова, тоже уходящая корнями в детство, — он не нагнетает скорость в ударах, хотя и владеет ею. Неуверенно действует он и при приеме мячей, отскакивающих от корта быстро и низко, — такой отскок характерен для травяных кортов.

Прием мячей на траве — самое уязвимое место и у Александра Волкова. У него не была выработана в детстве гибкость, Саша играет на прямых ногах, и потому ему неудобно принимать мячи с низким отскоком.

У Андрея Ольховского не были развиты в детстве тонкие мышечные ощущения. Как говорят в теннисе, он «стучит» по мячу. Со стороны Андрей выглядит вроде бы и неплохо, но с позиции основных аксиом тенниса... Одним словом, мяч у него на ракетке «не сидит». А ведь при любом сильном ударе, плоском или крученом, мяч надо «протащить», только в этом случае удар будет удачным.

И еще — об упущенном в детстве.

Вспоминается встреча Борисова с австрийцем Бернгардом Пилсом в матче Кубка Дэвиса.

Это был наглядный урок на тему «Пробелы в технической подготовке теннисиста».

Сохранять внимание в напряженном поединке трудно,

и после двух сетов Борисов начал сдавать. Все погрешности в его технике сразу вылезли наружу. Снизилась надежность в исполнении удара слева двумя руками по линии: он сделал пять ошибок подряд, выполняя этот удар. В то же время кросс двумя руками слева получался превосходно — этим ударом Вадим овладел еще в детстве.

Пилс довольно техничен. Он хорошо обводит, вяжет паутину комбинаций и за счет долгого, многократного обмена ударами находит какие-то варианты обыграть соперника. Но и у него есть слабости.

Что надо было сделать Борисову, чтобы их использовать? Не ввязываясь в нудный обмен ударами, найти возможность разорвать паутину комбинационной игры. Но не мощными ударами, что предложил Борисов, а разнопланностью действий. Например, сыграть так: удар, еще удар, затем длинная свеча, короткий, выбивающий удар. Иными словами, попытаться сбить стереотип Пилса, заставить его отойти от того, к чему он привыкал годами.

В конце концов Вадим понял, в чем его сила и в чем сила соперника, теннисист он был сообразительный и сыграл в свою игру, а не в ту, к которой стремился Пилс.

Кстати, один из парадоксов тенниса проявляется в том, что именно издержками в технической подготовке и объясняется во многом внимание наших теннисистов к тактике.

В тактическом плане наши мастера сильнее зарубежных. Может быть, в первую очередь потому, что в детстве были чаще всего предоставлены сами себе, и оттого приходилось им изобретать пути к победе, думать, как, за счет чего обыграть соперника.

Журналист. Однажды на первенстве Европы Александр Волков, выступавший по группе юношей, попал в затруднительное положение. Тарпищев был на трибунах и увидел возможный выход — надо было изменить

тактику действий. Подсказывать нельзя, и тогда тренер, потом внутренне раскаявшийся в содеянном, посыпал с мальчиком, подающим мячи, записку Волкову. И тут же тренера отвлекли на несколько минут. Когда он вернулся к корту, то сразу увидел, что Волков смешил тактику поединка.

Кончился матч, тренер пошел вниз поздравить победителя. Волков, мчавшийся ему навстречу, заметил тренера и неожиданно покраснел:

— Простите, я не успел прочитать записку, спрятал в карман и забыл...

Он достал бумагу из кармана и заглянул в нее. Поднял голову:

— Но ведь я так и сыграл...

Верно. И здорово, что молодой теннисист сам догадался, как переломить ход матча.

Тренер и журналист. Рискнем утверждать, что наши мастера изощреннее, нежели их именитые противники. Они чаще всего и без подсказки тренера знают, как надо играть в той или иной ситуации, против того или иного соперника. Беда, однако, в том, что они часто не могут исполнить задуманное, практически осуществить верное, как правило, решение.

Одна из проблем всех, без исключения, наших ведущих мастеров, тоже уходящая своими корнями в детские годы, заключается в том, что они не умеют, не приучены обострять игру, не допуская при этом ошибок. Напротив, в напряженной ситуации они начинают выжидать, когда ошибется соперник.

Внимание, серьезное и постоянное, к детскому теннису — главное условие будущих успехов советских теннисистов.

Талантливые игроки у нас есть сегодня и были в прошлом, но многих мы потеряли. Потеряли в силу разных причин. Одних — потому, что им недоставало трудолюбия, других же... Ошибались тренеры. Ошибались руководители, посыпая на редкие в ту пору для нас

международные турниры не тех, кто мог бы со временем стать большим мастером.

В любом деле находить талант трудно, но еще труднее обеспечить расцвет этого таланта.

В теннисе талант — понятие относительное еще и потому, что здесь никак нельзя соотносить, сравнивать возможности ребенка, юноши, молодого человека, сложившегося спортсмена, даже если речь идет об одном человеке. Здесь сплетается воедино множество качеств, их надо стимулировать, чтобы талант теннисиста смог расцвести во всей красе.

И все-таки мы верим в наших теннисистов, в их будущие победы.

Все успешнее выступает в самых трудных и интересных турнирах Андрей Чесноков. Все более заметны успехи парного дуэта Лариса Савченко — Светлана Пархоменко. Все более интересные игроки, такие, как Наташа Зверева, представляют наш советский спорт на международной арене.

Сначала Наташа стала чемпионкой мира в своем возрасте, затем, в июне 1986 года, вместе с Лейлой Месхи из Тбилиси эта юная минчанка выиграла чемпионат Франции в парном разряде среди юниоров: наши девушки победили в том самом турнире на кортах знаменитого парижского стадиона «Ролан Гарро», где первенствовали фавориты мирового тенниса Иван Лендл и Крис Эверт-Ллойд. Месяц спустя Наташа выиграла юниорский турнир в Уимблдоне. Ее соперницей в финале была Лейла Месхи.

Год спустя, в 1987-м, Зверева повторила свои достижения: она выиграла юниорские турниры и на «Ролан Гарро», и в Уимблдоне, а кроме того, стала вместе со сверстницей из Киева Наташей Медведевой чемпионкой Уимблдона в парном разряде. Но ведь Зверева (ее тренирует отец, Марат Николаевич) попала в Уимблдоне в число 16 сильнейших и в турнире взрослых.

А могут ли быть сомнения в талантливости Андрея

Черкасова (его тренирует Наталья Рогова), который в 12 лет стал вторым игроком в мире в своей возрастной категории, а затем повторил достижения знаменитого шведа Матса Виландера — последовательно выиграл первенство Европы среди юношей младшего, среднего и старшего возраста? Наверное, нет. Наверное, у него счастливые задатки для нашей игры.

Кстати, в финале европейского чемпионата Андрей переиграл Владимира Петрушенко, которого тренирует Александр Карпенко.

Ясно, что и Андрей, и Наташа, и Лейла, и Володя, и другие спортсмены, их сверстники, обладают качествами, позволяющими достигнуть больших успехов.

Но не стали бы рисовать картину в розовых тонах.

Оснований для безоглядного, безоговорочного оптимизма не слишком много.

Ребята одаренные есть, но, увы, их немного.

Причина бедности нашего тенниса талантами заключается вовсе не в том, что в нашей громадной стране нет способных девчонок и мальчишек — они есть, конечно же, есть. Просто мы их не знаем, не нашли, не встретили. Беда наша в том, что детский теннис у нас — сезонный вид спорта. Из 18 тысяч учащихся, занимающихся теннисом, на зимние «уроки» можно оставить — из-за нехватки кортов — лишь 400—500 человек. Например, в Москве на каждого теннисиста-учащегося приходится зимой, как показывают несложные расчеты, лишь три минуты игры на корте. Бессмысленно в таком случае толковать о какой-либо методике освоения тенниса. Группы обучения переполнены, и это лишает тренеров возможности вести нормальную учебно-тренировочную работу.

В европейских странах соревнования детей собирают, как правило, 250—300 участников, у нас же — два-три десятка. В тренерские сети попадает слишком мало перспективных ребят, поскольку возможности отбора ничтожны, а сведения о наиболее способных недосто-

верны: мы не знаем, кто более способен, кому на роду написано быть теннисистом.

Самое главное в работе тренеров с детьми заключается в том, чтобы помочь ребенку полюбить теннис. Нередко, к сожалению, бывает и так, что хорошие специалисты губят способных детей. Зная прекрасно теннис, они не могут научить теннису семи-восьмилетнего игрока.

Почему заслуженный тренер СССР Нина Теплякова вырастила плеяду хороших теннисистов? Да прежде всего потому, что дети к ней тянулись. Они просто боготворили ее. А это значит, что, находя отклик, тренер может выпестовать, воспитать маленького человечка. Внутренний психологический контакт, при котором тренер становится другом ребенка,— наиважнейшее условие успеха в работе.

Но самое трудное в круге забот тренера — организация дела. Согласитесь, рискованно судить о специалисте-тренере, о его квалификации и искусстве, если ему не дали возможности делать на корте все, что он хочет. Давать оценку тренеру можно, если он работал. Вышло — не вышло, есть или нет результат — только по итогам работы можно составить объективные критерии.

К сожалению, ныне тренеры по теннису — прежде всего организаторы, а затем уже, совсем не в первую очередь, специалисты. Когда тренеры начнут заниматься вплотную своими прямыми обязанностями, тогда можно будет спрашивать с них по самому строгому счету.

«ШПАРЬТЕ В ТЕННИС...»

Журналист. Не так уж и давно предложил я редактору популярного журнала статью о теннисе. Мой собеседник после некоторой паузы спросил: а это нужно читателям? Теннис — вид спорта, не слишком у нас распространенный. Да и дорогой. Очень дорогой. И вообще

ще, добавил редактор, теннис — забава для немногих, для элиты...

Для элиты... К сожалению, суждение это не оригинально. Более того, увлечение теннисом считается порой даже предосудительным, и мне не однажды попадались книги, где теннисом занимаются те герои, к которым автор относится резко отрицательно.

Но, может быть, теннис действительно — спорт для избранных?

Нет, конечно! В истории нашей страны отношение к этой игре складывалось по-разному. Днем рождения отечественного тенниса принято считать 28 августа 1878 года — в этот день был принят «Манифест о всесмерном развитии лаун-тенниса в России». В первые после революции годы теннис обвиняли в аристократичности, воспитании индивидуализма, к теннисистам относились с подозрением и презрением одновременно, поскольку те выходили на корты в белых брюках и юбках. Но такое скептическое отношение к теннису, к счастью, быстро прошло. И уже в 1921 году журнал «Вестник физической культуры» писал, что пора «отбросить предрассудки и продвигать теннис в массы как игру полезную и нужную для пролетариата».

Одна из самых ярких в истории советского тенниса спортсменок — многократная чемпионка страны Анна Дмитриева в книге «Играй в свою игру» напоминает, как журнал «Физкультура и спорт» защищал теннис: «Пора перестать заниматься ребяческими разговорами о «белобрючниках». Рабочий, вышедший на корт в белых брюках или в трусиках, от этого никогда не утеряет своего классового сознания...»

Маяковский призывал:

Спина утомилась.
Блузами вспенясь,
Сделайте милость,
Шпарьте в теннис.

Да, теннис пока и вправду уступает у нас в популярности другим видам спорта. Во всяком случае, если судить по официальным данным, фиксирующим число людей, занимающихся этой игрой. Однако цифры эти, вероятно, не совсем точны — едва ли учитывают они игроков, не состоящих ни в каких спортивных обществах и занимающихся «воскресно-отпускным» теннисом.

В теннис играют многие, хотя условия для этого действительно отсутствуют, играют порой на самых примитивных, так называемых «дачных» или дворовых кортах, на баскетбольных или хоккейных площадках, где предугадать направление отскока мяча удается редко.

Что же касается доводов насчет дороговизны тенниса, то эти соображения не кажутся мне убедительными. Я играю ракеткой «Экстра» отечественного производства стоимостью 11 руб. 50 коп. Не стану доказывать, что она отвечает лучшим мировым стандартам. Увы... Для того чтобы найти себе соперника, надо уговорить кого-то из друзей потратить эти же самые 11 с полтиной. Сложнее, конечно, решить проблему корта, тем более не в сезон.

Но сопоставим ситуацию теннисную с футбольной. Начнем с экипировки. Пара бутс стоит столько же примерно, как две ракетки. Для того чтобы сыграть какой-то компанией в футбол, надо собрать по крайней мере полтора-два десятка человек. А одного соперника, у которого есть полчаса-час свободного времени, обнаружить, согласитесь, всегда легче.

Продолжим сопоставление. Что проще оборудовать — теннисный корт или футбольное поле? Поля для футбола требуют значительно большей площади, нежели корты. Там длина от 100 до 110 метров, в теннисе — 23, 77 метра. Соответственно соотношение и ширины площадок. Если на площади, равной футбольному полю, разместить корты, то они могут принять 24 спортсмена.

Корт можно разместить и на хоккейном поле, когда

лед по весне растает. А хоккейные площадки есть у нас повсюду — в самом небольшом городе и в поселке, в селе, в парках и во дворах домов. И если в соревнованиях клуба «Золотая шайба» участвуют ежегодно три с лишним миллиона мальчишек и при этом каждому ясно, что играют ребята чаще всего не во Дворцах спорта, а на самых обычных, заливаемых зимой, в морозы, площадках, то возникают вопросы: сколько же этих площадок и почему так редко используются они для тенниса? Но ведь в теннис можно играть и на баскетбольных полях, в том числе и в спортзалах школ, техникумов, училищ, институтов.

И если в ближайших магазинах нет сеток для тенниса, то можно в конце концов натянуть и волейбольную. Да, маленький теннисный мяч проскочит сквозь эту сетку. Но ведь на таких кортах собираются играть не Лендл или Чесноков, а люди, для которых не слишком важен счет поединка и у которых нет причины спорить, задел ли мяч сетку или не задел, проскочил сквозь ее ячейки или подан правильно.

Тренер. В последнее время во многих странах приобрел популярность теннис, в котором используются пластмассовые ракетки, поролоновые мячи, а игра ведется на укороченных кортах. Впрочем, иногда играют и обычными ракетками, но поролоновыми мячами. Считаю, что такая разновидность тенниса интересна, и полезна, особенно для детей. «Медленный теннис» помогает осваивать или совершенствовать технические приемы. Мышцы имеют память, и усвоенное при замедленной игре сохраняется и при обычной. В «медленном теннисе» можно исполнять тот или иной удар и одновременно думать над его особенностями — в обычной же ситуации необходим автоматизм действий.

Журналист. О достоинствах игры и ее демократизме писали и говорили многие далекие от спорта высших достижений люди, считая — совершенно справедливо, — что одна из самых больших заслуг тенниса в том, что

он доступен физкультурникам любого возраста. Едва ли кто станет начинать осваивать футбол в 50—60 лет, но в теннисе и 70 — не помеха для того, чтобы впервые взять ракетку в руки.

Рассказывая о творческом долголетии ученых, мой коллега и друг написал на страницах «Спорта в СССР» о своих встречах в киевском спортивном клубе «Наука».

«На теннисном корте тренировался президент Академии наук Украины, один из наиболее известных советских ученых,— Борис Евгеньевич Патон.

— С Патоном я знаком 25 лет,— сказал мне руководитель теннисной секции «Наука» Анатолий Кржевин.— За эти годы президент ни разу не болел и не пропустил ни одного занятия. Если, скажем, он не может прийти на корт из-за того, что уезжает в командировку, то, вернувшись, как правило, в тот же день компенсирует пропуск. В течение всех этих лет два раза в неделю Борис Евгеньевич проводит полтора часа на теннисной площадке, после чего 20 минут плавает в бассейне...

Президенту около 70 лет. Но на корте он ведет себя с юношеским азартом. Радуется и горюет по поводу каждого удачного или неудачного удара.

Играет всегда на счет. Почему?

— Я очень люблю выигрывать! — ответил разгоряченный теннисным поединком Патон.

Разумеется, в Академии наук прекрасно знают и о спортивных пристрастиях президента, и о не слишком приятной для некоторых привычке Бориса Евгеньевича интересоваться, занимается тот или иной сотрудник физической культурой. Это, естественно, стимулирует ученых всех возрастов активно заботиться о своей форме.

Академик АН УССР, директор Института математики Юрий Алексеевич Митропольский, который на год старше Патона, тоже постоянно занимается теннисом и плаванием.

— Я как-то смотрел по телевизору состязания теннисистов-профессионалов,— говорит Митропольский,— и

пришел к убеждению, что наши игры гораздо интереснее. Во-первых, мы больше бегаем, потому что сами поднимаем упущеные мячи. А во-вторых, когда мы на площадке, то за один матч возникает больше комических ситуаций, нежели на протяжении всего Уимблдонского турнира...»

В теннис играют, конечно, не только в Киеве. И не только ученые. Играют летчики, шахтеры (в Донбассе игра эта приобрела немалую популярность), студенты, космонавты, строители. Кстати, у космонавтов теннис входит в программу предполетной подготовки...

— Я знаю доктора наук, профессора, человека очень немолодого, который, как показалось мне при первом знакомстве, с трудом уже ходит, и вдруг я увидел его на корте. Он много передвигался на площадке и играл вполне квалифицированно... Теннис, единственный, кроме шахмат, вид спорта, доступный людям любого возраста...

Привожу рассказ известного кинорежиссера и актера Никиты Михалкова. Он выступал в Москве, во Дворце спорта «Динамо», 11 января 1986 года, где проходил вечер тенниса. Три тысячи зрителей побывали на этом празднике. Сначала были сыграны два мини-турнира: четыре участника у мужчин и женщин, один сет из пяти геймов (при счете «ровно» разыгрывается решающее очко). Турниры эти выиграли Юлия Сальникова и Александр Зверев. Кстати, четверку теннисистов составила сборная СССР, которая выезжала в Буэнос-Айрес на матч Кубка Дэвиса: Чесноков, Леонюк, Волков, Зверев.

А после антракта мастера показали веселый теннис. В сущности, это были разные элементы из арсенала тренировочных занятий спортсменов. Пока теннисисты готовились к следующему выходу на корт, «слово» получали мастера театра и эстрады Лев Лещенко, Владимир Винокур, Леонид Ярмольник. Коллег представ-

лял ведущий телепередачи «Утренняя почта» Юрий Николаев.

Шамиль Тарпищев и известный специалист тенниса Борис Фоменко, много и интересно пишущий об игре, комментируя происходящее на корте, рассказывали попутно об истории этого вида спорта, раскрывали секреты техники и тактики игры.

Пять часов теннисного спектакля стали вечером блистательной пропаганды прекрасной игры, которой, если судить по составу зрителей, собравшихся на «Динамо», покорны решительно все возрасты. Кстати, такой же удивительный вечер состоялся на «Динамо» и год спустя, в январе 1987-го. Этот праздник становится традиционным.

Читал однажды про теннисиста из Австралии, который выходил на корт и в 90 лет. Но и чемпионка этой страны поражала своим спортивным долголетием — выиграв в 1930 году чемпионат Австралии, Эмилия Уэстлкот играла до конца 70-х. Француз Жан Боротра, в 59 лет выступавший в парном разряде Уимблдонского турнира, и в 70 лет (это было в 1968 году) играл в открытом чемпионате Франции.

Что же касается рекорда Уимблдона в одиночном разряде, то он принадлежит Артуру Гору из Англии — этот теннисист выиграл турнир в 41 год.

Доступность тенниса настолько очевидна, что это подчас вводит зрителя в заблуждение.

Известен случай с бывшим президентом США Ричардом Никсоном. Будучи еще вице-президентом, он вручал призы открытого чемпионата США и речь свою начал так: «Я всегда считал, что теннис — спорт слабосильных...»

Теннис демократичен, однако успехи приходят здесь все-таки к тем, кто хорошо подготовлен физически.

Большой теннис, как и весь спорт высших достижений, требует от своих подданных серьезного к себе отношения.

О МОДЕ, ПОПУЛЯРНОСТИ И ПРИБЫЛЯХ

Тренер. Спорт для избранных? Нет! Конечно же, нет!

В 50—70-е годы нашего века теннис, как свидетельствует ЮНЕСКО, развивался значительно быстрее, чем любой другой вид спорта. Да и сегодня по темпам роста, по быстроте увеличения числа занимающихся, по обретению популярности равных теннису немного.

Интерес к теннису велик во многих странах — в Чехословакии и Англии, Югославии и США, в Швеции, Франции, ФРГ, в разных районах земного шара. В Аргентине, например, население которой три десятка миллионов человек, 35 тысяч кортов — стоит ли удивляться, что теннисисты этой страны так высоко котируются в мире.

Теннис сегодня — один из трех самых модных видов спорта — наряду с горными лыжами и виндсерфингом, и мода эта объяснима.

Растет и класс игры. Причем не только в традиционных теннисных державах. Не только на высшем уровне. Но и на уровне массового, воскресного тенниса. Сейчас — и речь идет о многих странах — стало модно играть в теннис. И мода эта вовлекла в свою орбиту вовсе не одни лишь «элитарные круги»: теннис может стать очень дорогим, но может быть и дешевым увлечением.

Журналист. Кстати, о моде. Прочитал как-то, что в «Правилах хорошего тона для молодежи», изданных в Гонконге, молодым людям, отправляющимся на первое свидание, рекомендуется держать теннисную ракетку в одной руке и шахматную доску в другой. «Это поможет впечатлить избраннице сердца благоприятное впечатление как о своем здоровье, так и о своем интеллекте», — поясняют составители этих «Правил».

Тренер. Доступность игры породила большую теннисную индустрию. Индустрия тенниса, индустрия обслуживания этой игры шагнула далеко вперед. И не секрет, что сегодня нельзя выиграть важные соревнова-

ния, не имея для подготовки спортсменов в с е х необ-
ходимых условий.

Речь прежде всего о совершенном оборудовании, о современной экипировке теннисистов. Деревянные ракетки, выпускаемые нашими заводами,— явный анахро-
низм, если иметь в виду подготовку мастеров высокого класса. За рубежом, кстати, выпуск деревянных ракеток практически закончен. И это имеет свои объяснения: при игре современными ракетками выигрыш в скорости выброса мяча достигает примерно 23 процентов.

Мы же производство современного инвентаря для тенниса только-только начинаем осваивать. И, призывая потенциальных читателей книги заниматься теннисом, должен тотчас же оговориться: будущие теннисисты столкнутся с трудностями в приобретении и ракеток, и мячей, и... Совершенно схожая, к сожалению, ситуа-
ция и с качеством струн, и с обувью, и с экипировкой. Хотя первые сдвиги есть. Расширяется строительство кортов, выпуск хороших ракеток, в том числе и лицен-
зионных.

При прочих равных условиях современное теннисное оборудование и добротная экипировка становятся тем преимуществом, которое обуславливает успех спортсме-на. Не случайно лучшие образцы, наиболее совершен-
ные типы теннисных ракеток стоят сегодня свыше двух-
сот долларов — речь о том, что поступает в продажу. Не знаю, какими «тиражами» расходятся эти ракетки, но подозреваю, что фирмы, занятые производством сна-
ряжения для тенниса, в убытке не остаются.

Журналист. Разумеется, процессы, происходящие в индустрии отдыха в капиталистических странах, далеко не просты. Теннис рекламируют не только ради развлечения и здоровья людей. На теннисе наживаются, дела-
ют бизнес. Именно потому крупнейшим корпорациям и фирмам выгодно жертвовать деньги на проведение турниров теннисистов.

В моих руках официальный справочник для прессы

на 1987 год. Прекрасно изданный, ценой 15 долларов, томик, в котором 400 с лишним страниц. На первой обложке — фотографии двадцати сильнейших игроков мира 1986 года: от Ивана Лендла до Тьерри Туласна из Франции.

Другой ежегодник, изданный Советом международного мужского профессионального тенниса. На одной из первых страниц начинается календарь соревнований на 1986 год. Месяц и день начала турнира. Число игроков, допускаемых на него. Сумма призового фонда. И непременно — спонсоры. «Бенсон и Хеджес», «Вольво», «Липтон», снова «Вольво», «Мерседес», «Сейко», еще раз «Вольво» и снова «Сейко», «Кастем кредит Остремлиэн», «Мартини» и так далее, и так далее. Автомошины, банки, чай, зажигалки, часы — все связано с теннисом.

Вкладывают деньги в теннис. Большие деньги. Но не остаются внакладе. Теннис выгоден.

Теннис — это большие деньги, а коли так, то призовые фонды становятся стимулом роста для молодых теннисистов-профессионалов, стремящихся обеспечить свое существование.

Мир большого тенниса не прост.

Можно по-разному расценивать процессы, происходящие в сегодняшнем большом теннисе, но они очевидны, объективны, и не учитывать их было бы рискованно.

Тренер. Мировой теннис за последнее десятилетие заметно шагнул вперед. Впрочем, это был не просто шаг — скачок. И речь сейчас не только о количестве кортов, о миллионах и миллионах людей разного возраста, увлекающихся теннисом, но и о спортивном уровне этой игры.

В малых странах появились ныне большие мастера — имею в виду, конечно, не географические размеры того или иного государства, а развитие тенниса в этой стране. Теперь искусные игроки появились и там, где раньше не было мастеров, входящих в число первых трех-

четырех сотен игроков на компьютере АТП. И в Европе, кажется, нет теперь таких мест, где бы не играли в теннис на высоком уровне, даже в Швейцарии и Голландии, где к большому теннису некогда были равнодушны, занимаются теперь этой игрой основательно — под руководством штатных тренеров соответственно 34 и 450 тысяч человек.

Теннис шагнул настолько далеко вперед, стал настолько сложной игрой, в том числе в тактическом плане, что сегодня уже практически не осталось больших мастеров, которые приезжали бы на ответственные соревнования без личного тренера.

У профессионального теннисиста тренер — это человек, который всецело отвечает за сугубо творческие дела, за профессиональную спортивную подготовку, за спортивный результат.

В этом отношении мы, к сожалению, уступаем сопернику. Ни тренер сборной, ни тренер ведущего игрока не могут находиться с ним постоянно — у тренера два десятка учеников, и каждому надо уделять времени.

Профессионализм в западном теннисе построен, с одной стороны, на взаимной выгоде такого сотрудничества тренера и спортсмена, но с другой — на громадных усилиях игрока, выполняющего все предлагаемые ему объемы тренировочной работы. Максимально высокая готовность теннисиста — непременное условие его успехов в турнирах.

А их число стремительно растет.

Легендарная Маргарет Корт из Австралии, выигравшая рекордное число (59) турниров «Большого шлема», рассказывает в книге, написанной ею совместно с журналистом Джорджем Макгенном: «Однако я уверена — больше никогда не буду жить в таком сумасшедшем темпе, как жила в тот год, когда с начала января до середины октября 1973 года сыграла двадцать пять турниров (не считая матча с Риггсом). Во время этих турниров у меня практически не было ни одного сво-

бодного дня. Я так больше не смогла бы. Зимой мы обычно играли поздно вечером, а я всегда выступала в одиночном и парном разрядах. Порой мне приходилось оставаться на кортах до часа ночи. Когда же я, наконец, добиралась до кровати около двух часов, то напряжение дня не ослабевало — уснуть было невозможно. А на следующий же день все начиналось сначала».

Журналист. Но за прошедшие с тех пор полтора десятка лет число турниров резко возросло, и звезды профессионального тенниса превратились сегодня в пилигримов, кочующих — без передышки — из страны в страну, с континента на континент. Не случайно Джон Макинрой запросил в начале 1986 года тайм-аут. Он объявил о своем временном уходе из тенниса: по правилам Совета международного мужского профессионального тенниса он может не принимать участия в турнирах «Гран-при» в течение шестидесяти дней. «Джон переутомлен. Он потерял интерес к игре», — пояснил его отец.

Тренер. Вернемся к разговору о паре «теннисист — тренер». У нас такая ситуация: на сбор, куда приглашены полтора десятка теннисистов, приезжают всего два-три тренера. Да и они далеко не полностью отдаются своему главному делу, ибо никто не снимает с них и административных функций. Но ведь сегодня один тренер практически не может справиться с тремя спортсменами, ибо теннис по своему содержанию — комплексный вид спорта. Здесь для успеха требуется развитие многих и очень разных качеств, а для этого важна тренировка направлена, построенная с учетом индивидуальных особенностей каждого спортсмена.

Наиболее известные пары — тренер и ученик — последних лет, что называется, на слуху любителей тенниса. Румынский тренер Ион Цириак и его аргентинский подопечный Гильермо Вилас. Затем Гюнтер Буш и победитель Уимблдона 1985 и 1986 годов Борис Беккер из ФРГ. Польский теннисист Войцех Фибак тренировал

первую ракетку мира по итогам 1987 года Ивана Лендла. (Сейчас с Лендлом занимается Рой Эмерсон.) Другой не менее известный теннисист — Сантьяго — был тренером Джима Коннорса.

Примеры такого сотрудничества можно приумножать.

Стало считаться выгодным заключать профессиональные, полупрофессиональные или почти профессиональные контракты с молодыми ребятами, которые, с точки зрения специалистов, могут расцениваться как перспективные теннисисты.

На контракте находятся и спортсмен и его тренер.

Как все это устраивается?

Обычно создается группа из 5—7 игроков, которая заключает контракт на срок, скажем, до трех-пяти лет, в соответствии с которым перед спортсменом ставится определенная задача. При настойчивой работе он должен достичь намеченного результата и на контрольных тестах и в соревнованиях. Если он не добивается цели, контракт с ним расторгается.

По такому пути идут сейчас, например, команды теннисистов ФРГ, Швейцарии и Голландии.

Хотел бы напомнить, что и представители социалистической страны — Чехословакии поставили подготовку теннисистов на солидную материальную основу. Они обратили самое серьезное внимание на создание теннисных центров и кубковых команд. Тренеры помогают спортсменам на всех соревнованиях и отвечают за результаты выступлений игроков в кубке.

Чехословацкие теннисисты намного обошли нас и потому, что значительно раньше поняли важность создания условий для подготовки классных мастеров в этом виде спорта. И сейчас успехи наших друзей бесспорны — вспомним хотя бы Хану Мандликову, Хелену Сукову, Ивана Лендла, Мирослава Мечирта, Томаша Шмида, Либора Пимека, Павла Сложила и других известных мастеров.

Термины и понятия

Несколько общих советов, пояснений и практических рекомендаций для тех читателей, которые пробуют или собираются попробовать свои силы в теннисе.

В последние годы в различных издаельствах вышли книги, по преимуществу переводные, полезные для практики игры. В них немало интересных советов, которые помогут энтузиастам тенниса освоить или усовершенствовать их игру. В частности, можно припомнить такие книги, как «Теннис за три дня» Жан-Поля Лота, «Уроки тенниса» под редакцией Д. Барстоу, «Как побеждать в теннисе» Рода Лейвера, «Современный теннис» Поля Метцлера, «Всемирный теннис» Индржиха Гема «Теннис после тридцати» Юрия Айвазяна и другие.

В этих книгах, как и в той, которую держит сейчас читатель, встречаются специфические термины, принятые в теннисе, и их, вероятно, следует пояснить. Пожалуй, удачнее других авторов все виды ударов в теннисе перечислил в сжатой форме Лот. Предоставим ему слово.

Удар справа. Удар, нанесенный после отскока мяча с правой стороны игрока.

Удар слева. Удар, нанесенный после отскока мяча с левой стороны игрока.

Подача. Единственный не зависящий от противника удар и первый из нападающих ударов. Наносится он над головой с помощью движения, которое позволяет мячу достичь квадрата на стороне противника с максимальной точностью и эффективностью.

Удар с лета. Удар, нанесенный до того, как мячкоснулся земли, то есть на лету.

Выход к сетке. После подачи или ударов, нанесенных

по отскочившему мячу, игрок устремляется к сетке, чтобы иметь шанс перехватить мяч.

Тактический выход к сетке. Выход к сетке (без риска сорвать атаку) позволяет занять удобную позицию. Предполагается совершать выход к сетке в благоприятных условиях, когда есть возможность закончить розыгрыш мяча последующим ударом с лета. Своевременный выход к сетке мешает противнику, в свою очередь, овладеть позицией у сетки.

Обводка. Удар справа или слева из глубины корта, при помощи которого стараются обвести противника, приготовившегося ударить с лета. Это не всегда решающий удар, но он должен наноситься с целью создать максимальные трудности для противника, играющего у сетки.

Первая обводка, при которой соперник перехватил мяч, но не выиграл его, может считаться успешной. Действительно, следующая обводка может принести выигрышное очко. Если же и ее перехватит противник, оставаясь в трудной позиции, то последующая обводка может оказаться победной.

Подрезка. Удар выполняется справа и слева, как правило, коротким замедленным движением так, чтобы мяч попадал сразу за сеткой и как бы «умирал» на стороне противника. Этот удар достигает полного эффекта, если он выполняется неожиданно для соперника.

Свеча. Удар, выполненный справа или слева вверх таким образом, чтобы мяч прошел над головой играющего у сетки соперника и оказался для него недосыгаемым. Такую свечу считают атакующей. Свеча, при которой мяч послан достаточно высоко, что дает время выполнившему этот удар игроку занять удобную позицию на корте с целью перехвата инициативы в розыгрыше очка, считается защитой.

Удар с полулета. Как правило, этот удар не рекомендуется. Сторона, выполняющая его, получает пло-

хую позицию, не удобную для нанесения уверенного удара справа, слева или с лета. Однако следует знать, как выполняется удар с полулета, чтобы не расстаться в критической ситуации. Удар наносится, едва мяч отскакивает от корта. Для его выполнения требуется особенно тщательный контроль за мячом.

Темп. Он может быть медленным или быстрым, но всегда преследует цель — сковать противника. Как правило, под термином «темп» подразумевается частый обмен ударами, наносимыми с большой силой, высокая интенсивность игры. Если, находясь у корта, вы слышите слова «какой темп!», это означает большую скорость полета мяча, живую мобильную игру.

Дроп-шоп. Слово английского происхождения, означающее «подрезка». Резаный удар выполняется движением ракетки к мячу сверху вперед-вниз, что придает ему вращение вокруг оси в обратную сторону по отношению к направлению полета мяча.

Крученый мяч. В противоположность резаному удару этот удар можно назвать «причесываемым». Ракетка подводится к мячу снизу и ударяет по нему в направлении «вперед-вверх», что придает мячу верхнее вращение вокруг оси. При резаном ударе мяч как бы парит в воздухе, при крученом — мяч словно притягивается землей.

К тому, что назвал Жан-Поль Лот, хотелось бы добавить еще несколько распространенных терминов:

Драйв — сильный удар с отскока, четко направленный, придающий мячу вращательное движение в направлении его полета.

Смеш. Удар, которым гасится, «убивается» мяч над головой.

Реверс. Смеш с левой стороны.

Кросс. Удар, которым мяч направляется через площадку по диагонали.

По линии. Удар, выполняемый по боковой линии площадки.

Первые шаги

Поль Метцлер, один из видных в прошлом австралийских теннисистов, дает в своей книге немало полезных советов начинающим.

Два из них мы хотим напомнить читателям.

Роль пальцев при хватке ракетки

Для контроля за мячом важно помнить: пальцы чувствительнее к ракетке, чем ладонь. Однако держать рукоятку ракетки одними пальцами невозможно — ручка для этого слишком широка, да и не следует этого делать, поскольку для обеспечения крепости в хватке необходимо участие ладони.

Вы делаете замах для обеспечения необходимой скорости, а к соприкосновению ракетки с мячом зачастую не предъявляете особых требований. Тем не менее при любом ударе по отскочившему мячу, требующему контроля (например, при точном обводящем ударе или при отражении наиболее трудных подач), нельзя обойтись без использования пальцев.

Участие пальцев очень важно для большинства ударов с лета. Дело тут не только в чувствительности пальцев, но и в том, что ваши пальцы сильнее, чем вы предполагаете. Ведь используете же вы их при бросании довольно тяжелых предметов! А исполнение подачи как раз равносильно броску.

Когда вы держите ручку ракетки лишь ладонью, то чувствуете ее более толстой. Именно такое ощущение вам приходится испытывать в начале игры. А если вы вообще долго не брали в руки ракетку, то вам покажется, что вы держите не ракетку, а конец мотыги или лопаты. И наоборот: к концу игры, вечером, когда ваш

глаз уже «наметан» и вы чувствуете себя непринужденно, рукоятка кажется вам тоньше и удобней. Первое можно объяснить тем, что вы слишком глубоко обхватываете ракетку ладонью. Второе — по мере наращивания уверенности в игре вы неосознанно стремитесь все больше и больше использовать пальцы.

Все это говорит о том, что пальцы играют значительную роль при держании ракетки.

Следите за мячом

Так как результативные удары — основа всей игры, то, видимо, следует рассмотреть основу самих ударов.

Тренеры и чемпионы единодушны в том, что первой заповедью, которую должны усвоить начинающие игроки, и наиболее важным правилом, которому следуют чемпионы, является: «Следите за мячом!» Один из бывших победителей Уимблдонского турнира говорит: «Готовясь к большим соревнованиям, я посвящаю всю первую половину программы моих тренировок отработке умения следить за мячом». Надоедливый тренер постоянно твердит: «Концентрация внимания на мяче — это первая вещь, которой учат, и первая вещь, которую забывают».

Отсюда сразу же вытекает первое замечание. Поскольку в теннисе почти все должно вначале заучиваться, а затем выполняться, поскольку долгие размышления и быстро летающий мяч трудно сочетаются, то одного лишь наблюдения за мячом будет недостаточно. Нужно еще и осознавать само наблюдение.

В этом есть что-то от парадокса. Казалось бы, что может быть более легким и естественным на корте, как смотреть на мяч! Однако умение правильно следить за мячом никак не отнесешь к разряду естественных ве-

щей. Это особенно касается удара справа, при котором ваша голова не поворачивается вместе с туловищем и «не нависает» над мячом, как это происходит при ударе слева.

Когда вы осознанно следите за мячом, он кажется отчетливее и даже крупнее. Кроме того, есть и другая награда за осознанное слежение — концентрация внимания на выполняемых действиях.

Осознанно следить за мячом — это значит следить мысленно.

Комментарий тренера, полезный и начинающему теннисисту.

Шамиль Тарпищев:

— Есть общие заповеди, законы игры, равно обязательные как для мастера, так и для начинающего. Эти аксиомы незыблемы на протяжении всей долгой жизни теннисиста, они верны и для десяти- и для семидесятилетних.

Первая заповедь — смотреть на мяч до конца, пока мяч не отлетит от струн вашей ракетки. Здесь же хотел бы напомнить, что важно внимательно следить за мгновением удара.

Вторая — точка удара должна быть впереди вас. Одно из непременных условий успеха — раньше «брать» замах.

Третья — «ракетка — в мяч». Бить надо на том уровне, на котором он летит. Не бейте по мячу по касательной, если хотите, чтобы удар получился плотным, точным, направленным.

Четвертая — перенесение центра тяжести тела. По мячу надо стараться бить «ногами», вкладывая в удар вес тела: это добавит силу и точность, поскольку удлиняет сопровождение ракеткой мяча.

Пятая — «музыка в ударе». Чувствовать ритм удара — определенное взаимодействие, последовательность всех этих элементов. Автоматическая работа всех мышц

Государственный
Библиотека СССР
им. В. И. Ленина
1983

избавит вас от скованности. Уметь расслабиться и играть за счет свободы маха.

И наконец, шестая заповедь — все движения выполняются не за счет силы, а за счет свободного маха, раскованности. Умейте расслабляться. Чтобы понять, почувствовать ритм удара, запомните правило: мяч над сеткой — замах, мяч касается корта — начало удара.

Мнение чемпионов

Гарнер Муллой, США, в десятку лучших теннисистов мира входил пять раз, впервые попал в число лидеров мирового тенниса в 1946 году, в 1957 году стал чемпионом Уимблдона в парном разряде.

В журнале «Уорлд теннис» были опубликованы его ответы на вопросы читателей.

Мы приведем некоторые из них, сгруппировав ответы знаменитого мастера так, чтобы они касались некоторых важных проблем освоения тенниса новичком.

— **Могут ли начинающие тренироваться с начинаяющим?**

— Да, но постольку поскольку нет другой возможности. При отсутствии более опытного игрока я советовал бы вам воспользоваться тренировочной стенкой. Во время игры у стенки, стабильно возвращающей мячи, вы сможете с первых шагов лучше проследить за попаданием по мячу, легче держать равновесие и сохранять ритм, нежели на корте. И, лишь освоив самое необходимое, вы можете выйти на площадку и начать играть против равного партнера, получившего первые навыки у стенки.

— Можно ли улучшить игру, наблюдая за действиями мастеров?

— Безусловно. И не только потому, что вы будете внимательно наблюдать за их техническими приемами. Вы получите возможность лучше понять их тактические замыслы, чем если бы вам их кто-то объяснил. Вы можете проникать в замысел сильных теннисистов не только в отдельных ситуациях, но и на протяжении всего матча. Для наблюдения за игрой расположитесь за задней линией площадки, по возможности в одном из верхних рядов.

— Оправдывает ли себя тренировка женщины главным образом с мужчиной?

— Тренировка женщины с мужчиной имеет и очевидные преимущества, и серьезные недостатки. Решающим здесь является уровень соперниц и их тактические принципы. Часто тренировка с мужчинами вырабатывает привычку длительного обмена сильными ударами, а в соревнованиях одиночного разряда приходится довольно редко сталкиваться с этим. Кроме того, такая тренировка не готовит к напряженному, нервному поединку. Тренировка с мужчиной, однако, может развивать реакцию, подвижность, темп, если в ходе ее теннисистка вынуждена отбивать острые подачи и мячи у сетки. Рекомендую поэтому теннисисткам чередовать занятия с женщинами и с мужчинами. Если вы чаще играете с мужчинами, хорошо, чтобы в игре с вами они регулярно применяли блокирующий удар и другие уязвимые для женского тенниса приемы.

— Стоит ли начинать учиться игре в теннис с освоения подачи?

— В последнее время был предпринят целый ряд

попыток отойти от обычной методики и начинать первые тренировки с разучивания удара с лета или подачи. Считаю наименее целесообразным начинать с разучивания подачи, поскольку это сложный технический прием, требующий хорошей координации и особого чувства мяча, которого еще нет у новичка. Кроме того, упражнения на одном месте скучны для начинающего и могут только отбить охоту заниматься. Рекомендую апробированный путь — начинать с удара с отскока.

— Как правильно подбрасывать мяч при подаче?

— Подбрасывать надо на такую высоту, до какой сможете достать серединой головки ракетки, поднятой вверх. Не подкидывайте выше, поскольку удар по опускающемуся мячу снижает эффективность подачи. Подбросив слишком низко, вы, наоборот, лишитесь угла подачи. Направление подбрасывания зависит от типа подачи. Для быстрой прямой подачи подбрасывайте мяч почти перед собой, для резаной — немного правее, а для американской фальшивой (крученой подачи) — немного влево. Эти различия в подбрасывании должны быть как можно менее заметными, чтобы противник не мог угадать замысел подающего. Поупражняйтесь в подбрасывании с вытянутой рукой, сопровождая мяч пальцами до последнего момента.

— Что означает понятие «тайминг»?

— Это соблюдение правильного ритма ударов. Движения ног, туловища и кисти с ракеткой должны быть слаженными, позволяющими ударить по мячу в самом нужном месте и в наиболее подходящий момент. Это позволит вам нанести удар с наименьшим усилием и наибольшей скоростью и к тому же самый эффективный.

Важной предпосылкой достижения нужного ритма является своевременный старт и замах — еще до того, как мяч перелетит сетку.

— **Как развить реакцию у сетки?**

— Станьте вместе со своим партнером во время тренировки у сетки и направляйте друг другу удары с лета, сначала не торопясь, затем все быстрее. Обратите внимание на то, чтобы ваш замах не был слишком длинным и не мешал бы быстрому обмену ударами. В последнем случае, кстати, не следует менять хватку при переходе от удара справа к удару слева и наоборот. Если же вы изменяете ее, то делайте это, совсем незначительно проворачивая ручку. Держите под контролем работу ног и стартуйте уже в тот момент, когда мяч покидает ракетку противника.

— **Как принять мяч, задевший сетку и отскочивший неожиданным образом?**

— Такой мяч может оказаться неожиданно коротким, но может также уйти вверх или отскочить в совершенно непредвиденном направлении. В любом случае ваша реакция должна быть исключительно быстрой, готовьтесь к любому маневру: выходу вперед, удару справа, слева или над головой. Если мяч коснулся сетки, мобилизуйте все внимание и моментально действуйте, учитывая характер отскока мяча.

— **Как усилить игру у сетки?**

— Удары с лета существенно отличаются от ударов с отскока, и тот, кто в течение многих лет привык играть сзади, должен прежде всего изменить свое представление об игре, если он хочет строить ее на иной тактике. Вообразите, что вы хотите попасть по мячу кистью,

что ракетка — всего лишь продолжение ее. Не делайте замаха, наваливайтесь на мяч как бы всей своей тяжестью. У сетки вы должны обладать готовностью боксера и кошачьей ловкостью. В промежутке между ударами придерживайте ракетку левой рукой прямо перед туловищем и начинайте старт уже в тот момент, когда мяч отскакивает от ракетки противника.

ДЕНЬ ВТОРОЙ

ЗВЕРЕВ УДИВЛЯЕТ СОПЕРНИКА

Б у э н о с - А й р е с

Журналист. В субботу светит солнце, и в 11 утра Хосе-Луис Клерк и Александр Зверев возобновляют свой поединок. По условиям матча Кубка Дэвиса парные соревнования могут состояться в этот же день, правда, при условии, что Клерку и Звереву для выяснения отношений хватит 30 геймов. Если же геймов будет сыграно больше, то потребуется обоюдное согласие капитанов на продолжение матча в этот день. А поскольку Клерк уже выиграл один сет, то судьи напоминают мне, что у нас сегодня будет «очень долгий рабочий день». Да, вероятно, пары успеют сыграть.

Но события на корте разворачиваются не так, как ожидалось. Второй сет выигрывает Зверев — 6:4. В третьем он снова, правда, уступает своему знаменитому сопернику 3:6, но в четвертом с таким же счетом берет верх.

Перед решающим сетом счет 2:2.

Клерк озадачен. Изумлен. Он, судя по всему, не принимал нашего теннисиста всерьез.

Назревает еще одна сенсация?

На трибунах оживление, однако радостные возгласы сменяются тревожной тишиной.

В конце концов Клерк все-таки вырвал победу, победив в пятом сете 7:5. Сказался опыт.

Для выявления победителя теннисистам потребовалось более 30 геймов, и потому парная встреча откладывается на воскресенье, 5 октября, третий, последний по предварительному расписанию, день матча.

Сумасшедший эксперимент

Тренер. 1974 год остался в истории нашего тенниса как один из самых удачных. Для меня же как тренера этот год был решающим. Шло становление молодого, а точнее — просто начинающего тренера. Я не работал в детских школах, всего лишь полтора года пробовал свои силы в роли наставника в спортивном клубе «Энергия». Прежде я только играл. И знал теннис как игрок. Как спортсмен, который беспокоится о своей личной подготовке, а вовсе не о других теннисистах.

Я был начинающим буквально во всем. Не мне судить тех, кто пошел на такой сумасшедший эксперимент — поручить работу со сборной страны теннисисту, ни одного дня не работавшему тренером со сложившимися игроками.

Решение это, как позже я понял, было принято не от хорошей жизни. Нашлись бы подходящие специалисты, устраивающие всех заинтересованных людей, отвечающих за теннис, обо мне бы и не вспомнили.

Понимаю хорошо, что тренером я стал случайно.

Однако это не та случайность, о которой говорят, что она — проявление закономерности. По крайней мере, в то время ничто не намекало даже на возможность такого сюжетного хода в моей судьбе.

1972 и 1973 годы были, несомненно, самыми удачными для теннисиста Тарпищева. Только в последние сезоны, примерно с 1971 года, я начал обретать себя, пришли успехи, я попал в элиту советского тенниса, по итогам сезона меня включали в десятку лучших пятым, седьмым, в 1972-м — четвертым, и я очень хотел играть: надеялся улучшить свои позиции, прочно закрепиться в сборной СССР...

Журналист. В подшивках «Советского спорта», у коллег, нашел старые репортажи, рассказывающие о соревнованиях, в которых участвовал мой соавтор.

«Советский спорт», февраль 1970 года. Виктор Ва-

сильев пишет о международном московском турнире: «Совсем иначе сложился матч другого молодого теннисиста — Тарпищева, игравшего с Клифтоном. По-видимому, англичанин поначалу не отнесся к заметно волновавшемуся Тарпищеву с должным уважением. Клифтон уверенно выиграл первый сет и начал второй в состоянии некоего благодушия, не заметив того, что Тарпищев пришел в себя и заиграл с большим воодушевлением. А когда Клифтон увидел, что перед ним уже совсем другой противник, он растерялся, и Тарпищев полностью завладел инициативой и выиграл — 5:7, 8:6, 6:4».

Декабрь того же 1970 года. Мемориал Зденека Зигмунда. Специальные призы лучшим парным игрокам Анатолию Волкову и Шамилю Тарпищеву вручил Николай Озеров, давний партнер Зигмунда.

Год 1972-й. Заголовок в газете «Молодежь Эстонии»: «Гроза таллинцев — Шамиль Тарпищев». Вот выписка из этой статьи, посвященной турниру сильнейших теннисистов СССР.

«Украшением турнира был вчерашний финальный матч между международным мастером В. Коротковым и его менее именитым земляком Ш. Тарпищевым. Первая партия за последним — 6:4, а во второй — неоспоримое превосходство В. Короткова — 6:2. В третьей, решающей партии три гейма подряд выигрывает Ш. Тарпищев, но его соперник с честью выходит из трудного положения. Счет становится ничейным, а затем Ш. Тарпищев снова выходит вперед — 5:4. Дважды он мог одним точным ударом решить исход матча, но оба раза мяч летит за пределы корта.

Инициативой овладевает В. Коротков. Он восстанавливает равновесие — 5:5, а затем дважды ведет в счете — 6:5 и 7:6. Но Ш. Тарпищев выигрывает три гейма подряд и становится победителем турнира. Счет матча — 6:4, 2:6, 9:7 в его пользу».

Год 1973-й. Март. Снова газета «Советский спорт». На первой полосе информация. Сборная команда тен-

нистов СССР выиграла «Кубок Дружбы», проводимый кубинской Федерацией тенниса в Гаване. Соперниками ее были спортсмены Болгарии, Польши, Чехословакии, Чили, Кубы. В составе сборной СССР выступали Шамиль Тарпищев и Анатолий Волков. Затем Тарпищев выигрывает крупный международный турнир в Гаване... На его счету победы в соревнованиях в ГДР, Бельгии, Румынии.

Тренер. Я всегда был трезв в оценке своей игры и своих возможностей. Не только сейчас, но и тогда понимал, что первым в мире мне не быть. Понимал, что, например, Метревели выше меня по классу. Играл достаточно успешно и с самыми сильными нашими спортсменами, но был все-таки вторым-пятым: по собственным оценкам, по крайней мере. И вдруг... Ситуация резко изменилась.

В январе 1974 года я стал старшим тренером сборной СССР по теннису. Мне бы еще играть и играть...

Что тогда происходило в команде теннисистов? Помню общее комсомольское собрание в дни чемпионата СССР 1973 года, проходившего в Ереване, инициатором которого вместе с Александром Метревели и Теймурадом Какулия был и я. Помню наши страстные выступления по поводу беспорядков в организации турнира и неудачного, крайне субъективного руководства сборной страны.

Помню свой разговор в самолете с начальником одного из управлений Спорткомитета СССР, когда я изложил свои представления о том, как должен работать старший тренер сборной СССР. Помню, наконец, беседы с известнейшим нашим специалистом тенниса Семеном Павловичем Белиц-Гейманом, заместителем начальника Управления спортивных игр Геннадием Петровичем Копцовым, а затем и начальником Управления Владимиром Алексеевичем Голенко. Никто мне ничего не предлагал, ни на что не намекал. Но вот однажды пред-

ложение было сделано... Отказался — хотел играть. Еще раз отказался... Но...

Хорошо еще, что у меня с ранней юности были некоторые навыки самостоятельной работы. Мне часто приходилось тренироваться на корте, осваивая игру без постоянной опеки старших. В 14 лет я потерял своего тренера, который дал мне очень много,— говорю о Викторе Николаевиче Лундышеве: он погиб в автомобильной катастрофе. Хочу вспомнить и другого тренера — Игоря Вадимовича Всеволодова.

Конечно, у меня и потом были наставники, и я сердечно благодарен своим тренерам, которые имели терпение заниматься со мной (прежде всего назову Галину Акимовну Кондратьеву). Я учился у них не только игре, но и, сам того, естественно, в то время не осознавая, перенимал какие-то принципы работы с учеником, запоминал те или иные высказывания тренера, его советы, смотрел, как разговаривает тренер с учениками, как и в чем им помогает. Что-то из практики моих учителей мне запомнилось больше, что-то меньше, что-то произвело громадное впечатление, а что-то проскакивало мимо внимания, совсем не задерживаясь в памяти.

Не хочу и не люблю жаловаться. Не в моем это характере, но все-таки замечу, что судьба моя в теннисе складывалась тяжело. Пожалуй даже, несправедливо тяжело: теннис не платил мне любовью за любовь, не отвечал взаимностью. Все давалось трудно.

Определяющим фактором в моей подготовке к работе тренером, в выработке собственной методики, пусть и несовершенной, быть может, даже в чем-то и наивной, можно считать то обстоятельство, что я много и охотно учился. Должен был учиться, чтобы повысить класс своей игры. Когда я поступил в институт физкультуры, то не входил и в первую сотню сильнейших мастеров страны. Как теннисиста никто меня всерьез не принимал. А жажда самоутверждения, усилившаяся уязвленным самолюбием, может стать мощным побудительным

мотивом к напряженной работе, доходящей едва ли не до самоистязания. К вершинам мастерства я пробивался, в сущности, сам, на практике, на собственной шкуре познавая все тяготы тренерской работы. Тренеры, конечно, помогали, и тем не менее до многих тайн тенниса я добирался сам.

Я очень хотел играть и не думал вовсе о том, чтобы в 25 лет завершить теннисную карьеру: в то время в теннисе было немало игроков, значительно более старших, более, как говорится в спорте, возрастных, нежели я. Думая о своей жизни в теннисе, полагал, что буду играть если не до тридцати пяти, то до тридцати — тридцати двух обязательно.

Назначая меня на пост тренера сборных команд Советского Союза по теннису, никто не давал мне никаких гарантий, и если бы кто-то предположил тогда, что и осенью 1987 года, когда мы работали над этой книгой, я все еще буду занимать этот пост, я бы ни за что не поверил.

Это предложение было для меня, безусловно, лестным. Но с другой стороны — я шел на безумный эксперимент. Оправдался ли он, не мне судить, но он, скажем так, все еще продолжается...

Я приобрел опыт, понемногу, постепенно проходил новую для меня школу, начиная понимать, что это значит — быть тренером, работать с сильнейшими мастерами страны.

Тот первый год принес огромную пользу, я научился многому. Вынужден был научиться: меня выбросили на середину реки, чтобы я самостоятельно учился плавать. Не хватало опыта, недоставало в прежней моей спортивной жизни и драматических ситуаций, в которые рано или поздно попадает любой тренер.

В тот год произошло слишком много событий для одного тренера, тем более делающего первые шаги. Слишком много ответственных, сверхответственных моментов, встреч, матчей.

Первый сезон сформировал для меня (говорю только о собственном, личном опыте) психологический подтекст работы с каждым теннисистом. Он дал приблизительное хотя бы знание игроков, дал умение подспудно, не демонстративно управлять спортсменами, влиять на них как во время учебно-тренировочных занятий, так и во время матчей.

Я привык к игрокам — как к своим ученикам.
И игроки привыкли к новому тренеру.

Я прожил тот год вместе с ними не как партнер по паре или привычный соперник. Я жил, работал с командой, оставаясь в ней по возрасту младшим, в новой для меня роли.

Коллектив сборной СССР сохранялся и укреплялся, хотя, как я понимаю (и понимал тогда), существовали в нем какие-то подводные течения, неудовольствия, претензии к новому тренеру, в том числе и, возможно, подогреваемые нелестными для меня высказываниями коллег, сочувствием болельщиков многоопытным мастерам. И все-таки хороший творческий климат в команде сохранился.

Ребята сплотились, и, как это ни парадоксально, свою положительную роль сыграла здесь наша неудача в Индии, в полуфинале Кубка Дэвиса. После того поражения ни один из игроков не сказал другому: я, мол, сыграл, а вот ты... Оценка была единой: мы проиграли. Всем было одинаково обидно, все болели за товарищей, за команду.

Самооценка дебютанта, его познание себя как тренера, определение своего места в команде, в спорте, во взаимоотношениях со спортсменами, наконец, умение управлять ими, а большинство, еще раз напомню, твои вчерашние партнеры — вот содержание напряженной душевной работы, которое запомнилось мне в то время. Закладывался фундамент тактических и психологических знаний, позволяющих вести поединки, находясь рядом со спортсменом, а не на корте. А если вспомнить,

что на это время выпали самые тяжелые и познавательные матчи, то легко понять, почему я снова и снова возвращаюсь мысленно к тем дням.

Конечно, я много ошибался. Не понимал простых вроде бы вещей. Открывал прописные истины. И, понятно, видимо, что какие-то знания особенностей подготовки игроков, понимания их характера, внутреннего мира, постижение закономерностей формирования определенных качеств, как спортивных, так и общечеловеческих,— все это пришло позже. Со временем.

А в тот год я начинал видеть и понимать теннис со стороны.

Еще будучи игроком, готовясь к матчу или выходя на корт, я обычно изучал своих соперников, используя картотеку, которую вел в последние годы. Прежде я искал одно решение — самое важное и интересное для меня: как я, Шамиль Тарпищев, могу и должен играть против того или иного теннисиста. Опираясь на собственные возможности, на уровень своей технической подготовки, искал оптимальную тактику для себя. Думал во время матча, как мне лучше сыграть. Теперь же приходилось думать не за себя, а за других, и причем сразу — за многих. Для каждого выстраивать концепцию игры. И эта новая работа, новые задачи были и сложны и непонятны. Требовалось найти верное, оптимальное решение для каждого моего подопечного, причем всех их я знал хуже, чем себя. И это в каждом случае удваивало сложность задачи, стоящей перед начинаящим тренером, а в сумме все мои трудности нарастали стремительно и казались махиной, столкнуть с места которую мне не по силам.

Я ошибался часто. Свои ошибки замечал довольно скоро. Было, конечно, обидно, что мое задание неверно, неточно. А самое неприятное заключалось в том, что я не знал наверняка, в чем причина неудачи. К сожалению, возможности игрока часто определялись не его классом, технической и тактической подготовкой, а

тем, что скрыто внутри каждой личности — ее психологоческим состоянием.

1974-й памятный для меня не только потому, что это был, к счастью, удачный для нашего тенниса сезон. Он памятен и потому, что я впервые в плотную и сразу серьезно столкнулся с извечными в спорте нравственными проблемами. Тогда наша сборная подошла, по общему мнению, к той критической черте, когда вроде бы надо было срочно менять ветеранов на молодых игроков. Но разрыв в классе между «старичками» и дебютантами был настолько велик, что я, беспокоясь о спортивных результатах, сконцентрировался прежде всего не на поиске молодых дарований, определяющих ближайшее будущее нашего тенниса, а на подготовке своих друзей, недавних товарищей по команде, которые могли, по моим представлениям, показать те результаты, на которые я рассчитывал.

ПЕРВЫЕ МАТЧИ ТРЕНЕРА

Впервые тренер руководил командой в матче с теннисистами Югославии. Это был первый экзамен молодого тренера.

Тренер. Нервный и трудный для меня матч. Сейчас, по прошествии времени, понимаю, что тогда мне приходилось справляться не только с обычными, традиционными задачами, стоящими перед капитаном национальной команды, но и с собственными психологическими перегрузками.

Семиклассник командует своими сверстниками, ни в чем не превосходя их, а заодно поучает и десятиклассников. Друзьями руководить тоже психологически трудно: они, конечно, знали, что я не рвался на эту роль, но все-таки мне было неловко перед ними.

В матче с командой Югославии ситуация в психологическом плане обострялась для тренера и тем, что си-

лы команд были примерно равны. А это значит, что если мы проиграем, то виноватым в неудаче посчитают скорее всего (пусть об этом и не говорили бы вслух) неопытного тренера.

Команду соперников возглавлял Младен Вирт. Журналисты называли его «наследственным» тренером, поскольку еще в 1927 году, когда югославские теннисисты дебютировали в Кубке Дэвиса, их игрой руководил отец Младена.

У меня, понятно, не было таких «наследственных» традиций: мой отец, рабочий-штамповщик, в теннис никогда не играл.

В дебют вмешалась случайность. На тренировке получил травму один из ведущих югославских теннисистов — Желько Франулович. Потом еще не раз, как происходит это в спорте, в жизни вообще, везение или, напротив, невезение будут выходить на первые роли. Но об этом я догадаюсь позже.

Матч сложился для нас удачно. Удалось выиграть парную, во многом решающую игру: ведь счет после первого дня был ничейным — 1:1. У нас пару составили Метревели и Коротков, в югославской команде — Никки Пилич и Бора Йованович. После этого я успокоился: не сомневался, что Александр Метревели, находящийся в прекрасной форме, непременно принесет победное очко.

Но победа пришла еще раньше. Какулия переиграл Йовановича, заменившего травмированного партнера, и таким образом мы одержали победу со счетом 3:1. Пятая встреча (Метревели против Пилича) спортивного значения уже не имела и поэтому не проводилась.

Первый матч, закончившийся успехом, тонизирует, настраивает на работу. Тщательно скрываемые эмоции вдохновляли меня.

Считаю, что тренер внешне должен быть всегда невозмутим. Важно, чтобы твои подопечные не замечали огорчений или тем более растерянности тренера, дабы

все это не передавалось им, не сказывалось на настроении и подготовке к соревнованиям.

Не знаю, насколько мне это удается, как я выгляжу со стороны, но думаю, однако: по моему внешнему виду не угадаешь, что творится в душе. Вероятно, скаживается и то обстоятельство, что, еще будучи игроком, я считался одним из самых невозмутимых и сдержаных теннисистов. Эта сдержанность позволяет мне и сегодня управлять своими нервами, скрывать свои чувства. А нервничаю я ужасно, нервничаю за тех, кто на корте. Рвусь сам выйти на площадку, чтобы сыграть так, как надо, но все это, конечно, только мысленно.

Радуешься или огорчаешься, повторяю, не за себя, за друзей, за команду, и совладать с чувствами в этой ситуации труднее, нежели справиться с личными заботами, с собственными радостями и огорчениями. Наверное, потому в дни ответственных сражений наших теннисистов температура у меня в последнее время нередко поднимается до 38—39 градусов, начинаются болезни: организм не справляется с нервными перегрузками.

Следующий матч в Кубке Дэвиса, когда я начал руководить командой, был сыгран против теннисистов Чехословакии. Он тоже проводился в Донецке. Только во втором матче я ощутил, насколько велика ответственность за выступления команды и как трудно воспринимается поражение, когда сам ты в игре неучаствуешь.

Эти два поединка разделяли всего несколько дней. Сейчас такая ситуация в розыгрыше Кубка Дэвиса невозможна. Если команда попала в так называемую мировую зону, она играет в строго определенные и заранее известные сроки. В марте, затем, если выиграв матч, попадаешь в число восьми сильнейших,— в июле. Если же в одной восьмой финала проиграли, то утешительный матч играем в октябре. Выиграв в июле, тоже играем в октябре — в полуфинале. И в случае победы — в декабре, когда проводится финальный поединок. Ин-

тервалы строго фиксированы — играется всего один матч в три месяца.

В пору же моего дебюта все было иначе, и потому пусть любителям тенниса с небольшим стажем не покажется странной ситуация, при которой мы проводили два таких важных матча со столь небольшим перерывом.

Как бы ни был неопытен новый тренер сборной СССР, он, поверьте, понимал, однако, что ребята пре-сытились — прежде всего в психологическом плане — теннисом, и потому, помня еще собственные эмоции, я решил вывезти команду на два дня к Азовскому морю, чтобы теннисисты получили нервную разрядку.

Не знаю наверняка, поскольку нет весомых аргументов, допустил ли я тогда ошибку. Думаю, что не про-считался в планировании подготовки, хотя, правда, вернулись мы на день позже, чем собирались. Дорога не дальняя, два с половиной часа на машине, однако после отдыха у моря ребята несколько сбили форму. И вот тут-то мне пришлось выслушать все, что думают о моем решении специалисты. Ругали дружно — зачем, мол, возили ребят за тридевять земель, зачем лишали их тренировок на корте. Защищался как умел, но мне все равно досталось. Говорили, что опытный тренер не сделал бы такой глупости.

Но были, однако, и те, кто поддержал мое решение. Считали, как и я, что если бы остались ребята в Донецке, было бы хуже. В таком случае их не удалось бы отвлечь от тенниса, от тягостных размышлений, связанных с ответственным матчем, с бесконечными расспросами об игре: здешние любители спорта страстно увлеклись теннисом, и ребята постоянно находились в центре внимания. Спортсмены были в курсе всех бесконечных разговоров о шансах команд в предстоящем матче, а такие разговоры не могли не нервировать, не возбуждать игроков. Болельщики теребили теннисистов постоянно и потому-то, сами того, конечно, не желая,

добавляли и нервотрепку, и напряжение. Базы у команды нет, и «спрятать» ребят было негде.

Да ведь и у моря команда работала, отдых заключался в перемене места работы, в отвлечении от привычных и надоевших кортов. Эмоциональная пауза снимала нервные стрессы, которые накапливались у спортсменов, только что сыгравших один ответственный матч и готовящихся ко второму.

К началу встречи с чехословацкой командой ребята восстановили хорошую форму.

Если бы я был согласен с теми, кто полагает, что победителей не судят, то сейчас высказывал бы не просто предположение, что поступил тогда верно, но яростно доказывал бы, подбирая аргумент за аргументом, что был тогда в своем решении безусловно прав.

Наши теннисисты вопреки мрачным прогнозам одержали победу. Успех этот, не скрою, был в общем-то неожиданным.

И для меня тоже, хотя я и готовил его, как умел. По жребию лидеры команд Ян Кодеш и Александр Метревели играли в первый день против вторых номеров. Кодеш легко выиграл у Теймураза Каулия, а Метревели в четырех сетах одержал верх над Франтишеком Пала.

Назревал вроде бы решающий матч — в парном разряде.

Я заявил Метревели и Владимира Короткова против Кодеша и Владимира Зедника: этот известный мастер прославился победами на турнирах в Кливленде (1972 год) и в других городах.

Тотчас же возникли сомнения в моем решении. Почему бы с Александром не поставить Теймураза? И вообще, почему забыли включить в команду Сергея Лихачева? На последний вопрос я отвечал откровенно: Лихачев в последнее время выступает не стабильно, видимо, начинает сказываться возраст.

Что же касается Теймураза, то я решил не ставить

его на парную встречу по стратегическим соображениям. Считал, что Какулия должен принести важное очко, выиграв у Пала,— мне казалось, что наш мастер не слабее и потому можно рассчитывать на успех, если Теймураз не будет уступать сопернику в свежести. Тем более, что при прочих равных условиях дома играть легче — публика энергично поддерживает «своего».

Почему вдруг возникли опасения по поводу выступления лидера команды?

Дело в том, что у двух больших мастеров с годами «накопились», как говорят в таких случаях, отношения. Метревели долгое время вел в играх с этим соперником, он выиграл подряд семь встреч, но при счете 7:0 соотношение сил вдруг начало меняться.

В этой ситуации Метревели в психологическом плане играть было, конечно, тяжело. Особенно, если учесть, что Кодеш годом ранее выиграл у Александра финал самого престижного в теннисе турнира — Уимблдонского.

Вот почему подавляющее большинство специалистов считали, что в матче двух команд решающей будет парная встреча.

Я тоже понимал значение этого поединка, знал, что Какулия наиболее надежный партнер Александра, но откровенно опасался, что Теймураз не выдержит напряжения трех матчей подряд. Взвесив все «за» и «против», решил, что важнее всего в этих условиях шансы Теймураза в его встрече с Пала.

Стратегия командного матча имеет свои законы.

Парная встреча своеобразна. Теннисист играет не только за себя, но и за своего партнера, даже если партнер не слабее его, и потому каждый в паре несет двойной нервный груз. Достоинство Метревели заключалось в том, что он умел в командных матчах мобилизоваться в самый критический момент. Повышенная ответственность добавляла ему и энергию и отвагу.

При выборе игроков для парной встречи надо учитывать и психологическую совместимость возможных

партнеров, и их спортивный характер: в пару можно приглашать только настоящих бойцов.

Тренеры старались поощрять коллективные усилия спортсменов — речь сейчас не только о взаимодействии на корте, но и об ответственности каждого за выступления партнеров, всей команды.

К сожалению, тогда, как и сейчас, в нашем теннисе были проблемы с формированием команды. Мы не располагали длинной скамейкой кандидатов в сборную страны. Выбор их был, прямо скажем, ограничен. Мы опирались всего на несколько игроков.

Именно в те дни я понял, что если тренер переборол себя, если доказал себе, что решение правильное, он от этого решения отступать не должен. И не имеет права обнаруживать какие-либо сомнения и колебания: убежденность тренера придает спортсменам дополнительные силы. Вера капитана команды в своих игроков — их весомый козырь, последняя, быть может, решающая капля, которая перевесит чашу весов.

Час парной встречи настал, и... наши теннисисты проиграли Кодешу и Зеднику.

Поражение было катастрофическим. Соперникам для победы потребовалось всего три сета.

Перед решающим днем мы проигрывали 1:2.

Люди, знакомые с миром спорта, легко догадаются, сколько критических стрел было выпущено в мой адрес. Не того игрока поставил играть пару. Не на тех теннисистов сделал ставку. Зачем сорвал привычные тренировки и повез людей на Азовское море? Упрекали за то, что слишком много занимались физической подготовкой. Ругали, что не сумел оградить спортсменов от зрителей.

И все-таки мы верили, что матч еще не проигран.

Естественно, до теннисистов доходили разговоры о причине их неудачи, об ошибках тренера, и эта явная несправедливость действовала на нервы, задевала самолюбие — не только тренера.

Вместе с Константином Богородецким, моим коллегой, мы еще и еще раз просмотрели по видеомагнитофону все перипетии предыдущей борьбы. Разбирали содержание тренировок Кодеша. В свое время я играл с ним, однако с тех пор много воды утекло. Мы искали у него слабые места, изучали ошибки, которые он допускает. В конце концов нашли несколько вариантов возможных действий против этого мастера, обнаружили его слабости.

Заметили, например, что Кодеш очень рано выносит центр тяжести вперед при игре с лета, а при утомлении он делает это еще раньше, и если в такой момент кинуть свечку, пусть и самую простую, Кодеш, как правило, будет вынужден бежать назад. Дополнительная нагрузка утомляет еще больше: ведь при такой игре соперник попадает в затруднительное положение — если он не доходит до сетки, следует обводящий удар, подходит вплотную — свеча. А в затяжнойхватке в современном теннисе многое решает как раз свежесть соперников, их готовность бороться в течение нескольких часов, умение действовать хитро и разумно на фоне утомления противника.

О психологической подготовке Метревели к напряженному противоборству побеспокоились специально. Александр хорошо знал Кодеша, представляя себе его достоинства и уязвимые места, но помнил он, к сожалению, и о том, что в последнее время их соперничество складывается не так, как хотелось бы. И потому главная задача тренеров заключалась в том, чтобы убрать этот психологический подтекст предстоящей дуэли.

Мне трудно было объяснить Метревели, что надо делать. Мои советы, особенно на первых порах, встречались им мысленно в штыки: думаю, я не ошибался тогда в своих догадках. Откровенно говоря, Алик воспринимал меня как тренера настороженно, не был уверен, что к моему мнению и моим оценкам ему необходимо прислушиваться. Я и играл слабее, чем он, и опы-

том обладал меньшим; да и по возрасту уступал ему. Вот почему какие-либо рекомендации надо было высказывать осторожно и чрезвычайно деликатно. В то время я не мог сказать Метревели, что тебе, мол, следует делать то-то и то-то. Надо было учитывать и авторитет спортсмена, и его темперамент. Все это, как нетрудно понять, отнюдь не упрощало работу тренера в критической ситуации, складывающейся в финале европейской зоны.

Я пошел по простейшему пути — приводил примеры из его же практики, напоминал о тех приемах, которые приносили ему удачу: использовал только его собственные козыри. И, вспоминая Кодеша, толковал только о том, как он, Александр, играл некогда против этого соперника.

Довод у меня был один:

— Если повторишь этот свой прием, он принесет тебе успех...

Такая форма разговора оказалась приемлемой.

В нашем, индивидуальном виде спорта, где каждый добившийся успехов спортсмен — личность, знающая себе цену, важно использовать опыт его собственный, но не кого-либо другого.

Взаимоотношения тренера, тем более начинающего, с маститыми спортсменами, признанными лидерами коллектива, безусловными авторитетами,— тема в спорте извечная. Так же, как в искусстве тема любви.

К счастью, конфликты не всегда неизбежны.

Наш лидер вел себя по отношению к начинающему тренеру благородно. И это способствовало моему становлению, и я благодарен знаменитому чемпиону за помочь в самые трудные, пожалуй, даже критические моменты моей тренерской карьеры. Заслуга Алика и в деликатности его — темпераментный, взрывной человек, он на людях ни разу не сказал мне, что я не прав, что в чем-то я просчитался или ошибся. Конечно, по некоторым вопросам у нас были расхождения, но дружеские

отношения сохранялись, общий климат в команде был доброжелательным, и это в определенной мере обусловило успехи советских теннисистов в Кубке Дэвиса в те годы.

В ходе матча с Кодешем соперники обменялись острыми выпадами: каждый из них безоговорочно выиграл по два сета.

А потом пришла пора самого тяжелого, пятого сета, в котором Ян Кодеш повел со счетом 4:1.

Играли в жаркий день. Обычно, по традиции, а во все не вследствие суеверий, я выходил на матч Кубка Дэвиса в пиджаке, длинных брюках, с галстуком, что отличало меня от других капитанов, которые сидят на корте в тренировочных костюмах.

Тогда в Донецке солнце палило безжалостно, шел уже четвертый час встречи, но тактическая игра на корте так увлекла меня, что я забыл обо всем на свете и долго не мог сообразить, о чем меня спрашивают, когда после матча коллега выяснял, не жарко ли мне было на солнцепеке в костюме и при галстуке.

Матч судил итальянский арбитр Карло Мартини: он успешно справлялся с делом, и претензий к нему не было ни у хозяев корта, что в общем-то естественно, ни у гостей.

Все остальные судьи, на всех линиях были нашими соотечественниками. Они, понятно, болели за своих. Так бывает всегда, и в этом нет ничего загадочного, и мы, поверьте, с пониманием относились к ошибкам, правда, немногочисленным, которые допускали, например, в Буэнос-Айресе местные судьи во время нашей встречи с командой Аргентины. К сожалению, встречается и иная ситуация. В марте 1986 года в Югославии, в 1/8 финала Кубка Дэвиса, местные судьи на линиях утратили всякое чувство меры, а судья на вышке не всегда спешил исправить их ошибки. Если же учесть, что официальным представителем Международной федерации на матче был югослав, то можно, вероятно, догадаться,

насколько велика оказалась роль судей в той встрече.

В Донецке наши судьи тоже иногда ошибочно выносили решения в пользу сборной СССР. Судья Мартини тотчас же исправлял промах.

Напряжение в матче неуклонно возрастало, это почувствовали и зрители. Когда разыгрывалось очередное очко, можно было слышать любой шорох, доносящийся с трибун. Слышно было дыхание спортсменов. И уж конечно, услышали мы возглас болельщика Алика с одиннадцатого этажа гостиницы «Шахтер», помешавший соперникам. Он вызвал всеобщее неудовольствие, и мяч был переигран.

Назрела та кульминационная точка в матче, когда казалось, что сейчас все быстро кончится. Зрители приуныли. Они увидели, что силы Метревели иссякли и он не может уже заставить себя бороться за каждый мяч.

Требовалась не подсказка — что может дать в такой ситуации даже самый мудрый совет? Нужна была какая-то психологическая встряска. Какое-то происшествие, позволившее бы Александру заново включиться в борьбу. Обрести не второе даже — третье дыхание, что дало бы ему возможность сыграть через «не могу».

Во время перехода и паузы между геймами чехословацкие теннисисты использовали кислородный аппарат для поддержки дыхания, для восстановления сил. Я увидел, что Кодеш лихорадочно пытается надышаться. Что его силы тоже на пределе. И понял, что вот теперь-то самое время использовать ту слабость соперника, которую мы обнаружили перед матчем. Пора сыграть на том, что Кодеш раньше времени выносит центр тяжести на носки.

— Алик, не беги больше к сетке... Нужно сыграть чисто с задней линии, и постарайся на паузе использовать свечку... Помнишь?

Метревели кивнул.

И вдруг в это мгновение к нам подошел один из ведущих тренеров страны и бросил:

— Алик, только вперед и вперед!..

Что он говорит?! Я испугался. Все может рухнуть. Метревели высказался по поводу совета специалиста весьма недвусмысленно.

Безусловно, это было крайне невежливо, грубо, но у меня не хватило силы воли, да, признаюсь, и желания одернуть спортсмена.

Александр в ту минуту поверил, что я прав, что его тренер дал ему единственно верный совет.

Пожалуй, это было первое утверждение нового тренера в глазах команды.

В следующем розыгрыше очка Алик несколько раз удачно бросил свечки. Они принесли успех: Кодешу пришлось бегать за свечкой назад, потом мчаться вперед, снова назад и снова к сетке, и снова назад, и в конце концов Александру удалось переиграть уставшего донельзя соперника. Гейм за Аликом.

При этом счете — 2:4 мне внезапно стало ясно, что мы матч не проиграем. Я убежден был в победе, хотя впереди пока соперник, хотя Метревели уступает ему еще два гейма, хотя силы нашего мастера тоже уже на исходе. Все вдруг стало так ясно и просто, что я внезапно утратил интерес к матчу. То ли сказался нервный кризис, то ли отпустили нервы, то ли напомнила начоек о себе жара, но я стал засыпать: дело сделано. Сидя на стуле у корта, с трудом боролся со сном.

Метревели при следующем переходе сел со мной, и я увидел, что это совсем другой игрок, подвижный и свежий, за плечами которого вроде бы и не было нескольких часов утомительной борьбы.

Когда Алик ушел на другую сторону, я, не выдергивав, повернулся к ребятам, которые сидели на первом ряду, и громко сказал:

— Этот матч мы выиграли!..

На меня зашикали. Напряжение было громадным, и, видимо, команда боялась, что я могу сглазить Алика.

Как дальше, после счета 3:4, проходила борьба, не

помню: первое истощение было велико, и я отключился от событий, происходящих на корте.

Метревели уже вел игру, сравнял счет, вышел вперед и выиграл — 7:5.

Счет командной борьбы сравнялся.

Не могу передать, что творилось на трибунах.

Мы бросились к Алику, чтобы поздравить его с успехом. Он сделал шаг по направлению к нам... Ноги, причем обе сразу, свела судорога. Мы донесли Метревели до стула. Публика рванулась на корт, чтобы поздравить теннисиста, пожать ему руку или хотя бы просто дотронуться до него. Только усилиями партнеров, которым помогала милиция, удалось освободить теннисиста от восторженных болельщиков. Помогли добраться до номера в гостинице, и там, у дверей, выстроились шахтеры-болельщики, взявшие на себя функции дежурных. Они никого не пускали в номер, чтобы спортсмен мог прийти в себя...

Журналист. Тем временем на корт выходил Каулия, чтобы провести заключительный поединок матча. В общем эмоциональном подъеме психологическое преимущество было, понятно, на стороне советского игрока, вдохновленного успехом товарища.

Эмоции эмоциями, а работа тренера продолжалась. Надо было переключаться на матч, который венчал встречу.

Любой удачный удар Теймураза трибуны встречали такой овацией, что судье приходилось успокаивать зрителей, ибо паузы затягивались.

А в один из моментов публика увидела в окне одиннадцатого этажа Метревели (Алик по традиции жил в номере 1101), и хотя розыгрыш очка продолжался, зрители встали и начали скандировать: «Мет-ре-ве-ли! Мет-ре-ве-ли!..»

Это было не слишком этично по отношению к спортсменам, которые сражались на корте. Вспомнил об этом случае, когда в Буэнос-Айресе на корте в пятом поедин-

ке встречались Чесноков и Клерк, и на трибуне появился Хайте, и зрители в восторге вскочили — часом ранее Хайте переиграл Зверева.

В тот день матч закончить не удалось. Пятую встречу пришлось прервать из-за темноты и отложить доигрывание на завтра.

К концу игрового дня Какулия вел 1:0, и по ходу встречи не возникло особых оснований для тревог — если бы не подкравшиеся так не вовремя сумерки, все кончилось бы довольно быстро. Но... Придется доигрывать завтра, и, стало быть, у соперника целая ночь, чтобы отойти от шока, связанного с неудачей лидера команды.

Эмоции — радостные, тонизирующие у одного игрока, и горестные, угнетающие — у другого — подсели, и на следующий день в силу вступала другая психологическая закономерность: у борьбы была уже иная подоплека. На первый план выходило давящее чувство ответственности за исход матча, и с такими эмоциями Теймуразу, обязательнейшему человеку, справиться всегда было нелегко.

Досталось и тренерам: надо было перестраиваться на другой теннис. Возникла знакомая, впрочем, ситуация, да и задача была привычная — внушить нашему теннисисту, что ему не надо держаться за результат, что играть надо так, будто счет 0:0, как в первом сете. Но чем ближе был конец матча, тем чаще и глубже задумывался Какулия над тем, к чему может привести его ошибка, насколько опасен теперь для команды каждый его промах. И он действовал все осторожнее и, стало быть, все хуже.

И все-таки — воздадим должное спортсмену — он сумел, преодолевая себя, свой характер, обострить игру, сумел, превозмогая скованность, характерную для его нервной системы, раскрепоститься и сыграть смело, уверенно, даже размашисто, что в конечном итоге принесло свои плоды.

Но казусы в этом матче еще не были исчерпаны до конца. Когда в решающей партии счет был 5:2 в пользу Какулия и он имел двойной матчбол, случилась судейская ошибка. Наивная, смехоторвная, она тем не менее могла повлиять на исход матча.

На матчболе один из грузинских судей, сидящих у задней линии, при второй подаче Франтишека Пала объявил:

— Футбол...

Это означает «зашаг» — заступ за линию подачи. Но Пала стоял в полуметре от линии и, конечно же, такую элементарную ошибку совершить никак не мог.

Первое напряжение судьи и его желание помочь нашему теннисисту едва не оказали Теймуразу дурную услугу. Какулия сумел ответить с приема могучим ударом, буквально прошибть площадку насквозь и выиграть мяч, а тем самым — и гейм, сет и матч. Но так как судья Карло Мартини услышал «зашаг», он, возмущившись, не выдержал и спросил:

— Какой, чем зашаг?..

Судья ответил:

— Коленом...

А поскольку в теннисе такое просто невозможно, главному судье ничего не оставалось, как прогнать этого судью, попросив его заменить.

Правда, надо заметить, что наш судья сразу понял, какую глупость сморозил, и, не дожидаясь негодующего жеста арбитра, сам покинул корт.

Но парадокс в том, что происшествием этим был выбит из колеи не Пала, а Какулия, выигравший несколькими секундами ранее долгожданное очко. Мяч был переигран, и Теймураз этот гейм упустил. Начался новый гейм. При счете 5:4 в решающей партии Какулия четырежды мог решить исход противоборства двух сборных одним ударом, и четырежды это ему не удается. Лишь пятый матчбол приносит ему успех.

Мы выиграли у команды Чехословакии — 3:2.

Советские теннисисты — впервые в четверке сильнейших команд мира.

Следующий соперник — команда Индии, победитель азиатской зоны.

ШЛАГБАУМ НА ПУТИ К ФИНАЛУ

Тренер и журналист. В 1974 году наша сборная играла в полуфинале Кубка Дэвиса с теннисистами Индии на их кортах.

Это было, конечно, замечательное достижение — впервые попасть в число четырех лучших команд мира. Но тот матч показал как достоинства, так и недостатки в подготовке советских теннисистов. Тренеры и игроки не знали ни специфики этих соревнований, ни особенностей игрового стиля и почерка разных соперников. В то время наши теннисисты просто недооценивали значение предварительной разведки, серьезного изучения соперника. А в современном спорте, в теннисе особенно, это необыкновенно важно.

Играли в городе Пуна при почти 40-градусной жаре и высокой влажности. И само собой на травяных кортах — соперники знали, что у нас нет достаточного опыта игры на таком покрытии. В то же время в Индии популярен теннис на траве.

Условия, в которые попала команда, предопределили сложности, справиться с которыми не удалось.

Случались и казусные ситуации. В Индии немало бродячих артистов. Дрессировщики медведей и обезьян, укротители змей, погонщики слонов, предлагающие прокатиться или, на худой конец, сфотографироваться на слоне. Эти артисты обучали обезьян разным забавным трюкам. И вот однажды Костя Пугаев остановился, чтобы посмотреть игру обезьян на барабане. Когда номер закончился, хозяин протянул руку. Пугаев размышил, как поступить. Обезьяна, потеряв терпение, схватила дубинку и ударила ею Костю по спине.

Кто-то прокомментировал:

— Первый гейм проигран...

Приехав в Пуну, советские спортсмены поинтересовались, где они будут играть. Их привели на зеленую поляну, где не было никаких намеков на корты.

— Вот здесь,— ответили,— и будем играть. Здесь установят трибуны, здесь же разместят корт...

Вечером уже тренировались. За два дня до матча начали возводить трибуны, без единого гвоздя, из бамбука и веревок, на шесть тысяч зрителей, и к началу игры все было готово.

Жара стояла несусветная. Но помешали непривычные условия несколько неожиданно.

Казалось бы, все были осторожны. Воду кипятили по два раза. Тем не менее осадок в стакане даже после кипячения достигал трети.

Игрокам запретили пить не только сырую воду, но и кока-колу, все другие прохладительные напитки. Стражайше возбранялось врачом и тренером бросать в воду или соки лед. Руководители команды опасались желудочных заболеваний.

Уж сколько раз твердили миру... Что важны не только предупреждения врача и тренеров. Что важен и самоконтроль спортсменов. К сожалению, молодые теннисисты не прислушивались к рекомендациям тренера и вскоре слегли — и Борисов, и Пугаев. Они заболели первыми, но, к сожалению, эти неприятности коснулись каждого игрока: переболели все.

Не хотим ни в чем обвинять организаторов соревнования, они предупреждали об опасностях, связанных с переменой климата, пищи, воды. Но это не меняет сути дела: уцелел лишь один член нашей команды — врач.

Тренер. Коснусь попутно деликатной темы. Тем более что наши болельщики, далекие от тенниса, потом, когда мы вернулись в Москву, упрекали тренера и врача за то, что они не воспользовались «традиционной» профилактикой, «традиционной» дезинфекцией.

Вероятно, какие-то специалисты, работающие в жарких странах, и пользуются алкоголем, чтобы убить опасные микробы. Не будучи врачом, не берусь судить, есть ли какой-либо практический смысл в таких советах. Не особо верю в него. И прекрасно знаю, что спортсмены такому совету следовать не могут. Алкоголь противопоказан спорту — это общеизвестно, но он просто смертелен для теннисистов: и спустя несколько дней после «ста граммов» игрок на третьем-четвертом часе игры теряет контроль за мячом — из-за употребления не только водки, но и пива слабеют параметры внимания: его концентрация, устойчивость, переключение: глаза не держат мяч...

Журналист. Но в конце концов к началу матча команда восстановилась. Гости достойно проиграли хозяевам кортов, показав хорошую игру. Александр Метревели сыграл с Виджеем Амритражем блестяще. Это был один из лучших матчей Александра. К сожалению, в официальные отчеты, в статистику, в историю мирового тенниса эта последняя, заключительная встреча Кубка Дэвиса не попала. После четырех встреч наша сборная проигрывала 1:3, исход матча был решен, и потому последний поединок не был обязательен. Метревели вел по сетам 2:1, но наступила темнота, а в Индии день кончается рано, темнеет стремительно, и встречу закончить не удалось. Переносить доигрывание на следующее утро в таких случаях не принято, и потому результат был аннулирован.

Решающее значение в этом поединке двух сборных приобрела парная встреча. Метревели и Владимир Коротков играли против братьев Амритражей — Виджая и Ананда. Наши спортсмены уступили в упорной и крайне затянувшейся игре — 15:13, 5:7, 17:19, 3:6. На быстрых травяных кортах матч продолжался более четырех часов. Было сыграно 85 геймов. Это стало не только самым длительным матчем, в котором Тарпищев когда-либо принимал участие — как игрок, тренер или капи-

тан команды, но и одним из самых продолжительных поединков в истории Кубка Дэвиса.

Однако и в такой ситуации мы могли достичь успеха, если бы Теймураз Какулия выиграл у Ананда Амритрага, на что очень рассчитывали. И Какулия был близок к победе, он вел после трех сетов 2:1, но здесь произошло печальное для нас недоразумение, и в определенной мере по вине тренера, поскольку он отвлекся и на какое-то время утратил контроль над событиями.

Что же случилось?

Тренер. Венгерский рефери Городи, на мой взгляд, совершенно неоправданно снял судью с задней линии. Я начал выяснять, что произошло, и немного задержался на корте, когда после трех сетов был объявлен положенный в таких случаях перерыв.

Но почему судья принял такое странное решение?

Зрители болели своеобразно. Трибуны были устроены таким образом, что на разных сторонах корта сидела разношерстная публика. С одной стороны — почетные гости, солидная публика, с другой — были «джунгли», как выразился один из местных журналистов, которые, практически не умолкая, мешали теннисистам играть. Любое действие судьи, хотя и правильное, но болельщикам не очень понятное, вызывало такой ужасный шум на трибунах, что он, действуя на игроков, по-своему влиял и на судью.

И вот Городи, поддавшись воздействию «джунглей», заменил судью на задней линии.

Я выразил протест и потому ушел с корта позже наших игроков.

Жара была немыслимая, градусов под сорок, духота еще более ужасная, а поскольку после третьего сета был, как это принято, устроен пятнадцатиминутный перерыв, игроки ушли в раздевалку, и там мой коллега не уследил за Теймуразом. Изнывающий от жары, Какулия принял холодный душ, что в таких климатических условиях было, конечно же, преступлением.

Выйдя на четвертый сет, Каулия после трех геймов повел 2:1, но из-за гигантского перепада температур, обезвоживания и обессоливания организма начались судороги. Сам, по собственной воле, Теймураз протащил себя по этой немыслимой разности температур, что и привело к поражению.

Этот эпизод, этот недосмотр, в общем-то не характерный для наших теннисистов и тренеров, стал решающей причиной поражения в матче.

ИМЕНА В ИСТОРИИ СОВЕТСКОГО ТЕННИСА

Александр Метревели — самая яркая фигура в истории советского тенниса. Двадцать девять раз становился он чемпионом СССР в различных разрядах — одиночном, парном, смешанном. Был бесспорным лидером команды в течение многих лет. Двенадцать раз возглавлял списки сильнейших теннисистов страны.

Метревели отличала в игре особая пластичность и элегантность, гибкость мышления и одновременно тактическая гибкость.

Метревели был рожден для тенниса. Счастливо одарен всеми достоинствами, которые украшают истинный теннисный талант. Все или почти все давалось ему сравнительно легко. Слабости в игре были, но он их умело маскировал.

Алик родился в Тбилиси 2 ноября 1944 года. Работал с ним превосходный тренер Арам Герасимович Ханнгулян. Беда Александра была в том, что он и поздно начал — на первые серьезные турниры, например, отправился только в 17 лет, и мало, значительно меньше, чем требовалось, играл в сильных соревнованиях.

Цену себе знал. Случалось, использовал свой авторитет знаменитого игрока, и уж если допускал судья какие-то промахи, обнаруживал в чем-то слабость, Метревели не упускал возможности воспользоваться уязвимостью судьи, чтобы, как говорят в спорте, «задавить» его.

Александр обладал характером неустранимого бойца. Сражался на корте самозабвенно. Однако нервозность и вспыльчивость мешали, бывало, ему в игре. Случалось, даже приводили к обидным поражениям...

Но, вспоминая эти особенности личности Метревели, надо вместе с тем и воздать Алику должное: в ходе игры он умел перебороть себя, свой, как говорили, «реактивный» темперамент. Речь не о том, что в совершенно, казалось бы, безнадежной ситуации он умел вырвать победу. Говорим о другом — о том, что Метревели мог выиграть и у себя: справиться со своей несдержанностью, с издержками темперамента.

Теннис — игра обоюдоострая: один мяч может привести к победе, а может и к поражению. И вспыльчивость здесь никогда не бывает союзником.

Александра ценили и побаивались самые сильные теннисисты мира. Многих из них обыгрывал наш чемпион. В 1974 году он вошел в десятку лучших, заняв девятую строчку в мировой классификации.

Сегодня Александр Ираклиевич Метревели по-прежнему популярный человек в нашем виде спорта.

Долгие годы соперником и партнером Метревели в нашей сборной команде был Теймураз Каулия. Это добрый, мягкий и отзывчивый человек, надежный товарищ. По своим внутренним качествам он лидер, но не явный, скорее скрытый. Находясь в сборной страны на вторых ролях, был более покладист и сдержан: не мог позволить себе того, что допускал иногда Метревели. И только экстремальная, безнадежная ситуация, скла-дывающаяся в том или ином матче, рождала в Теймуразе льва, и тогда он забывал обо всем на свете и начинал играть раскованно и отважно, не тревожась больше ни о чем. Раскованность окрыляла его, позволяла обретать себя настоящего, истинного. Мы уже вспоминали, что в практике Теймураза были матчи, выиграные в невероятных ситуациях, например, с семнадцати

матчболов. Он побеждал австрийца Рода Лэйвера, венгерского теннисиста Балаша Тароци и многих других видных мастеров.

Какулия невысок ростом, что в теннисе последних лет становится все более редким явлением. Очень подвижен. Сила Теймураза в том, что он умело и рано прогнозировал ход развития тактической борьбы на корте, точно предугадывал, куда соперник пошлет мяч.

Порой манера действия, даже сам внешний вид Ка-кулии вводил соперника в заблуждение. Теймураз час-тенько выглядел в игре растерянным, не знающим вроде бы, как сыграть, но это была обманчивая картина. Он не терялся ни в каких ситуациях, был искусным так-тиком, а что касается настроя на матч, то Какулия не сдавался без борьбы никому — он был бойцом до моз-га костей: если и не выиграет, то все равно сделает все, что можно.

Сейчас Какулия возглавляет теннисную школу в Тбилиси. Он получил в наследство очень сложное, да и во многом запущенное хозяйство. Ему нелегко рабо-тать, но Грузия по-прежнему дает кандидатов в сбор-ную страны: лучшая ученица Какулия Лейла Месхи вместе с Наташей Зверевой из Минска стала летом 1986 года чемпионкой Франции среди девушек в пар-ном разряде, финалисткой Уимблдона в одиночном и парном разрядах, а также чемпионкой Европы в пар-ном разряде, в 1987 году она выиграла Универсиаду, проходившую в Загребе.

СОВЕТЫ

Подача

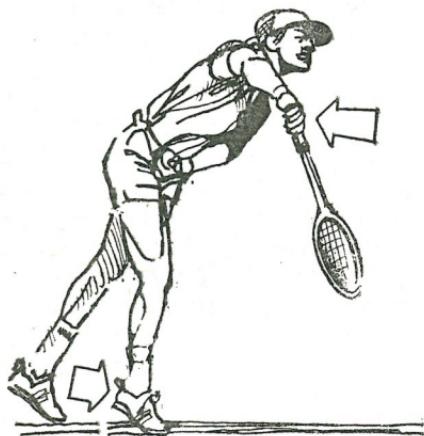
Несомненно, это самый важный удар в теннисе. Уме-лое использование подачи создает то преимущество, ко-торое позволяет теннисисту выиграть все геймы, где

право введения мяча в игру принадлежит ему. Если у вас с соперником все остальные слагаемые игры примерно равны, если оба вы начинающие игроки, то в поединке победу одержит тот из вас, кто лучше подает.

Никогда не считайте подачу лишь вводом мяча в игру, как это было на заре тенниса, когда мячи выигрывались только при ударах с отскока. Не забывайте, что подача позволяет вам захватывать инициативу с самого начала матча.

Искусство подачи вовсе не сводится к силе удара.

Никогда не спешите с подачей. Помните, что это единственный в теннисе удар, где все зависит только от вас.

«Доводите движение до конца...» Чаще всего именно эти слова слышат начинающие от более опытных игроков. Тот, кто недавно увлекся игрой, не умеет доводить удар при подаче до конца. Начинающий останавливает ракетку после удара по мячу. Огромная энергия затрачивается на это удержание ракетки от естественного движения вниз. Это также ограничивает

прогиб спины, движение бедер и верхней части туловища. Это не рационально — бить по мячу только руками и не извлекать преимущество из такого естественного, почти автоматического падения руки и ракетки.

Положение ног при подаче — решающий момент, по-

скольку это источник вашего равновесия и силы. Чтобы убедиться в этом, попытайтесь подать, сдвинув плотно вместе обе ступни. Ударьте по мячу. Вы обнаружите, что единственный источник силы удара — ваши руки. Чтобы ноги тоже стали источником силы удара, они должны быть расставлены. Тогда вырабатывают силу удара и ваши бедра, и ваши плечи.

При подаче в левый квадрат корта стойте сантиметров в 30 вправо от центральной отметки на задней линии и в 8—10 сантиметрах позади нее. Эти сантиметры оградят вас от «зашага», если при подаче вы продвинетесь немного вперед. Ступни должны быть за задней линией.

Готовясь к подаче, колени слегка согните. Поиграйте мячом с отскока. Проверьте, удобно ли вам подавать. Может быть, чуть сдвинуть правую ногу на пару сантиметров назад? Так удобнее? Положение тела должно ощущаться вами как абсолютно естественное.

Очень важный элемент подачи — стабильно точный подброс мяча. Цель этого подбрасывания — вывести мяч на один уровень с плоскостью летящей при подаче ракетки. Нельзя маневрировать своим замахом, чтобы приспособиться к положению мяча, если вы подбросите его не так, как нужно. И вообще не забывайте, что возможно лишь одно естественное движение тела при подаче.

И хотя подброс мяча — один из самых сложных элементов техники, начинающие игроки чаще всего не проявляют к его освоению интереса. Жаль!

Не спешите с подбросом! Не торопитесь! Лучше сделайте несколько пробных подбросов.

Если вы держите ракетку правой рукой, мяч держите между большим пальцем и первыми двумя пальцами левой руки на высоте талии. Не захватывайте мяч всей ладонью, иначе его трудно будет выпустить из руки.

При подбросе левый локоть должен быть достаточно близко к талии, а правая рука должна быть параллельна земле и «смотреть» в том же направлении, что и левая ступня.

Освобождайте мяч только тогда, когда рука над головой. Следите, чтобы мяч вылетал вверх по очень узкому коридору.

Высота подброса — примерно метр над головой и около полуметра впереди вас. Ракетка откинута назад.

Важнейшим элементом подачи является замах, который приводит ракетку в соприкосновение с мячом и завершает удар. Если струны ракетки касаются мяча в то мгновение, когда она замерла в воздухе в своей высшей точке, вы почувствуете радость абсолютной синхронизации.

Легче ударить по цели, когда она в покое, нежели когда она в движении.

Теперь несколько слов о замахе. Для подачи ракетку из положения готовности проще и лучше всего потянуть

прямо назад, затем вверх, вокруг головы для замаха.

Большой замах не вырабатывает большой энергии и не сделает подачу сильнее. Сила в подачу будет вложена хлыстообразным движением и сопровождением мяча.

При замахе ракетка со слегка наклонной плоскостью (ракетка держится левой хваткой) отводится назад за голову, локоть немного согнут, кисть жесткая. Положение руки такое, что со стороны кажется, будто вы собираетесь ударить по мячу локтем.

Когда вы начинаете замах, левая рука будет рядом с горловиной ракетки всего секунду в то время, как рука, держащая мяч, слегка упадет. В это же мгновение вы должны начать дугообразно поднимать ракетку к плечу. В то время как правая рука поднимается с ракеткой, приходит в движение и левая с мячом: начало замаха опережает начало подбrosa. Когда рука завершает движение в замахе и начинает вытягивать ракетку поверх плеча, игрок, подающий мяч, начинает поворачивать плечо. В этот момент вся верхняя часть торса становится частью движения замаха. Плечи должны двигаться из положения, почти параллельного сетке, в положение, почти перпендикулярное, к тому времени, когда ракетка дойдет почти до спины.

Когда левая (правая) рука достигает зенита, правая (левая) должна быть полностью вытянута и мяч выпущен. Именно в этой точке вес тела начинает смещаться к ведущей ступне. Когда мяч поднимается к зениту, левая (правая) рука с возрастающей скоростью падает, взрывааясь движением на мяч.

Кстати, не торопитесь играть, не спешите к победам. Подачу вы можете тренировать и самостоятельно, когда останетесь без партнера.

Когда вы будете отрабатывать подачу, совсем неплохо задержаться на мгновение, чтобы подумать, как произвести удар. Посмотрите еще раз, где осталась ваша правая нога. Она должна была подвинуться прямо вперед к сетке, точно следя за направлением подачи. Дело в том, что у некоторых игроков есть склонность двигать ступню вправо. Это может выбить вас из равновесия, что помешает вам успеть к приятому сопернику мячу, если он послан влево от вас.

Как подбрасывать мяч

В книге «Уроки тенниса» специалисты обращают особое внимание на подброс мяча при подаче.

Прицельтесь, прежде чем подавать

В подаче нет ничего сложнее, чем подброс мяча. Вы можете добиться необходимого постоянства в подбросе мяча, если будете следовать такому правилу. Перед подачей держите мяч и ракетку перед собой и смотрите прямо над ними в сектор подачи. Голова, руки и цель должны быть на одной линии. Поднимая руку вверх при подбросе мяча, держите ее на этой линии. При правильном подбросе для плоской или крученой подачи

мяч проходит на расстоянии 15—30 см от ударяющей руки.

Если не удалось подбросить мяч перед бьющей рукой, поймайте его и подбросьте снова.

Бен Фостер

Выпускайте мяч на высоте правой руки

Многие игроки испытывают трудности с подачей из-за того, что не могут бить по мячу каждый раз в одной и той же точке. Это происходит из-за разнобоя в подбрасе мяча.

Подбрасывайте мяч в одно и то же место и на одну и ту же высоту, и вы увидите, что подача у вас станет стабильной. Секрет точного подбrosa мяча элементарен. Мяч нужно выпускать в последний момент, когда рука полностью вытянута. Держите мяч кончиками пальцев и выпустите его, мягко разжав пальцы.

Если вы выдержите время и выпустите мяч в самой верхней точке, то добьетесь постоянства в подбросе мяча. А это и обеспечит вам стабильную подачу.

Чак Моррисон

Совершенствуйте подброс мяча

Причины плохой подачи практически на всех уровнях мастерства кроются в несовершенной технике подбраса мяча. Если мяч каждый раз подбрасывается в разное место, стабильной подачи достигнуть невозможно. Только тренировка исправляет ошибки. И лучше всего, особенно для начинающего, вообще уйти с корта и потренироваться одному, сконцентрировав внимание исключительно на подбросе мяча, а не на том, в какой

момент по нему ударить. Встаньте боком примерно на расстоянии длины руки от стены. Тренируйтесь, подбрасывая мяч параллельно стене на высоту ракетки, если ее поднять полностью вытянутой рукой. Делайте это до тех пор, пока не научитесь подбрасывать мяч каждый раз на одну и ту же высоту. Затраченные усилия окупятся сторицей на корте.

Джон Браунлоу

Тянитесь вверх, выпуская мяч при подбросе

Если подача у вас слабая и мяч частенько попадает в сетку, причина нередко кроется в том, что во время выполнения подачи вы слишком скованы. Вероятнее всего, вы недостаточно высоко подбрасываете мяч перед ударом. С этим можно покончить, если руку при подбросе вы будете тянуть вверх даже после того, как мяч набирает высоту. Вы должны чувствовать руку, устремленную вверх, перед тем как опустите ее вниз, освобождая путь для ракетки. Это поможет вам выше подбрасывать мяч и таким образом избавиться от стесненных движений при подаче.

Джонни Льюис

Замедлите подброс мяча, чтобы глубоко «почесать спину» ракеткой

Если головка ракетки не успевает опуститься вниз за спиной, как это необходимо при подаче, попробуйте выпускать мяч чуть позже. Замедляя подброс мяча, вы даете время подающей руке полностью забросить ракетку назад, как при «почесывании спины», что позволит вам затем резко выбросить ее вверх и выполнить мощную подачу.

Рекомендую замедлять подброс мяча до тех пор, пока ракетка не окажется за головой. Только тогда можно выпустить мяч и наконец резко подать ракетку вверх для удара по мячу.

Жуан Риос

Мнение чемпионов

О подаче мяча

Джек Крамер, чемпион Уимблдона 1947 года в одиночном и парном разрядах:

— Свои подачи я совершенствовал с помощью обыкновенной коробки для мячей —ставил ее в разные точки поля подачи и старался попасть в нее. Я подавал резаную подачу, при которой противник не может прогнозировать отскок мяча. Это упражнение повторял до тех пор, пока не освоил достаточно быструю подачу и не научился приземлять мяч как можно ближе к коробке. Затем я придал мячу еще большее вращение и начал вкладывать в удар больше силы. Мяч стал лучше слушаться, и я избавился от двойных ошибок. Если вы хотите приобрести надежную подачу, то не должны жалеть времени, терпеливо отрабатывая ее.

Если вы терпите неудачи при подаче, советую изменить хватку, сделать ее примерно такой, как для удара слева. Чем ближе к такой позиции, тем легче контролировать мяч...

Каждому, кто хочет овладеть хорошей подачей, советую изучать и исправлять свои ошибки с ракеткой в руках. Идите на площадку и подавайте до тех пор, пока рука не «прибьется» в нужную точку. Анализируйте подачу и без устали упражняйтесь.

Как бить по мячу

Андрес Химено, Испания, победитель открытого чемпионата Франции 1972 года в одиночном разряде:

— Чемпиона можно отличить от просто хорошего теннисиста по одной характерной особенности. Это не способ держания ракетки — разница в хватке при ударе справа у Лэйвера, Сантаны, Розуолла, Эмерсона, Гонзалеса и Хоада невелика. Это не манера сгибать колени, приседая к мячу. Это не открытая или закрытая стойка для удара справа. Это и не протяженность замаха и сопровождения мяча. Решающая особенность — на каком удалении теннисист встречает мяч.

Двадцать ведущих игроков мира, профессионалов и любителей, наносят удар по мячу перед собой в нескольких сантиметрах дальше, чем восемьдесят игроков, числящихся по списку вслед за ними. В свою очередь, эти восемьдесят ударяют по мячу на несколько сантиметров дальше перед собой, чем двести последующих теннисистов.

Посредственный или слабый игрок наносит удар близко от себя. Слабый игрок ударяет по мячу рядом с собой перед самым его падением.

Недостаточно ударить по мячу далеко впереди себя. Контакт с мячом и сопровождение должны осуществляться жесткой кистью. Теннисист с вялой, разболтанной кистью не управляет мячом; скорее наоборот — он позволяет мячу управлять ракеткой.

Хороший игрок ждет мяча, чемпион идет к нему...

Если теннисист наносит удар по мячу перед собой жесткой кистью, сопровождение мяча получится само собой. Это сопровождение не может быть коротким, незаконченным по траектории, поскольку в движении участвует вся масса тела. «Задушенным» ударом спра-

ва, как я его называю, является мяч, сыгранный поздно (пропущенный за бедро). Такой удар скажется и на сопровождении мяча. Иногда его характеризуют как «стиснутый» удар, в который не вложена нужная энергия.

Ключ к теннису высшего класса — умение сыграть мяч жесткой кистью и достаточно далеко перед собой.

ДЕНЬ ТРЕТИЙ

«РЕЙТИНГ — ФИКТИВНЫЙ...»

Буэнос-Айрес

Журналист. В воскресенье снова величайшая неожиданность. И для аргентинской федерации тенниса. И для болельщиков, собравшихся на корте. И для миллионов телеболельщиков — а матч этот телевидение транслировало полностью, без перерывов, повторяя во время пауз, даже получасовых — из-за дождя — только что сыгранные сеты.

Александр Зверев и Сергей Леонюк выигрывают у Хосе-Луиса Клерка и Мартина Хайте пару со счетом 3:1.

Удивительно, но нашим мастерам для победы не потребовалось пяти сетов.

Заканчивается третий день матча.

Ко всеобщему изумлению, сборная СССР впереди — 2:1.

Упоминавшийся уже мною Луис Винкер писал: «В паре произошло то, что следовало ожидать: импровизация оказалась бессильной перед хорошо подготовленной командой. И теперь СССР ведет со счетом 2:1, чего до начала матча никто не мог вообразить.

Зверев подтвердил свою репутацию парного игрока, что просматривалось уже в матче с Клерком. Его игра была безукоризненна. Его напарником был неизвестный до настоящего времени некий Сергей Леонюк, которого публика прозвала «усатым толстячком»... Он смог дополнить игру Зверева эффективными действиями у сетки, а его косые удары были просто убийственны.

Всему этому аргентинцы противопоставили цепкость

и волю. Но технически они заметно уступали советским игрокам, что усугубилось их неумением оперативно ориентироваться в тактике».

На пресс-конференции после парного поединка Клерк заметил: «Теперь я могу сказать, что русские умеют играть в теннис. Рейтинг их — фиктивный. Зверев и Чесноков должны стоять в пятидесяти лучших...»

Прежде, признаюсь, считал, что теннис — вид спорта, которому не дано вызывать у зрителя устойчивого интереса. Мне казалось, что на теннисе скучно, что чаще всего в этой игре идет нудный и долгий обмен ударами, соперники монотонно «качают мяч» в ожидании ошибки противника.

Наверное, не я один слышал бесконечные споры болельщиков о сравнительной ценности, с их точки зрения, той или иной спортивной игры. Сопоставляя, например, футбол и хоккей, любители спорта отдают безоговорочные предпочтения футболу еще и потому, что там не пять, как в хоккее, а десять полевых игроков, стало быть, неизмеримо шире и разнообразнее возможности игровых связей спортсменов на поле, богаче выбор различных систем ведения атаки и укрепления обороны, многообразнее варианты тактических построений.

Одним словом, покаясь, мне казалось, что в теннисе, где играют один против одного или двое против двоих, не может быть столь интересной тактической борьбы, как в хоккее или тем более в футболе. А поскольку именно это обстоятельство больше всего привлекает меня в игровых видах спорта (не люблю смотреть футбольные или хоккейные телерепортажи, потому что не вижу — нам не показывают! — перемещения футболистов или хоккеистов без мяча или шайбы, не вижу, какие возможности есть для паса у спортсмена, контролирующего шайбу или мяч), то теннис вызывал у меня скептическое отношение.

Насколько интересно следить за борьбой футболистов или хоккеистов, настолько же, казалось мне, скуч-

но проводить часы на трибунах теннисного корта. И, читая про стратегию или тактику теннисного матча, я не очень-то верил авторам, считал, что они усложняют простое дело. Помню, попалось мне на глаза описание теннисного поединка в романе Уильяма Фолкнера «Сарторис»: «Они вдвоем стали играть против обоих молодых людей. Хорес играл великолепно, безрассудно, но с блеском. Любой хороший теннисист, обладающий еще и хладнокровием, мог бы тотчас его обыграть — для этого достаточно было предоставить ему полную свободу действий. Но его противникам это было не по плечу. Фрэнки частенько просчитывалась, но Хорес всякий раз ухитрялся спасти положение, прибегнув к стратегии настолько дерзкой, что она скрывала слабость его тактики...» Прочитал я тогда эти строки и усомнился:ывает ли так в теннисе — стратегия, тактика...

Разумеется, мои прежние представления об игре свидетельствуют только о том, что я совершенно не представлял себе, что такое теннис.

В последние годы вижу и воспринимаю теннис иначе. И если оставались все же где-то в глубине души какие-то сомнения, то их без остатка снял решающий поединок Кубка Дэвиса между Андреем Чесноковым и Хосе-Луисом Клерком, рассказ о котором в следующей главе. Встреча эта еще раз подтолкнула к желанию подумать о природе тенниса, попытаться разобраться в этом виде спорта, понять его сущность, психологию, внутренние пружины, различные аспекты борьбы. Не только технические, но и тактические...

МНОГОЕ ЛИ МОЖЕТ ТРЕНЕР?

Тренер. Когда теннисисты, вместе с которыми я приехал на турнир, свободны, уже сыграли или, напротив, ждут своего выхода на корт, я люблю подняться на трибуну и посмотреть на матчи соперников сверху.

На трибуне, размещаясь со зрителями, можно услы-

шать немало любопытных суждений, парадоксальных оценок, точных наблюдений. При условии, конечно, что тебя не знают: в противном случае возникает незапланированная пресс-конференция.

Сижу на трибуне как рядовой зритель и слышу: надо, мол, сыграть было не так, а так. Сейчас знатоков тенниса у нас много, и во многом они часто правы. Суждения такие точные, что с ними не поспоришь.

Но чаще всего зрители не догадываются, что этот их правильный совет верен лишь... теоретически. Что же касается реальных людей и реальной игры... Теннисист и рад был бы сыграть так, как надо, да не может, не умеет. Игрок, а не только зрители на трибуне, видит свои ошибки, но исправить их не в силах.

Задача тренера не только в том, чтобы подсказать своему подопечному, за счет чего и как обыграть соперника: совет может быть правильным, но невыполнимым. Задача в ином — найти такое решение, дать такое задание, чтобы ученик мог его исполнить. Подсказывая, как сыграть, отыскивая пути к победе, надо исходить из того, что теннисисту сейчас под силу. Более того, анализируя действия ученика, надо следить не менее внимательно и за игрой соперника. Тренер должен советовать, с одной стороны, только то, что его игрок может выполнить, а с другой, только так, чтобы действия руководимого им теннисиста были достаточно эффективны для нейтрализации игры противника.

Нельзя подсказывать абстрактно: надо бы, мол, в таких ситуациях играть так-то и так-то. Не будем забывать и о том, что иногда правильно, но не вовремя подсказанное решение не воспринимается игроком.

Мне кажется, легче работать со спортсменом, когда он постоянно находится рядом с тренером — хотя бы потому, что можно требовать от него выполнения заданий.

Но тренер в теннисе оказывается в ином положении, нежели его коллеги в других игровых видах спорта. Ус-

ловия нашей деятельности различны, ибо теннисисты готовятся к соревнованиям не так, как, скажем, мастера футбола или хоккея.

Могу только позавидовать Виктору Васильевичу Тихонову и Валерию Васильевичу Лобановскому. В сборную страны приглашаются спортсмены, вместе с которыми эти уважаемые специалисты работают практически постоянно, в течение всего сезона.

Тренер сборной в таком случае вправе рассчитывать получить от игрока то, что он дал ему, чему научил. Сергей Макаров или Игорь Беланов находятся под твоим постоянным контролем, работают на твоих занятиях. Тренеры общаются с игроками едва ли не ежедневно.

В нашем же виде спорта ситуация иная. В теннисе спортсмены находятся в распоряжении тренера сборной страны, готовящего команду, например, к матчу Кубка Дэвиса, ограниченное время, и потому тренеру приходится лихорадочно спешить, чтобы выполнить все задуманное — с учетом конкретного соперника, и времени, и условий матча, и эта спешка накладывает отпечаток на всю подготовку, неизбежно оказывается на ее качестве. Впрочем, и со своим личным тренером спортсмены расстаются нередко: если выезжают они на соревнования в другую страну, приглашаются на учебно-тренировочный сбор в Москву или Юрмалу, то работать им приходится в эти дни, как правило, с другими тренерами.

Старшие тренеры сборной страны по теннису — генералы без войска, и это заставляет нас делать много лишнего. А поскольку у сборной СССР нет пока своей постоянной базы, поскольку игроки предоставлены самим себе (их тренеры, понятно, стараются помочь выполнить задания руководителей сборной), освоение учебно-тренировочных объемов оставляют желать лучшего, а потому удлиняется путь к вершинам мастерства.

Несколько лет назад я писал в журнале: «Низкий

средний уровень квалификации тренерского состава в теннисе, низкий средний уровень научных разработок в области тенниса (в сравнении с другими видами спорта и с зарубежным теннисом) отражается на качестве подготовки резервов для сборной команды страны.

По здравому смыслу, продиктованному всей спецификой тенниса, тренеры сборной в основном должны работать с кандидатами в главную команду страны с карандашом и бумагой в руках, обдумывая стратегические, тактические и психологические варианты борьбы с будущими зарубежными соперниками. А вместо скрупулезных расчетов ведения поединков приходится почти каждому теннисисту объяснять, как он должен играть, чтобы скрыть свои технические недостатки. На исправление неправильных технических навыков в теннисе, формируемым годами, времени не остается. О каком стратегическом или психологическом варианте игры может идти речь, если в ближайшем резерве сборной один не может играть с лета справа, второй — закручивать мяч с отскока слева, а третий имеет самое отдаленное представление о том, как нужно выполнять удар над головой!»

Прочитал эту вырезку и с горечью заметил: а изменилось-то, не считая появления отдельных методических разработок, немногое!

Видимо, у читателя возникает естественный вопрос: разве тренер сборной и постоянный тренер игрока работают не в контакте? Не по единому общему плану? В контакте, разумеется, и по общему плану. Но в силу разных обстоятельств задания, предлагаемые тренером сборной, расписанные им на много месяцев вперед не только по дням, но по часам и минутам, не выполняются в его отсутствие. Или, чаще всего, выполняются не настолько скрупулезно и добросовестно, как требует того современный большой теннис, не прощающий лени и работы спустя рукава.

Нет проблем в контактах с Андреем Чесноковым —

чемпионом СССР 1985—1987 годов, первой ракеткой страны. Татьяна Наумко, тренер Чеснокова, и ее муж, Александр, помогающий ей, держат Андрея в ежовых рукавицах и в общем справляются с ним. Не все гладко, не все идеально и здесь, и Татьяна, случается, всплакнет, пожаловавшись, что Андрей отбивается от рук, но я-то знаю, что ученик обожает своего педагога и через час или через день придет, повинится и начнет работать не с удвоенной, а утроенной энергией и старанием.

А вот другой, не менее одаренный игрок — Александр Волков. Он живет в Калининграде, у моря. Он на год моложе Чеснокова. Тоже игрок сборной СССР. Тоже тот теннисист, на которого рассчитывают тренеры сборной страны. Но на наши встречи он частенько приезжает менее готовым, чем я хотел бы. Не могу определить, кто в этом повинен, сам ли теннисист, тренер ли его, но я склонен в первую очередь предъявить претензии спортсмену: он отвечает за свой талант. А насколько одарен Саша, знаю не только я — о нем в самых восторженных тонах писала печать многих стран, в том числе и американская. Отлично сыграл Саша и летом 1987 года на Уимблдоне. Он прошел все три круга отборочного турнира, а затем пробился в число 16 сильнейших. Это позволило Волкову заметно подняться на компьютере ATP — с 503-го места на 194-е, а затем перепрыгнуть еще через сто с лишним ступенек.

Практика показывает, что мы можем опираться только на тех теннисистов, которые самозабвенно, даже, если хотите, фанатично (не люблю этого слова) работают под руководством своего тренера. И умеют работать сами.

Тренеры сборной, занимаясь вместе со спортсменом от случая к случаю, не могут заставить теннисиста трудиться так, как следует, если не приучен он к этому с детства. Именно потому наш теннис потерял уже не одного игрока, в подготовку которых их тренеры вкладывали не только труд, но и душу. Тренеры трудились

самозабвенно, но отклика, увы, не нашли. Имею в виду таких способных спортсменов, как Сергей Грузман, Александр Залужный, Игорь Пилипчук, да и многих других.

Журналист. Тренировки в теннисе отличаются, видимо, от учебно-тренировочных занятий в других игровых видах спорта? Теннис, в сущности, индивидуальная, а не командная игра, хотя и здесь есть микроколлективы — пары и миксты.

Тренировки в теннисе индивидуальны и по форме, и, что гораздо важнее, по существу. Мне кажется, они особенно трудны, но вместе с тем и интересны для тренера, поскольку у каждого из, скажем, десятка теннисистов несходные задачи, свои слабости, разные недостатки, а стало быть, нужно отыскивать и разные средства и пути усиления игры спортсменов, с которыми занимается тренер. И все это при том, что речь идет о мастерах одного класса, достаточно высокого класса — игроках сборной страны. Очевидно, на ваших тренировках нужна не просто глубоко индивидуальная работа, но и узкая глубинная специализация? Нужна профессиональная индивидуальная работа по самым разным аспектам.

Тренер. Безусловно. Но не менее важно и то, что спортсмены даже на тренировках могут плодотворно работать лишь с внутренне совместимыми людьми.

На учебных сборах у нас популярны коллективные игры. И особенно охотно как одну из форм тренировки и одновременно своеобразной разрядки теннисисты используют футбол. И это не случайно — ребят, тем более молодых, привлекают искусство владения мячом.

Как правило, теннисисты хорошо играют в футбол. Был случай, когда наши ребята переиграли дублеров ЦСКА. Случилось однажды и так, что мы, позаимствовав основного вратаря соперника, обыграли команду первой лиги.

Единственная беда теннисистов в их невероятном ин-

дивидуализме. Они охотно держат мяч и с трудом расстаются с ним: игра в пас не для моих коллег. Поэтому тренеры, достаточно хорошо изучившие нравы своих учеников, стараются использовать футбол, командную по сути своей игру, для того, чтобы приучить спортсменов играть за партнера. Друг ради друга.

Как формируются команды? Два лидера, например, Александр Зверев и Сергей Леонюк по очереди подбирают себе игроков. Саша берет одного, Сергей — другого, затем перед Саши, потом — снова Сергея и так далее.

В Донецке и Симферополе, в Юрмале и Москве, где проходят сборы нашей национальной команды, мы охотно используем эту популярную игру. С удовольствием меняем грунтовые или пластиковые корты на зеленое футбольное поле. Чаще всего размечаем ворота на боковых линиях и играем поперек поля: двадцать два футболиста нам подобрать трудно. В Донецке, чтобы поддержать ребят, работники стадиона иногда даже зажигали на табло имена теннисистов, забивших голы.

Играют ребята азартно, спорят, порой даже ссорятся, но после матча быстро утихомириваются. Общий язык находят легче, чем после напряженной тренировки на корте.

Но в футбол мы играем и на корте. Теннисным мячом. Через теннисную сетку. Один на один, двое против двух, трое против трех, что особенно важно для выработки духа коллективизма. Играем в два касания. Принял корпусом и перебил ногой. Принял ногой, а через сетку мяч послал головой.

В футболе характер теннисиста проявляется так же ярко, как и в схватке на корте. Умение сосредоточиться, собраться демонстрируют на футбольном поле чаще всего те же игроки, которые славятся этими достоинствами и в сражениях на корте.

Футбольный матч может стать хорошим экзаменом и для проверки на прочность молодого теннисиста. Вспо-

минаю, как менялось — на наших глазах — лицо юного Андрея Черкасова, когда поручили ему пробить одиннадцатиметровый. Он играл за команду тренеров против команды теннисистов. Игра заканчивалась вничью, и исход ее решался одиннадцатиметровым ударом. Я сказал Андрею:

— Ты моложе нас, сил у тебя сохранилось больше... Мы на тебя надеемся...

Он поначалу побледнел. Потом, установив мяч и, отойдя для разбега, постоял несколько секунд, настраиваясь на удар. Мобилизация у парня превосходная. Бледность исчезла, он даже порозовел немного. Удар был блестящим.

Разумное сочетание коллективных игр и эстафетных упражнений с силовыми приемами формирует чувство локтя, товарищества. И, конечно же, очень важны для теннисистов командные теннисные матчи, например, парная игра одной ракеткой.

Организация тренировок осложняется и тем у нас, что чрезвычайно сложно решать проблему спарринга: нужны партнеры, которые работали бы специально под данный типаж. И когда тренируются два ведущих теннисиста, например, Метревели и Какулия, или Борисов и Пугаев, или Чесноков и Волков, то под каждого из них надо искать специальных партнеров. Если же на занятии они работают друг под друга, то в самом оптимальном варианте мы достигаем лишь пятидесятипроцентного эффекта.

А если добавить, что техническая оснащенность наших тренировок, наши материальные возможности сегодня, как и десять-пятнадцать лет назад, когда я только начинал работу со сборной, так же ограниченны, то легко понять степень наших трудностей. В век стремительного развития мирового тенниса все это приобретает болезненный характер.

Журналист. Теннисиста высокого класса не устраивает работа в «команде». Она не эффективна. Теннис

настолько творческая и умная игра, что ограничиваться общими указаниями, так называемой моторной деятельностью всей группы нельзя. К каждому игроку требуется свой подход, если тренер стремится стимулировать в процессе тренировки совершенствование лучших его качеств, чтобы потом они ярко засверкали в каждом игровом эпизоде.

Все успеть, все суметь невозможно, но стремиться к этому необходимо. Хороший тренер в теннисе представляет собой и знатока всех тайн игры, и учителя, и врача, и психолога, и массажиста, но главное его достоинство — он умеет думать на корте, чувствовать мысль ученика и вести его к победе.

Тренер. В тренировочном процессе главное — это тяжелейший и творческий труд тренера на пределе возможностей. Здесь, позволив себе работу в пол силы, можно обмануть только самого себя. А значение творческого подхода к делу я подчеркиваю потому, что при про- чих равных условиях победу вершит голова.

Потому-то и именуют теннис шахматами в движении.

У нас в теннисе всегда не хватает времени. И эта сложность во временных параметрах постоянна. И на тренировке, и — особенно — в матче. Успеешь найти ошибку или нет? Успеешь разъяснить ее истоки ученику? Успеешь отыскать противоядие или опять же нет? Да и надо ли предпринимать срочные меры именно в эту минуту? Или стоит повременить? Подумать еще раз? А время ускользает, время не догонишь, не вернешь...

В минуты игры порой говоришь спортсмену, когда попал он в трудное положение: не держись за этот сет, отдай эту партию, но сыграй при этом так-то и так-то, чтобы запутать, переиграть соперника, поймать его на различных тактико-психологических уловках, а уж во втором, в следующем сете начнешь играть иначе, в свою игру. И если спортсмен верит тренеру, он выполняет план, временно отступив, переходит в атаку и выигрывает. И это радость и для мастера, и для спортсмена.

А часто бывает так, что во время встречи приходится признаваться: тактика была тренером выбрана неверно. Я ошибся в сегодняшних возможностях своего игрока или его соперника, и потому надо немедленно и решительно менять тактику. Бывает, что матч не удается спасти. К сожалению, бывает. Чаще, чем хотелось бы. Но если спортсмен и тренер верят друг в друга, то и после неудачи у них не возникают взаимные обиды и разочарования. Идет спокойный и четкий критический анализ, честный и откровенный разбор игры, и такой разговор взаимно обогащает и теннисиста и тренера.

Содружество игрока и его наставника поднимается к новым высотам.

НЕУДАЧА

Журналист. Путь наверх теннисиста Тарпищева не был прямым и легким.

Путь наверх тренера Тарпищева сопровождался не одними успехами. Были и поражения. Были матчи, проигранные по его вине.

В 1975 году в полуфинале европейской зоны «А» розыгрыша Кубка Дэвиса сборная СССР уступила теннисистам Швеции со счетом 2:3. В команде соперников выступал Бьорн Борг — будущая звезда мирового тенниса, и, наверное, сейчас, задним числом, можно утверждать, что именно благодаря ему команда Швеции выиграла Кубок Дэвиса. Но тогда Борг не казался соперникам непобедимым. Необыкновенно талантливый молодой теннисист — это бесспорно, но мало ли одаренных игроков выступают в соревнованиях, и разве обязательно должны наши мастера им проигрывать?

Молодой Борг поразил стабильным, практически безошибочным исполнением технических приемов, надежными действиями на задней линии. Кроме того, он первым в мире, как считают знатоки, применил сверхкрученые удары, заставив соперников принимать мяч в не-

удобной для себя точке: на уровне плеча. Его отличали быстрые перемещения по корту и своеобразная техника, пусть тогда еще и несовершенная. Умение предвидеть направление удара и полета мяча, иначе говоря, точный прогноз возможного развития событий на площадке компенсировали пробелы в технической оснащенности Борга. Он всегда находился в том месте корта, куда летел мяч.

Советские теннисисты проиграли тот матч, но соперники были, как считает тренер, нам по силам.

Ошибка, а если сказать определенное — вина тренера заключалась, пожалуй, в том, что ему не удалось расчленить во времени турнир Спартакиады народов СССР и матч Кубка Дэвиса. Команда наша в то время была сильна и могла при благоприятном режиме подготовки выиграть у шведов.

К сожалению, таллинский турнир Спартакиады и матч были запланированы на одно время: в середине турнира сборная и встретилась со шведами. На плечи ведущих выпала повышенная нервная нагрузка, и за несколько дней до матча из строя практически выбыли Теймураз Какулия — из-за перегрузок и Анатолий Волков, который заболел гриппом. Единственным здоровым человеком в группе оставался ее лидер Александр Метревели.

Это поражение послужило суровым уроком тренеру.

Планирование сезона в целом, отдельных его периодов — наиважнейшая составная часть стратегии в теннисе. Он же, к сожалению, не сумел обосновать необходимость переноса соревнований Спартакиады на другие сроки.

Сделал для себя важный вывод: свои планы, свои мнения надо отстаивать до конца — не упрямства ради, конечно, но в интересах дела.

В следующем году к матчам Кубка Дэвиса готовились тщательно, стараясь учесть промахи, допущенные прежде.

ЧЕТВЕРТЬФИНАЛЬНЫЙ МАТЧ — НА КУРОРТЕ

Тренер и журналист. 1976 год был удачен, он ознаменовался новым успехом советских теннисистов в розыгрыше Кубка Дэвиса. Они снова попали в квартет лучших.

А начался тот розыгрыш Кубка матчем в Тбилиси против команды Монако. Наши теннисисты выиграли без особого труда все пять встреч.

В следующем круге играли на выезде против команды ФРГ.

Тренер знал хорошо, и по личным беседам, и по выступлениям западногерманской печати, что хозяева корта расценивали предстоящий с нами матч в какой-то степени как проходной, хотя и готовились к нему вполне серьезно. Для усиленной работы были вполне достаточные стимулы — каждому участнику матча за успех был обещан солидный гонорар.

Хозяев поля представляли Уве Пиннер и Карл Майлер, чемпион мира того года среди профессионалов в парном разряде (этот титул он завоевал вместе спольским теннисистом Войцеком Фибаком). Очень сильная была у соперников и пара — Юрген Фасбендер и Йорген Поман.

Играли в маленьком городке Бад-Хомбурге, в курортной зоне, в благоприятных климатических условиях. Единственное, что нам было непривычно — большая разница температур на солнце и в тени, что определяло необходимость хорошей специальной подготовки и непременный учет этого обстоятельства: нельзя было прятаться в тени, чтобы не попасть потом под губительную разность температур.

Пожалуй, подспудно советская команда (прежде всего тренеры, а не игроки) опасалась соперников, но манеру, стиль, особенности игры каждого знала достаточно хорошо. И потому постарались подготовиться к поединкам затяжного плана.

Было решено на одиночные игры выставить Метревели и Какулия. Теймураз к тому времени уже обрел силу как индивидуальный игрок, выступал стабильно и обладал солидным международным опытом.

По прогнозам специалистов, Метревели имел предпочтительные шансы против Пиннера, а Какулия отводилась роль аутсайдера во встрече с Майлером.

Но тот матч Кубка Дэвиса мы вспоминаем как раз потому, что ключевым в нем оказался поединок не нашего лидера, а второго номера.

Майлер вышел на легкую победу: он был подготовлен к этому общим мнением. Майлер — игрок ярко выраженного атакующего плана, он постоянно стремился к сетке, любил и умел бить с лета, часто использовал укороченные удары с лета.

Установка Теймуразу была дана простая. Поскольку терять ему вроде бы нечего, тренер просил его играть спокойно, как на тренировке, не стараясь превзойти себя, но при этом постоянно разнообразить тактику действий: то оставаться на задней линии, то неожиданно выходить вперед, то стремиться использовать тотальное давление по всему корту, сочетая его с постоянными выходами к сетке.

И вот в первой партии Какулия точными ударами сумел ошарашить соперника. Первая партия за ним. Во втором сете Майлеру удалось взять подачу Теймураза, он обрел себя и предложил острую, атакующую игру.

При счете 0:3 я подсказал: «Отдай сет, настройся на другую игру...»

Последний гейм сета при счете 0:5 стал моделью игры следующего сета.

Какулия проиграл партию вчистую — 0:6.

Теймуразу надо было бы перестроиться немедленно, поскольку соперник приладился, приспособился к его действиям. Надо было мягкими косыми обводящими ударами заставить Майлера играть из-под сетки и наце-

лись на второй или даже третий обводящий удар, игра в пределах корта.

Однако перестроиться удалось только в конце уже проигранного сета, что помогло выиграть третий сет. Начиналась тактически запланированная четвертая партия, но произошло непредвиденное. Сгущались сумерки, а по регламенту матча игра в восемь вечера должна быть прекращена — доигрывание переносится на следующий день.

Счет партий 2:1. Идет четвертый сет.

И вдруг в одном из эпизодов Майлер, потянувшись за мячом, упал: у него свело правую ногу. По правилам соревнований Кубка Дэвиса к нему никто не может подойти. В течение трех минут спортсмен должен суметь продолжить борьбу. А на часах уже без двадцати восемь. Проходят три минуты. Майлер встает и готовится к подаче.

Теймураз принимает мяч и бьет под правую руку соперника, чтобы максимально затруднить ему прием мяча. Снова и снова.

Ошибка Майлера заключалась в том, что он начал играть, держась за счет. Ему надо было потянуть время, простоять на корте двенадцать минут, отдавая мяч за мячом, уступить два или три гейма, отложив борьбу на завтра. Через несколько минут матч все равно был бы остановлен, и на следующий день после помощи врача, восстановив силы, обладая более высоким классом, нежели Какулия, он мог бы рассчитывать на успех.

Но теннисист из ФРГ по-прежнему в азарте сражался за каждый мяч. Какулия сновал по корту и неустанно бил и бил под правую руку Майлера. Розыгрыш одного очка затянулся надолго. И вот когда Майлер, выйдя на подачу, подбросил мяч, над кортом раздался душераздирающий крик: он упал и, несмотря на все попытки подняться, встать так и не смог.

Чувство сострадания свойственно каждому, и первое желание — броситься помочь человеку, мучившему-

ся от боли. Теймураз рванулся было к тренеру и кинул ракетку:

— Надо помочь!?

Тренер остановил спортсмена.

По правилам соревнований Кубка Дэвиса нельзя касаться соперника. И оказание помощи Майлера означало бы его поражение в матче. С другой стороны, по тем же правилам игроку при повторной травме дана всего одна минута, и если за это короткое время он не сможет вернуться к продолжению игры, ему засчитывается поражение.

При мертвой тишине — а на трибунах 6—7 тысяч зрителей — было ужасно слышать, как стонал от боли спортсмен, и никто, никто, не только соперник, но и врач, не могли, не имели права помочь ему... Эта напряженная нервная пауза казалась бесконечной. И только когда арбитр из Бельгии Генри де Кенинг, подняв руки, возвестил о победе советского теннисиста, на корт выбежали врач и друзья Майлера, положили его на носилки и унесли.

На следующий день в газетах писали, что у Майлера свело всю правую половину тела — мышцы бедра, икроножную мышцу и мышцы спины.

Победа, конечно, радостна, тем более что Какулия выполнил план, разработанный перед матчем. Но надолго запомнилась и несерьезность Майлера, так дорого стоившая ему.

Команда ФРГ недооценила силу наших теннисистов, и это стало одной из причин поражения хозяев корта.

Понятно, что тогда тренер и не подозревал, что спустя десятилетие история повторится и болельщики Аргентины будут считать, что «русские приедут только учиться».

Почему это происходит? Почему игра наших мастеров становится сюрпризом для соперников?

Скорее всего потому, что они начинают подъем к

верхним ступеням лестницы мирового тенниса после того, как долгое время пребывали учениками.

Странно кажется, но на самом деле в определенной мере вполне закономерно, что почти у всех игроков команды ФРГ были в том матче судороги. Не по причине недостаточно высокой физической готовности, а скорее всего из-за недооценки климатических парадоксов того городка, где была так велика разница температур на солнце и в тени, а главное — из-за нервного перенапряжения, родившегося в ходе матча из-за предматчевой недооценки наших игроков.

Когда один из соперников спросил Метревели, чем объясняется столь разное реагирование спортсменов двух команд на причуды микроклимата, Александр ответил:

— А мы и не к такому привыкли на наших союзных чемпионатах...

Но мы забежали вперед. Пока же, после первого дня, советская команда повела 2:0. Впрочем, теннисисты знали, что соперники очень сильны и вполне могут рассчитывать взять три оставшихся очка.

Тренеру предстояло отгадать сложную загадку. Вопрос выбора стратегии матча был не прост. Кого ставить на парную встречу? Может быть, отдать игру соперникам, выставив молодых Пугаева и Борисова? Или, напротив, целесообразнее попробовать использовать шоковое состояние соперников, которые день назад были уверены в нетрудной победе, а сейчас сомневаются во всем? Может быть, выставить нашу сильнейшую пару Метревели — Какулия? И тем самым попытаться закончить все сегодня. Ну а если наши ведущие потерпят неудачу? Тогда ведь их может и не хватить на третий день — нервные ресурсы могут быть исчерпаны. А у команды ФРГ пару составляют другие теннисисты, которым не надо играть «одиночки».

Скорее всего выбор — а поставили опытных игроков — объясняется настроением и высказываниями молодых теннисистов: те были уверены, что судьба мат-

ча уже решена, и не считали свою задачу сколько-нибудь сложной:

— Поставьте нас, и мы обязательно выиграем, вот увидите — все будет просто...

Парная встреча сложилась трудно. Был момент, когда мы приблизились к краю пропасти. Наши ребята проигрывали по партиям 1:2, а в четвертом сете уступали 1:4. А в парном поединке, проиграв подачу, крайне тяжело отыграть ее. Но советские теннисисты продолжали мужественно бороться, стараясь спасти каждый мяч.

И их упорство было вознаграждено. Причем в совершенно неожиданной ситуации.

При счете 1:4 в четвертой партии произошел трагикомический эпизод. Метревели вроде бы неудачно кинул «свечку» через Помана. Поман пошел на перехват и вдруг увидел, что не может убить эту «свечу», не дотягивается до мяча. И он поспешил обратно. А Фасбендер, считая, что Поман уже перебежал, ударили смеш и с трех метров попал в затылок партнеру. Тот как подкошенный рухнул на корт. Вынужденная пауза затянулась на десять минут.

После паузы преимущество советских теннисистов — за счет лучшей физической подготовки — стало очевидным. Перерыв в игре на наших спортсменов не повлиял, они продолжали так же легко двигаться и корректировать игру, а вот для соперников пауза оказалась губительной. Их охватила какая-то странная апатия, они утратили интерес к матчу, и их игра стала уже какой-то вымученной и нескладной.

Соперники потеряли нить игры, а вместе с тем и неожиданно утратили веру в общую победу. Наши спасли четвертый сет, а затем взяли верх и в пятом.

Конечно, западногерманской команде не повезло. Но это невезение имеет свое объяснение. Соперники к матчу с нами готовились не слишком тщательно.

В заключительный день два оставшихся поединка

уже ничего не решали. Какулия проиграл Пиннеру в трех партиях, а Метревели выиграл у Фасбендера (Майлер был снят врачами).

Тренер считал, что наши теннисисты, обыграв такую сильную команду на ее поле, совершили невозможное. И ему было очень обидно, что в Москве эту победу никто и не заметил. Матч, видимо, посчитали рядовым, а успех само собой разумеющимся.

Недостаточное внимание к теннису? Вероятно. Но прежде всего еще одно свидетельство плохого знания мира тенниса и соотношения сил в нем.

ПОЛУФИНАЛ В ДОНЕЦКЕ

Матчу команд СССР и Испании предшествовали определенные обстоятельства, не учитывать которые при подготовке к встрече было бы неверно.

Наши тренеры и теннисисты, кажется, довольно хорошо изучили эту команду. Задача была очень сложной — ведь советским мастерам предстояло бороться против Мануэла Орантеса. Чтобы читатели поняли, насколько силен был в ту пору этот мастер, напомним, что в 1975 году он занимал в мировой классификации второе место вслед за американцем Артуром Эшем, а в 1976-м — четвертое — выше его были только три игрока: Джимми Коннорс, Бьорн Борг и Илие Настасе.

При подготовке к матчу нужно было учитывать все наши возможности, в том числе и выбор корта. Тренеры, конечно, знали, что Орантес обладает хорошим резанным ударом слева с очень низким отскоком мяча и прекрасным укороченным ударом.

Решили играть на стадионе «Локомотив» в Донецке, где сделали соответствующее покрытие. Там теперь на кортах хотя и грунтовое, но очень жесткое, приближенное к бетону, покрытие — на нем высокий отскок.

Это была своеобразная домашняя «заготовка» под конкретных соперников.

Идея не самая оригинальная — хозяева неизменно выбирают мячи и такие корты, на которых местные теннисисты играют всего сильнее. Например, руководители команды Югославии в марте 1986 года предложили нам помериться силами на корте с таким искусственным покрытием, напоминающим наждачную бумагу, аналогов которому практически нет: единственное, кажется, исключение — корт в западногерманском городе Штраубинге. В октябре того же 1986 года команда Индии, с которой наша сборная проводила реклассификационный матч, соперничала с нами на травяных кортах, на которых советские мастера не играют,— в нашей стране нет ни одной площадки с таким покрытием.

Если проанализировать статистику матчей, сыгранных в Кубке Дэвиса разными сборными дома и на выезде, нетрудно будет подметить, что дома команды побеждают значительно чаще, нежели в гостях: право выбора покрытия и мячей — это уже 20 процентов успеха.

Одним словом, дома при более или менее равных силах хозяева практически всегда выигрывают.

Предложив жесткое покрытие, мы лишили Орантеса основных его козырей: и резаный мяч стал отскакивать высоко, и после укороченного удара затухающий мяч тоже имел достаточно высокий отскок, чтобы его можно было легко достать, как обычно посланный мяч.

Таким образом, мы в какой-то степени уравнивали возможности наших игроков с потенциалом опаснейших соперников.

Тренер. На предматчевой пресс-конференции присутствовало много журналистов из Испании. Среди многих других был задан и такой вопрос: как я, капитан советской сборной, расцениваю шансы испанской и своей команд в матче и какая встреча будет определяющей в этом поединке. Ответил, что, если судить по титулам и успехам игроков, шансы испанцев несколько выше, но наша ситуация не безнадежна.

Испанские журналисты считали, что Орантес побеждет в обоих поединках, но его партнер может проиграть свои встречи и потому все будет решать парная комбинация.

У меня было другое мнение, и хотя разговор проходил до матча, я все-таки набрался смелости и сказал, что, на мой взгляд, все решится в одиночных встречах и прежде всего в первом поединке.

Дело в том, что в первый день на корт вышли лидеры — Александр Метревели и Мануэль Орантес. Это был, бесспорно, гвоздь программы, центральная встреча, которой эффектнее всего было бы венчать матч. Но по жребию эта встреча стала первой и — решающей, предопределяющей дальнейший ход борьбы.

Поединок лидеров проходил по задуманному нами сценарию. Орантес, великолепный тактик, прежде всего игрок задней линии. Поэтому основные его успехи достигнуты на кортах с «медленным» покрытием. Метревели же считался универсальным игроком, склонным к комбинационным действиям.

Орантес с самого начала пытался навязать Метревели долгий розыгрыш мяча. Александр энергично стремился развязать эту паутину и вести матч за счет нестандартных действий.

Соперники выиграли по две партии, и наступила пора того незабываемого, кульминационного, пятого сета, помнить который я буду всю жизнь.

При счете 3:0 в пользу Орантеса ситуация казалась почти безнадежной.

Во время перехода я внимательно смотрел на соперников. Мне показалось, что у Орантеса что-то не в порядке. Что — не знаю, не понял, еще не почувствовал. Видимо, сказалась какая-то тренерская интуиция.

Метревели выглядел уставшим, донельзя утомленным. На мое замечание, что у Орантеса не все в порядке, Александр не отреагировал. Вероятно, решил, что я его успокаиваю. Что мои слова — наивная попытка

успокоить, подбодрить его. Выглядел Алик поникшим.

После перехода начался розыгрыш очка, а я мучительно искал, как повлиять на Метревели, что сказать ему, чтобы он встряхнулся, воспрял духом, поверил, что не все проиграно.

Неожиданно, по наитию нашел решение.

К счастью, тут же произошел эпизод, который позволил мне мгновенно провести свою идею в жизнь.

Орантес искусно укоротил мяч, но Метревели достал его и попытался обвести соперника. Однако Мануэль не двинулся с места: он угадал направление полета мяча и выиграл очко. Метревели, проиграв обидный мяч, посмотрел в мою сторону: искал сочувствия. Но ответный мой взгляд не поймал — я не отрываясь смотрел на Орантеса, периферическим зрением наблюдая за Метревели. Алик заметил, что я буквально уставился на его соперника. Краем глаза увидел, что Метревели снова взглянул на меня. Он увидел, что я по-прежнему не отвожу глаз от Орантеса. Озадаченный, Алик тоже взглянул на него и вдруг воскликнул:

— Да он же совсем готов!..

И впечатление, что соперник устал еще больше, как бы влило в него новые силы: Александр поверил, что Орантес и вправду плох, и эта вера заставила его двигаться — нужно потерпеть еще чуть-чуть, и соперник «развалится».

Счет, однако, стал 0:4. Но при этом счете у Орантеса действительно свело левую руку, а он ведь левша. Преимущество моментально перешло к нашему спортсмену. Казалось, за его плечами нет четырех с половиной изнурительных сетов. Метревели начал играть, передвигаясь по корту так энергично, что создавалось впечатление, будто он только что вышел на разминку. Движения его стали быстрыми, острыми, направленными, и он, проигрывая 0:4, сумел выиграть шесть гей-

мов подряд, смог победить великого Орантеса в пятой партии со счетом 6:4.

Таким образом наша команда повела 1:0, и это был триумф нашего тенниса, награда ему за стойкость и мужество.

В следующей встрече психологически подавленный неудачей своего лидера молодой Муньос не мог оказать серьезного сопротивления Теймуразу Каулия, и наш спортсмен выиграл в трех сетах.

Команда СССР повела 2:0.

Самое удивительное мое открытие состояло в дни матча в том, что психологическое состояние спортсмена — душевная его подавленность, угнетенность или, напротив, подъем могут менять игру теннисиста неизвестно. Игрок может быть в одном матче, но в разные часы решительно не похож на самого себя.

Мы все считали, что Метревели без труда одержит победу и в третий день матча над вторым испанским игроком. И были ужасно удивлены, когда увидели, что Муньос против Каулия играл крайне слабо действительно только по причинам лишь психологического порядка. Против лидера команды СССР боролся иной, незнакомый нам теннисист. А поскольку Орантес и Хисберт выиграли пару у наших теннисистов, то этот успех соотечественников ободряюще подействовал и на Муньоса. Но класс Метревели был выше, он переломил ход игры и в конце концов выиграл, обеспечив победу сборной СССР.

Общий счет матча 4:1 в нашу пользу.

Это едва ли не лучший матч в Кубке Дэвиса за всю мою практику: зрелищно и эмоционально, по содержанию игры он, пожалуй, уступает только встрече с аргентинцами в Буэнос-Айресе.

Таким образом, наша команда вышла в финал европейской зоны, где ее соперником должна была стать команда Венгрии.

ФИНАЛ ЗОНЫ В ТБИЛИСИ

И вот любопытный штрих, показывающий, насколько высока цена Кубка Дэвиса и насколько серьезно отношение спортсменов к этим соревнованиям.

Матч с командой Венгрии должен был состояться сразу же после чемпионата Европы, в котором принимали участие и наши игроки, и венгерские. Зная, что матч будет проходить в Тбилиси, венгры проиграли свои поединки в первом или втором круге европейского чемпионата: решили быстрее попасть на корты в столицу Грузии, чтобы привыкнуть к ним, освоиться на них. Чтобы лучше подготовиться к столь ответственному матчу.

Чемпионат континента проходил тогда в Чехословакии, наши теннисисты выступили успешно, выиграли и командное первенство, и одиночные соревнования, а в Тбилиси приехали за несколько дней до встречи с венграми — значительно позже, чем соперники.

Матч прошел в тяжелой борьбе, но советские мастера выиграли с убедительным счетом 4:1 и во второй раз попали в четверку сильнейших команд мира.

Как бы сложилась наша турнирная судьба дальше, говорить не берусь: полуфинал мы играть не хотели — не имели права, ибо по жребию нам досталась команда страны, с которой советские спортсмены никаких связей иметь не могли: в Чили пришел к власти фашистский режим Пиночета.

1974-й и 1976 годы — «час пик» в истории мужской сборной страны по теннису: наша команда приобрела и опыт, и весомый международный авторитет, и тактические и стратегические навыки борьбы. В обоих случаях советские теннисисты были в числе четырех сильнейших команд мира. Самое интересное — мы достигли этих результатов в принципе в том же, прежнем составе, хотя некоторые специалисты тогда не просто поговаривали об утративших класс ветеранах, но едва ли не

вслух требовали обновления команды, замены ветеранов молодыми игроками.

Благодарен мастерам, которые участвовали в тех сериях матчей Кубка Дэвиса,— Александру Метревели, Теймуразу Кацулия, Владимиру Короткову, Анатолию Волкову, Константину Пугаеву и Вадиму Борисову. Благодарен им за то, что приняли они начинающего тренера, помогли ему, как могли.

ИМЕНА В ИСТОРИИ СОВЕТСКОГО ТЕННИСА

Тренер. Характер в спорте, в теннисе в частности, играет немаловажную роль. Что представляли собой Борисов и Пугаев в те годы, когда я работал с ними?

Неординарные личности. Яркие, самобытные натуры, ни в чем друг с другом не схожие. Очень сильные теннисисты, и если я рассказываю об их уязвимых местах, слабостях, то только потому, что игроки заслужили право быть оцениваемыми по самым строгим критериям.

Вадим Борисов в жизни, за пределами корта, мягкий и добрый человек, в какой-то степени даже жалостливый. Психика его очень подвижна, ее отличает быстрая смена процессов возбуждения и торможения, и это по-своему проявляется в игре, в деле: Вадим как теннисист был силен в диалогах короткого плана, где важна скротечная, быстрая перестрелка. Здесь Борисов — король. А вот в перспективном понимании игры, в стратегии матча, в предвидении того, как может сложиться борьба в последнем сете, он гораздо слабее. Игрок ситуации, игрок настроения, во внутреннем, психологическом плане Вадим по манере игры схож с таким известным мастером, как румын Илие Настасе.

Основной же недостаток Борисова заключался в том, что в силу особенностей своей психики, в силу характера он не мог профессионально, глубоко осваивать большие тренировочные нагрузки и объемы. Вадим не то что не любил, просто не выносил какой-либо монотонности,

а монотонность, давайте признаем, все-таки в какой-то степени неизбежна: зубрежка, «дрилинг», как говорят англичане, необходима не только при освоении иностранного языка, но и при закреплении технических навыков теннисистом. Борисов же по характеру — игрок, он любил играть не только в ходе матча, но и в ходе тренировки. И потому часто страдал от того, что, увлекаясь, переигрывал сам себя.

К сожалению, он не умел анализировать случившееся, трезво оценивать соотношение сил. Помню его давнюю тираду, обращенную к Метревели. Разговор происходил в Индии, в 1974 году. Наша команда проводила там матч Кубка Дэвиса. После игры мы ехали в гостиницу в такси, и Вадим, обращаясь к Александру, сказал покровительно:

— Ты ничего сегодня играл. Пожалуй, в этом году я тебя не обыграю. В следующем...

Счастье Борисова, что я сидел между ним и Метревели.

Другая история. Советские теннисисты участвовали в соревнованиях WTT (Мировой командный теннис). Игры проходили по непривычной формуле: каждый матч состоял из пяти сетов. Две одиночные партии — по одной у мужчин и женщин, две парные комбинации и микст. Победитель определялся по сумме геймов, выигранных за эти пять сетов.

Мы выиграли свою встречу, и в следующем туре нам предстояла встреча с командой Кливленда, в составе которой в те дни выступал знаменитый швед Бьорн Борг. До этого Борисов уже проиграл ему в предыдущем матче наших команд 3:6. Вадим уговаривал меня поставить его на игру, доказывая, что теперь он обязательно выиграет. Константин Пугаев полагал, что шансы у него на успех еще большие, а вот мудрые ветераны команды Александр Метревели и Теймураз Какулия помалкивали: они-то знали силу шведа.

Утром в день матча Пугаев исчез: он прятался где-то

за моей спиной, опасаясь, вероятно, что я вспомню о его желании обыграть Борга. Борисов же по-прежнему настаивал на своем — яростно доказывая, что он обязательно победит. Поскольку мы выиграли матч и эта встреча уже не имела значения, решили поставить Борисова: пусть верно оценит Борга, поймет, насколько разный у них уровень класса.

Предупредили, правда, Вадима:

— Борг — единственный из этой лиги, кто знает тебя, твои слабости, плохой удар справа... Он использует давление под правую руку, поскольку соображает здорово. Берегись. Он может легко обыграть тебя...

Борисов заупрямился:

— Нет, я его знаю и обыграю...

Борисов выходит против Борга, получает 0:6 и, когда я прихожу в раздевалку, он, потрясенный, сидит, схватившись за голову.

Метревели ему говорит:

— Тебе же объяснили, что он единственный, кто знает твои «дыры»...

Борисов, помолчав, сокрушенно заметил:

— Надо же, свой матч проиграл...

Отсутствие чувства реальности не могло не озадачивать даже тех, кто уже хорошо знал Вадима.

Борисов утверждал, что он не выиграл ни разу чемпионат страны в одиночном разряде только потому, что он не может играть в слабых по составу турнирах. Ни разу, повторяю, не выиграл — и тем не менее убежден был, что первенство СССР не для него: соперников, равных ему, нет.

Часто вспоминаю Вадима и сегодня — очень сильного мастера и необычную личность.

Константин Пугаев — человек другого плана. Главное достоинство этого спортсмена заключается в том, что он представляет классический теннис, у него хорошая школа, добротная выучка. И еще один весомый аргумент

в «дискуссиях» с соперниками — у Константина мощнейшая первая подача.

Он хорошо сложен, атлетичен, подвижен, и все эти качества позволили ему достичь весьма высоких результатов.

С точки зрения психологических оценок Пугаев — прямая противоположность Борисова. Он никак не лидер. Более склонен к пунктуальному исполнению заданий, чем к импровизации. Но работать через «не могу» не умел. Тренировался только из-под палки. К достижению результата за счет выдумки, поиска он, пожалуй, не стремился. Или у него не получалось? Первоначина такого отношения к теннису заключалась в том, что Пугаев — человек, в общем, нерешительный, сомневающийся и колеблющийся, причем эта нерешительность проявляется не только на корте, но и за его пределами, в жизни.

Говоря о портрете человека, теннисисты обычно предлагаю: покажи мне его игру, и тогда я скажу вам, что это за человек. Размышляя о характере Пугаева, можно сделать вывод: он из числа тех людей, которые в трудных ситуациях ищут оправдания и обычно находят его: в чем угодно, но только не в своих промахах и ошибках, неверных оценках или действиях. Такая склонность к самооправданию, граничащая с самообманом, характерна чаще всего для лидеров, ярких личностей, которые любят вести игру, командовать, управлять товарищами. Пугаев, повторяю, не лидер, но и он в тяжелых ситуациях начинает искать виновных, сваливать ошибки на кого-то другого, относить их на счет каких-то побочных факторов. И это зачастую вызывает обратную, более жесткую реакцию и тренеров, и — особенно — игроков, которые никак, естественно, не хотят становиться козлами отпущения.

Александр Зверев, как и Вадим Борисов, настоящий боец. Исключительно упорен. Увы, обладает и заметными техническими погрешностями.

Внешнее впечатление во многом ошибочно, если речь идет об этом теннисисте. Зверев не обладает ни взрывным характером и стартовой скоростью, ни реактивной быстротой и мгновенной реакцией, и оттого-то у людей, его не знающих, возникает впечатление, что Александр играет вполсилы или вообще не хочет играть. У него нет, к сожалению, стартового рывка, и потому нельзя утверждать, что он сегодня, в этом вот сете, его утратил, поскольку, мол, устал. У Александра этих достоинств не было и в начале поединка. Он всегда действует на корте как бы нехотя, не особенно спешая.

Внешность часто обманчива, про таких, как Зверев, говорят, что он при ходьбе ногами землю цепляет. Борисов сорвался с места и не достал мяч — всем все понятно: его переиграли. А вот Зверев не достал, значит, вроде бы и не хотел достать, не бежал, не боролся за мяч. На самом же деле это не так. Зверев очень пластичен, даже тягуч, и потому далеко не всегда бросаются в глаза его усилия.

И если Александр уступает сопернику уже в начале матча, то у дилетантов это рождает возмущение: игрок сборной СССР не хочет играть. Впрочем, не только у дилетантов. Но и у специалистов, призванных, кажется, знать Зверева как самого себя.

Однажды его тренер, заметно нервничая из-за неудачи своего подопечного, сделал Саше замечание, что он не борется, выглядит на площадке вялым и ленивым. Потом повысил голос:

— Так нельзя продолжать... Давай, резче играй, сильнее бей...

Саша человек умный. Теннис понимает хорошо, знает свои слабости и старается от них избавиться, возможности собственные оценивает трезво. За словом при нужде в карман не лезет. И он ответил тренеру:

— Если вы хотите, чтобы я быстрее проиграл, я начну сейчас бить резко и сильно...

Сергей Леонюк, постоянный партнер Зверева, в середине 80-х стал одним из ведущих советских теннисистов. Успешно сыграл он и в нескольких международных турнирах.

Сергей не очень заметен на корте, поскольку не отличается высокими скоростями и могучими ударами. Но в любой ситуации он посыпает мяч туда, куда надо. Он подает, уповая не на силу, а на точность удара. Если ему скажешь, как и куда послать мяч, можешь быть уверен, что он сумеет выполнить указание тренера.

Сергей Леонюк играет неплохо, но поскольку он так и не успел приобрести опыта, то теряется в трудных ситуациях. Отсутствие разнообразия, стереотип навыков стали для него оковами. Когда мы собирались ехать осенью 1986 года в Индию и определяли состав команды, то с изумлением осознали, что Сергей ни разу(!) в жизни не играл на травяных кортах.

Сергей покладист, терпим к слабостям друзей и партнеров, умеет понимать их и прощать. Не обнаруживает своих эмоций. И тем самым не дает никому возможности конфликтовать с ним.

Мобилен в психологическом плане. В паре сыграл практически со всеми нашими явными лидерами. Они могли быть довольны или недовольны Сергеем, но Леонюк спокойно и уверенно делал и делает свое дело и потому стал, несомненно, сильнейшим нашим парным игроком. Особенно хорош он в подыгрыше.

Сегодня Леонюк может сыграться с любым, самым капризным партнером, хотя по натуре он (я-то знаю!) тоже лидер, но скрытый, не явный. При необходимости этот теннисист становится даже официальным руководителем делегации, благо и английским языком владеет свободно. Организатор Сергей хороший, да и человек обязательный, скромный.

А был, помню, и иным. Вспоминаю историю знакомства с ним. Сергею было 14 лет, и мне, новому тренеру

сборной, коллеги порекомендовали обратить внимание на одаренного юношу.

Я подошел к нему и предложил сыграть.

Сергей оценивающе посмотрел на меня и ответил:

— Неинтересно будет, я легко вас обыграю... Попишите другого партнера...

Проиграл он, конечно, всухую: тогда, в 1974-м, я был в хорошей форме.

Сергей умеет учиться. С тех пор ни разу не слышал от него пренебрежительных высказываний о ком-либо: ко всем соперникам относится серьезно.

Потому, думаю, и вырос в классного мастера.

СОВЕТЫ

Прием подачи

Журналист. Когда я впервые попал на урок к тренеру, который обычно занимается со школьниками, делающими первые шаги в теннисе, он заметил:

— Для значительного числа начинающих, если им скорее под пятьдесят, чем за сорок, теннис так и останется довольно своеобразной игрой — «игрой подач»: те, кто поздно начинает, вероятно, уже не освоят все его богатства и разнообразие. Хотя они будут играть с удовольствием, будут ждать среды или воскресенья, когда можно выйти на корт. И все-таки теннис для них сведется в основном к подаче и приему подачи. К переброске мяча. Главное, чем они овладеют, — умение держать мяч в игре. И тем не менее будут благодарны теннису. За возможность движения, за азарт... За душевную свежесть...

Помню хорошо предупреждение Валентина Петровича Слюсаренко. Я познакомился с этим тренером случайно, когда пытался разобраться с положением детского тенниса,— Валентин Петрович работает с детьми, и именно он дал мне несколько начальных уроков игры.

Я приходил к нему на корт поздно вечером, когда дети разъезжались по домам.

И я, знакомый с оценками Валентина Петровича, конечно, тотчас же обратил внимание в фильме «Игроки» на наставление, с которым обращается Панчо Гонзалес к своему ученику Крису Кристенсену: «Подача — твой самый главный удар!»

Подача и прием подачи — азы игры. Не освоив их, невозможно начать саму игру, а следовательно, держать мяч в игре, и потому в этой книге уделено им столь большое внимание...

Итак, прислушайтесь к рекомендациям специалистов, касающимся подачи и приема подачи.

Прием подачи — один из труднейших ударов в теннисе. Он представляет противоположность удару при подаче, прежде всего потому, что очень часто — это защитный удар. Хотя для игроков мирового класса прием подачи представляет собой еще и возможность создать трудности для соперника.

При приеме подачи очень важно принять положение готовности. После определенного времени занятий теннисом игрок становится в это положение почти инстинктивно.

Несколько советов.

Еще раз обращаем внимание, что вся эта часть книги обращена к новичкам. У мастеров есть разные, более сложные варианты действий.

Готовясь к приему подачи, стойте за задней линией лицом к сетке. Ноги врозь, ступни почти параллельны плечам. Самое важное сейчас — равновесие тела. Колени слегка согнуты, вес тела приходится на носочки: нельзя стоять на полной ступне.

Ракетка «нацелена» на сетку, правая рука легко держит рукоятку, а левая поддерживает ракетку у горловины. Головка ракетки чуть выше вашей кисти.

Чтобы правильно переносить вес тела и вкладывать в удар силу, важна умелая работа ног, а ключ к ней — движение вперед на мяч. Только так можно заставить тело участвовать в ударе. Левую ногу выносите вперед при ударе справа, правую — при ударе слева. Но это движение «на мяч» возможно только в том случае, если у вас есть время. И еще. Первое это движение лучше всего начинать с правой ноги, если мяч справа от вас, и левой — если слева.

Правильная работа ног при ударе справа подразумевает такое положение левой ступни, при котором она направлена вперед под углом 45 градусов. Колени пружинят. Упор — на правую ступню. А теннисист должен быть готов при замахе перекинуть вес тела на левую ступню. Самый идеальный синхронизированный удар — это удар в момент перемещения веса тела. Даже если вам приходится отбегать назад для того, чтобы достать мяч, устремляйте вес тела вперед.

Когда игрок идет на мяч, в основном работают его ноги. Ракетку теннисист держит в положении готовности.

И еще два важных правила. Первое: ожидать подачи, стоя лицом к сетке, тело — почти параллельно ей. Второе правило: бить по мячу, насколько возможно повернувшись боком (бедром и плечом) к сетке. Кстати, это правило касается всех ударов: подачи, приема, удара с отскока, свечи, смеша.

А чтобы не опоздать к мячу, вес тела должен приходить на подушечки ступней: быстрота старта к мячу, готовность к движению вперед (при сохранении равновесия) достигается лучше всего, если стоять на носках.

Первое, о чем следует подумать при приеме подачи, — где находится, чтобы была одинаковая возможность принимать слева и справа.

Есть стандартное положение для приема подачи, ко-

торым пользуются игроки: сразу за задней линией, примерно в 15 сантиметрах слева от боковой линии для одиночной игры, когда принимаешь на левой половине площадки. Это не оставляет противнику преимуществ в подаче влево и вправо, поскольку вы сохраняете за собой возможность одинаково успешно принять и тот, и другой мяч. И все же, для успеха в приеме будьте внимательны к точке, с которой ваш противник подает. Затем встаньте так, чтобы мысленно прочертить линию от его точки до своей, и эта линия разделит пополам ближайший к вам квадрат.

Против очень мощной подачи старайтесь стоять в 40-50 сантиметрах за задней линией. Это дает какое-то дополнительное время для подготовки к приему мяча. Трезво оценивайте свои возможности — реакцию, скорость передвижения по корту.

Против слабой подачи, второй подачи или подачи с высоким отскоком мяча (сильная верхняя подкрутка) имеет смысл выдвинуться вперед. Это даст вам возможность сыграть быстрее, тем самым уменьшая возможности противника. Это также позволит встретить мяч по восходящей траектории, а не когда он снижается после отскока. И, наконец, из-за того, что вы будете на несколько сантиметров ближе к сетке, слегка увеличится угол атаки и тем самым вероятность успеха для приема кроссом.

Прием подачи — единственный момент, когда игроки могут спокойно, без помех, подготовиться к атаке. Присев и чуть наклонив тело вперед, вы получаете возможность прыгнуть вперед или назад, как то диктует ситуация. Это положение также дает большие возможности нацелиться на мяч, что особенно важно при приеме «вращающегося» мяча, поскольку здесь от игрока требуется умение рассчитать скорость и объем подкрутки. Более низкий центр тяжести, в свою очередь, создает лучший баланс тела. Чем лучше равновесие тела, тем лучше ваша «база», тем лучше вы сможете принять быструю и

сильную подачу, во всяком случае, значительно лучше, чем стоя прямо.

Поддерживание ракетки у горловины левой рукой важно во многих отношениях. Особенно существенно это при приеме подачи, когда на вас идет быстрый мяч, и отвести назад ракетку двумя руками намного легче, чем делать это одной правой рукой. Кроме того, придерживая ракетку, вы левой рукой чувствуете плоский край горловины, что помогает удерживать правильно направленную плоскость головки, то есть держать ее слегка открытой, «лицом» слегка вверх.

Придерживая ракетку при отведении ее назад левой рукой, вы правильнее поворачиваете и плечи. При приеме подачи это опять-таки очень важно, поскольку у вас не всегда есть время повернуть ступни и противовес, создаваемый за счет поворота плеч, очень помогает.

Для принимающего подачу чрезвычайно важно, что называется, не спускать глаз с мяча. Некоторые предлагаю, чтобы принимающий пытался как бы рассмотреть булавочную дырочку в центре приближающегося мяча. Не такая уж бредовая идея: это заставляет принимающего предельно концентрироваться на приеме, а не на механике движения противника.

Не отвлекайтесь и не отводите глаза от «заданной» точки ни на долю секунды. Если противник рвется к сетке, вы все равно будете знать об этом и сможете во время попытаться послать мяч мимо него с любой стороны, бросить мяч прямо в ноги сопернику (этот мяч ему придется «выковыривать» из-под ног ударом с лета) или можете перекинуть через него свечу.

Если же противник не рвется к сетке, лучшим ударом скорее всего будет глубокий мяч. Если ваша излюбленная тактика — игра у сетки, то, прежде чем самому выйти к сетке, надо убедиться, что вы уже соприкоснулись с мячом. Другими словами, необходимо вначале исполнить удар, не скомкав движения.

Азы парной игры

Теннис не знает возрастных границ, и авторы надеются, что книгой заинтересуются и не очень молодые читатели, и те, кто давно, лет эдак сорок-пятьдесят назад, увлекся теннисом, и те, кто делает в этой игре лишь первые свои шаги.

Когда вам за пятьдесят или около семидесяти, то обычно вашими партнерами становятся ваши ровесники, вместе с которыми вы чаще всего и выходите на корт. Вероятно, это оправданно в немолодом возрасте — отдавать предпочтение игре не один на один, а парам. Нагрузки в таком случае переносятся легче, есть возможность небольшой передышки, да и помочь партнера не кажется лишней, если вы — новичок, если играете в теннис, далекий от тенниса Андрея Чеснокова или Бориса Беккера.

То, что по силам двадцатилетним, не по плечу, конечно же, теннисистам, стаж игры которых приближается к полувеку.

И потому предлагаем обратить внимание на несколько рекомендаций, высказанных одним из крупнейших специалистов чехословацкого тенниса Идржихом Гемом в его книге «Всемирный теннис».

Парная игра содержит великое множество тактических и позиционных принципов. Однако попытаемся все же выделить главное. Это прежде всего позиция теннисистов на площадке, их перемещения по корту, наиболее целесообразные удары и взаимодействие партнеров.

В первую очередь определим задачи каждого из игроков в исходном положении и сразу после начала обмена ударами.

Подавший:

занимает исходную позицию в 1—2 метрах от средней линии;

подает мяч как можно глубже, по возможности под более слабую руку соперника. Первый мяч обыкновенно не бывает пушечным, а подается с таким расчетом, чтобы подающий вовремя вышел к сетке. Для парной игры целесообразно выполнить надежную подачу, вложив в мяч три четверти возможной скорости, что обеспечит попадание 90 процентов первых мячей;

быстро выходит к сетке и первый удар с лета направляет в ноги принимающего. Если соперник, отразивший подачу, еще не вышел к линии подачи, то удар с лета должен быть глубоким. Если же он успел продвинуться вперед, удар с лета должен быть нацеленным, например, в ноги. Последующий ответ противника необходимо ждать у самой сетки, чтобы нанести завершающий удар;

удар с лета часто выгодно наносить по центру — это лучший способ заработать очко. Если оба противника сгруппировались у средней линии, можно, конечно, направить удар с лета к боковой линии. Легкий мяч, опустившийся рядом с игроком у сетки, следует без колебаний резким ударом направлять куда угодно, можно и в корпус противника. Отношение к легкому мячу должно быть бескомпромиссным.

Партнер подающего:

должен выбрать такую позицию, чтобы его не обвел ударом вдоль линии или «свечой» и чтобы он мог сам эффективно ответить на любой возврат подачи в зоне его досягаемости;

перехватывает «свечу», пущенную не только через него, но и за спину подававшего партнера, который быстро выбегает к сетке.

Сыгравшие пары могут применять австрийскую позицию (то есть располагаться тандемом, один игрок за другим) и сигналы, при помощи которых партнер подающего перед введением мяча в игру предупреждает

товарища, что сразу после подачи пойдет на перехват мяча.

Принимающий подачу:

должен ответить прежде всего так, чтобы мяч не достал партнер подающего. Принимает мяч низким ударом, нацеленным в ноги подающего. Прием подачи проводит быстро с отскока. Он должен избегать шаблонных, заранее ожидаемых противником ударов. Самые эффективные виды ответов — это низкий косой удар, укороченный удар, когда мяч падает сразу за сеткой в ноги набегающему противнику и сильный удар с верхней подкруткой;

время от времени посыпает «свечу» за спину партнера подающего или обводит его вдоль линии, чтобы ослабить его агрессивность. Удачная «свеча» моментально изменяет обстановку на корте, превращает обороняющуюся пару в атакующую.

Партнер игрока, принимающего подачу:

занимает позицию в центре площадки у линии подачи. Эту позицию он может в любой момент (в зависимости от обстоятельств) покинуть. По тому, каким способом противник произвел подачу и как ее отразил, стараются определить направление первого удара с воздуха. Должен уметь решительно, без колебаний ответить на удар с лета, если он получился у соперника слабым.

Говорят, что теннис — игра одиночек. Это неверно. Неверно даже в том случае, когда проходят соревнования в одиночном разряде. И тем более неверно, если речь идет о парных матчах или о миксте.

Специалисты напоминают: парная игра — командное соревнование, и ее результат делится пополам.

Индржих Гем утверждает, что тактику парной игры легче освоить, если вы — контактная личность и умеете находить общий язык с людьми. Если у вас нет этих качеств, все равно играйте, постигайте принципы парной

игры, и вы познаете радость общения с партнером на площадке.

Теннис воспитывает, как и любой другой вид спорта, и плоды этого воспитания станут очевидны, пусть и не сразу.

Партнер, который лучше подает, советует Гем, должен делать это первым в каждом сете. Левше удобнее, как правило, играть на правой стороне площадки, так как при перемене позиции у сетки он может успешно сыграть слева от себя.

Теннис — командная игра, и если вы хотите добиться успеха в парной игре, старайтесь найти партнера, который подходил бы вам во всех отношениях. При выборе партнера вы должны хорошо взвесить, будет ли сочетаться манера его игры с вашей и совместимы ли вы психологически, будете ли вы на площадке составлять друг с другом единое целое. Подумайте, на какой стороне площадки у вас лучше получается игра — на левой или на правой, и решите, будет ли игра вашей пары эффективна в этом случае. Если у вас склонность к темповой игре и вы умеете хорошо заканчивать розыгрыш мяча, отдавайте предпочтение партнеру, который может вывести вас на завершающий удар.

Взаимопонимание исключает ситуации, когда один из партнеров упрекает другого в слабой игре или укоряет за испорченный мяч. Партнера нужно поддерживать, вселять в него бодрость. Вам это воздастся сторицей, и, может быть, уже в том матче, в котором вы участвуете в данный момент. Не делайте огорченного лица и не вздыхайте, если партнер промахнется. Помогайте своему коллеге в любой обстановке, при любом обороте событий.

И тем более верны эти рассуждения, тем более внимательно нужно прислушиваться к этим советам, если вы — теннисист начинающий и, стало быть, ошибающийся в игре чаще, чём вам хотелось бы.

Мнение чемпионов

В книгу выдающегося мастера Роднея Лэйвера, единственного в мире двукратного обладателя символического приза «Большой Шлем», в книгу, написанную им совместно с журналистом Бадом Коллинзом, включены 24 урока. Один из них посвящен приему подачи.

Вот что советует знаменитый чемпион.

Главное — это сосредоточиться на том, чтобы принять подачу, направив мяч через сетку. Сделав это, вы тем самым окажете давление на своего соперника — подающего. При приеме мощной и быстрой подачи нужно только подставить ракетку, как бы блокируя удар.

При второй подаче нужно выдвинуться немного вперед и постараться выполнить сильный удар. Многие стоят слишком далеко в ожидании подачи соперника. Вы можете попытаться нанести удар и по восходящему мячу.

Панcho Сегура, как и большинство хороших игроков, выдвигался немного вперед при приеме второй подачи соперника, причем часто он начинал свое передвижение тогда, когда его соперник только подбрасывал мяч для выполнения подачи. «Этим движением я хочу отвлечь внимание подающего, и возможно, он допустит двойную ошибку», — говорит Панcho.

Главное — подготовиться к приему мяча. Как только вы определили направление полета мяча (под вашу левую или правую руку), отведите руку с ракеткой назад. Многие опаздывают сделать замах. Помните: подготовку к приему мяча следует начинать, как только ваш соперник подбросил мяч для подачи!

Даже не вполне удачный прием подачи представляет сложность для подающего. Стоит вам перебить мяч через сетку — и вы получите не меньший, чем у подающего, шанс на выигрыш очка. Страйтесь направлять мяч низ-

ко над сеткой, особенно если противник выходит после подачи к сетке. Используйте свечу в том случае, если соперник оказался близко у сетки. Это поставит его в затруднительное положение. Постарайтесь принять подачу соперника. В противном случае вы лишь укрепите его уверенность в своих силах.

Поэтому главное для вас при приеме подачи — перебить мяч через сетку любым способом.

ДЕНЬ ЧЕТВЕРТЫЙ

Буэнос-Айрес

Журналист. В четвертый, дополнительный день матча, в понедельник, проходят заключительные игры.

Около 11 утра на корт выходят Хайте и Зверев. Хайте выигрывает 3:1. В действиях Александра сквозит усталость: он играет четвертый день подряд. А Хайте в этот день хорош. Его удары сильны, точны, коварны.

ДВА МАТЧА В ОДНОМ

При общем счете матча 2:2 начинается пятый, решающий поединок.

Чесноков играет с Клерком.

Утром во вторник команда улетает: из Буэнос-Айреса Аэрофлот выполняет один рейс в неделю. В семь часов здесь темнеет. Сейчас без двадцати три. Хватит ли четырех с лишним часов?

В первом сете Клерк выигрывает, не оставляя Андрею никаких шансов,— 6:2. Во втором превосходство Клерка еще более очевидно — 6:1. Клерку до победы, а Чеснокову и сборной СССР до поражения, а стало быть, и прощания с высшей лигой Кубка Дэвиса,— один сет.

Кажется, мы успеваем к рейсу.

Начинается третий сет.

И вдруг зрители видят на корте совершенно неожиданную картину. Видят другого Чеснокова, ничуть не похожего на того, который играл здесь же всего несколько минут назад. Видят иной теннис, и как не похож футбол в исполнении первоклассных команд на футбол мальчишек, оспаривающих, скажем, призы клуба «Кожаный мяч», так не были похожи и те два разных тенниса, ко-

торые увидели мы в этом поединке на Центральном корте популярнейшего в Буэнос-Айресе теннисного клуба.

Тот же матч — и другой.

В сущности, два разных матча в одном. Еще одна лекция о месте и значении тактики в теннисе. И о роли тренера в тех матчах, когда по условиям соревнований наставнику разрешено находиться рядом с теннисистом.

На пресс-конференции, о которой я вспоминал, Клерк говорил, что аргентинцам надо заменить капитана команды. Мол, когда он, Клерк, был на корте и не знал, как противостоять сопернику, не видел, в чем его слабые места, он спросил у тренера, что же ему делать, а тот ответил: «Бей сильнее!» — «Но я и так бил,— сказал Клерк,— изо всей силы, так сильно, как только мог...»

Но вернемся на корт, где Чесноков проводит третий сет против Клерка. Заметно уступавший сопернику в первых двух партиях, советский теннисист сейчас неузнаваем. Напряженная борьба идет за каждый мяч.

Один из геймов, а в каждом гейме нужно выиграть, напомню, всего-то четыре мяча, продолжается 13 минут. Если память не изменяет, восемь раз было «ровно», восемь раз «больше» в пользу одного из соперников. Мог одним ударом выиграть Клерк, мог, и тоже одним ударом, решить исход гейма Чесноков.

Игра менялась на глазах. Все более энергичен, опасен, удачивлив Чесноков. Все чаще уступает ему соперник.

Андрей выигрывает третий сет.

Перед матчем мы условились, что в таких ситуациях теннисисты будут уходить с корта, чтобы отдохнуть: договорились, что примерно 10 минут игрок может провести в раздевалке и 5 минут ему отводят на то, чтобы добраться с корта до раздевалки, а затем обратно.

Я спустился в комнаты нашей команды. Андрей сидел понурый, донельзя огорченный, но, как вскоре я понял, не потому, что не верил в свои силы или боялся проиграть, а оттого, что казнил себя за ошибки.

Увидев меня, сказал:

— Видите, какая ерунда вышла. Почему я начал спешить? Куда, зачем торопился?.. Хотел перебегать... Хорошо, Шамиль Анвярович подсказывал, в чем ошибаюсь. Вижу теперь, что играл неправильно...

После продолжительной паузы повторил сокрушенно:

— Ну кто меня заставил все это делать?..

Тем временем Тарпищев спокойно и с улыбкой, хотя и у него самого температура была в те часы под 39, втолковывал Чеснокову, что тому следует делать в четвертом и пятом сетах: тренер ни на минуту не усомнился, что пятый сет непременно потребуется...

Тренер. Матч — это картина, воссоздающая образ человека со всеми его достоинствами и недостатками. Напряженная, упорная схватка на корте — психологический портрет теннисиста. Характер, внутренняя сущность человека для меня в такие мгновения предельно обнажены. Тактика игры — отражение пристрастий человека, его психологии, выражение того, к чему он предрасположен в спорте. А психология, в свою очередь, зависит от тактики, выбираемой спортсменом и определяемой во многом технической оснащенностью теннисиста, уровнем его физической, функциональной готовности...

Журналист. Перерыв подходит к концу, и Чесноков внимательно слушает тренера.

Конечно же, я не думаю, что наш лидер опасался Клерка. Вообще я не верю, что Чесноков может бояться кого-либо из соперников. Он способен спокойно, без каких-либо психологических издержек соперничать с кем угодно, скажем, с Иваном Лендлом, Джоном Макинроем или Борисом Беккером. Разумеется, я далек от утверждения, что Андрей готов переиграть любого из этих асов, но вместе с тем совершенно уверен, что Чеснокова не смутит громкое имя. С тем же Беккером, например, Андрей играл летом 1986 года в Лондоне на травяных, непривычных ему кортах и уступил в равной практически борьбе, а в конце года на турнире в ФРГ Чесноков сумел обыграть этого знаменитого теннисиста.

Четвертый сет Чесноков выиграл — 6:4. О том, насколько напряженной была схватка, говорит и время, потраченное на этот сет,— почти девяносто минут. Один из геймов был едва ли не рекордным в истории Кубка Дэвиса — 23 минуты.

Игра затянулась, и когда сет закончился, подкрались сумерки. Играть стало уже невозможно. Матч перенесли на завтра. На пятый игровой день.

Когда мы выходили из центральной ложи, ко мне подошел президент Ассоциации тенниса Аргентины Хуан Хосе Вассес:

— Вы знаете, Клерка спасла только темнота, только ночь... У него уже ватные ноги. Он больше не может двигаться...

Едва мы распрошались с президентом, меня остановил коллега, полноватый моложавый журналист, признанный, кажется, авторитет в мире аргентинского тенниса. Накануне матча он снисходительно улыбнулся, когда я сказал ему, что наша команда может проиграть 2:3, но при этом окажет серьезное сопротивление хояевам.

Поздравив с успешным выступлением советских теннисистов, он, возбужденный, саркастически улыбающийся, с изумлением и возмущением воскликнул:

— Я не знал, что у вас такая могучая команда. Наше телевидение тоже этого не знало. Не знала публика. Но неужели деятели из ассоциации считали, что русские приедут с квадратными ракетками? Неужели и они не ориентировались, что происходит в вашем теннисе?..

Утром, во вторник, в 8.30, надо быть в аэропорту.

Утром, во вторник, в 11, доигрывается матч.

НУЖЕН ЛИ КОМАНДЕ ПСИХОЛОГ?

Журналист. Много и охотно спорят тренеры насчет того, нужен ли в команде психолог. Например, известнейший наш специалист хоккея Анатолий Владимирович Та-

расов твердо убежден, что такой человек спортсменам не нужен — по крайней мере, в его команде. Что он будет делать? — спрашивал Тарасов. И отвечал: только я, тренер, работающий со спортсменами изо дня в день, в матчах и на тренировках, знаю их настолько хорошо, чтобы судить, кому и какая требуется помочь, как разумнее всего тому или другому игроку внутренне настраиваться на матч.

Тренер. Я придерживаюсь иной точки зрения. Считаю, что психолог нужен. Такие специалисты периодически работали и в нашей команде, один из них был однажды прикреплен к нам на время соревнований. Помощь его, кажется мне, была очевидна.

Оговорюсь, впрочем, что имею в виду только одну задачу — вывести спортсмена из стрессового, нервного состояния, снять излишние нагрузки. Участие психолога важно в процессе непосредственной подготовки к матчу, а вот в ходе самого поединка вывести спортсмена из многократных стрессовых состояний может только тренер. Он лучше всех знает психологические характеристики игрока, знает его слабости и достоинства.

Функции врача-психолога вот уже семь лет в мужской сборной выполняет Елена Константиновна Смолина. Бескорыстный и преданный спорту и ребятам человек. Она опекает их как заботливая мать. Елена Константиновна — дочь легендарного волейболиста Константина Ревы, она выросла в мире спорта и знает его досконально.

Журналист. Едва ли открою истину, если замечу, что к каждому человеку нужен свой подход... И, бесспорно, вам не составит труда проиллюстрировать эту мысль примерами из практики?

Тренер. Вадима Борисова, обладающего вспыльчивым характером, можно было легко вывести из любого состояния. У него чрезвычайно подвижная нервная система, и в поисках выхода можно было поиграть на парадоксах, даже на абсурдных решениях.

А вот Александр Зверев трудно поддается воздействию тренера. Он флегматичен, менее уязвим и менее подвержен каким-либо околоматчевым влияниям.

Журналист. Мне кажется, что Александр достаточно рационален и осмотрителен. Прежде чем принять какое-то решение, он скорее всего много раз взвесит все «за» и «против».

Тренер. Вместе с Сашей мы участвовали во многих соревнованиях. Хорошо знаю и люблю этого человека. Он не из тех людей, о которых говорят: «душа нараспашку». Скорее скрытен. Обычно молчалив и не очень общителен. Порой замкнут. И всегда невозмутим. Настолько внешне невозмутим, что обманываются не только болельщики, но и специалисты.

Вспоминаю один из матчей Кубка Дэвиса. Во встрече с командой Австрии он играл против Петера Фейгеля. Дело происходило в Юрмале, летом 1984 года. После победы в парном разряде наша команда сократила счет, и австрийцы вели 2:1. Проигрывать мы не могли, и потому поединок Зверева приобретал важнейшее значение.

В первом сете Зверев уступает, и на трибунах возникает ощущение, что он еле-еле ходит. Кажется, будто Саша морально сломлен еще в начале игры. Но если абстрагироваться от счета, забыть о нем, то можно утверждать, что внешне Зверев выглядел точно так же, как в те минуты, когда он выигрывает матч.

Я сидел рядом с Сашей и сразу заметил, что он нервничает, хотя и старается скрыть это. Перегорел, и мне пришлось думать прежде всего о том, как вывести его из этого состояния. Сказал:

— Сейчас счет не важен. Приди в себя и делай только то, что говорит тебе тренер... Для тебя счета не существует. Выкрутись в следующем сете. Ты не слабее соперника..

И Зверев, будучи человеком обязательным, выполнил указание тренера. В начале второй партии он вернулся к той игре, которую способен показать.

Что именно я ему посоветовал? Во что бы то ни стало, непременно опережая соперника, играть с лета. Если это не удается, то (это был второй, запасной вариант) заставить Фейглья выходить к сетке не после тех мячей, к которым он привык. Потому что Фейгль не может долго играть на задней линии, он ведь понимает, что игра сзади — его слабость.

По такой канве и развивались события во втором сете, который Саша выиграл, и до середины третьего. При счете 3:1 в третьей партии у Зверева произошел спад. Он опять стал держаться за результат, делая расчет на ошибку соперника. Понимая значение матча, попытался выиграть четвертый гейм как можно быстрее. Не вышло. И начался шквал ошибок. Фейгль моментально почувствовал изменения в состоянии соперника, с любого мяча шел вперед, и Зверев ничего не мог ему противопоставить. Счет по сетам стал 1:2.

В перерыве я снова напомнил Саше, о чем мы условились. Условились, как показала игра, правильно. Снова пытаюсь отвлечь его внимание от результата. Но как добиться успеха? Уговоры в таких случаях бессмысленны. Сконцентрировал внимание теннисиста на исполнении того или иного технического приема, на решении тактической задачи, поставленной перед ним.

Кажется, нашли общий язык. Саша обретал уверенность и играл все сильнее. До счета 5:1 все шло нормально.

И вдруг снова — давящее ощущение близости победы, снова спешка... Вторая волна психологического стресса, и опять перед тренером стоит задача вывода Зверева из этого состояния.

Фейгль, верно оценив сложную ситуацию в гейме, который мог в этом сете стать последним, с первого же мяча пошел вперед. А ошибка Зверева была очевидна — он опять и опять пытался обвести соперника одним ударом, в то время как его задача заключалась в другом — при обводке играть куда угодно, но в корт, желательно бли-

же в ноги, заставляя соперника играть из-под сетки. А сейчас выходило все наоборот — Зверев ошибался сам, играя в аут, в трос, в сетку. Он проиграл пять геймов подряд.

Возникла кульминационная ситуация — счет 6:5 и 30:0 в пользу соперника.

В таком случае в силу вступают другие законы тенниса. У Зверева хорошая мобилизация нервной системы. В критических ситуациях он не теряет голову.

Саша выиграл 8:6, не сделав за три гейма ни одной грубой ошибки. Четвертый сет за ним, и этот успех стал для него допингом. Зверев теперь играл мощно и точно. А главное — так, как надо.

Эмоции в таких случаях важны, они становятся порой более весомым аргументом, нежели класс. Пятый сет и поединок за Александром.

Общую линию в тот день Зверев провести в жизнь не смог, хотя и старался следовать ей. Случилось это по мотивам чисто психологическим. Нервная неуравновешенность в течение всего матча, во-первых, а во-вторых, техническая ненадежность исполнения приемов.

Первая причина возвращает нас к началу разговора о психологах, работающих в спортивных командах. Их роль, повторяю, для меня несомненна. Но не в ходе матча. Здесь со спортсменом общий язык может найти только тренер. Да, у Зверева хорошая, хотя и не столь безупречная, как у Андрея Чеснокова, мобилизация нервной системы, но, чтобы она сработала, требовалась помочь тренера, определяющего тактические решения.

Что же касается второй причины нервотрепки, то она снова напоминает нам о проблемах детского тенниса. Зверев на земляных кортах, при большей международной практике, мог стать игроком высокого класса, потому что тактически он действует без заметных ошибок, без «пенок». Основная его проблема в другом — чтобы он попал в ту точку площадки, куда хочет попасть. Ему недостает надежности в технической подготовке, решение

же Саша выбирает правильное — по мысли, по пониманию игры, он, как правило, на высоте.

А в матче с Фейглем Зверев выложился настолько, что не мог даже разговаривать. Он был буквально опущен. И когда Анна Дмитриева, поздравив его с успехом, спросила, как удалось выиграть этот матч, Зверев, непроизвольно скав руку журналистки до боли, сумел только сказать: «Не знаю» — и разрыдался. Даже у него не выдержали нервы — началась истерика. Но плакал, как я случайно увидел, и Фейгль. И в раздевалке Саша не мог успокоиться минут десять. В тот день он отдал игре все силы.

Внешность часто обманчива.

Журналист. Команду нужно подбирать по принципу психологической совместимости игроков: мысль эта в спорте, конечно, не новая. Теоретически это, разумеется, верно. А вот практически...

Тренер. Если бы у нас, скажем, в середине и второй половине семидесятых годов было много хороших игроков, то не стоило бы включать в одну команду Александра Метревели и Вадима Борисова. Эти два мастера решительно несовместимы в психологическом плане. Оба они по человеческим данным и склонностям неформальные лидеры. И не от хорошей жизни тренеры предлагали им играть вместе. Тогда, как, впрочем, увы, и сейчас, подбор игроков был ограничен.

Были и есть в сборной страны теннисисты, например Теймураз Какулия, Андрей Чесноков, Александр Волков, которые по своему характеру могут находиться абсолютно в любой компании, играть в любой команде, с разными партнерами. Это не значит, конечно, что они не лидеры. Они тоже могут и хотят вести за собой товарищей, это качество и их психики, однако они более терпимы и покладисты.

Но есть и иные спортсмены — не считаю их более трудными, — которые требуют едва ли не абсолютного подчинения им партнеров. Они — вожаки, лидеры. И по-

тому несовместимы были Ольга Морозова и Наталья Чмырева, Чмырева и Метревели.

Таких пар взаимоисключающих друг друга людей можно припомнить много, и я не стану утверждать, что мне, старшему тренеру сборной, всегда удавалось создавать в команде идеальный климат.

Журналисты, рассказывая о команде-победительнице — футбольной ли, хоккейной или баскетбольной, обычно называет ее командой единомышленников. Зная спорт, я иногда скептически воспринимаю эту наивысшую, с моей точки зрения, похвалу.

Стычки в коллективе теннисистов, явные или тайные конфликты чаще всего возникают потому, что один психологический портрет накладывается на другой. Интересы пересекаются. Каждый, без исключения, теннисист переоценивает себя. И вот одна личность задевает другую. Это вызывает ответную реакцию, и взаимные неудовольствия партнеров нарастают как снежный ком. А происходит это чаще всего тогда, когда коллектив не заряжен общей идеей, единым стремлением.

В теннисе, индивидуальном виде спорта, у лидера, яркой личности, формируется, хотим мы того или нет, обособленность, эгоцентризм, и если тренер, родители, друзья не сумели найти общий язык со стремительно набирающим силу и социальный (речь, понятно, сейчас только о спорте!) вес молодым человеком, то это приводит к изъянам в характере, и когда две такие личности, отличающиеся повышенным самомнением, два ярко выраженных лидера сходятся, пусть даже не на корте, а за обеденным столом, это кончается далеко не всегда весело.

Поэтому, формируя команду и давая установки на игру, я стараюсь не забывать особенности команды. Как подсказывает опыт, по крайней мере мой, общие установки можно давать и всем вместе, а индивидуальные — непременно каждому теннисисту в отдельности. Чтобы человек, к которому ты обращаешься, спокойно, по-де-

ловому воспринимал твои рекомендации и подсказки, а его партнер не цеплялся потом за твои слова и не «занимал» товарища. Чтобы, наконец, твои замечания, анализ ошибок в предыдущем матче не были обидными для того, с кем ты разговариваешь.

Не только, разумеется, на собраниях команды, но и на тренировках пытаются тренеры как-то объединить теннисистов. Используются командные игры. Но можно найти подходящие упражнения и в теннисе. Например, двое играют против двух, и у каждой пары только одна ракетка.

Журналист. Это, наверное, скорее всего общая специфика таких индивидуальных видов спорта, как теннис, фехтование или бокс.

Формируя команду (сейчас речь не только о командных соревнованиях, например, о матчах Кубка Дэвиса, Кубка федерации, Королевского кубка, но и о группе игроков, которые тренируются и играют вместе в разных личных турнирах, надо, видимо, искать человека, который был бы лоялен ко всем, который мог бы выдерживать если не грубость, то — порой — бес tactность партнеров. Нужен человек, который мог бы быть терпимым, снисходительно улыбающимся, когда кто-то из его коллег «завелся».

Тренер. Таким игроком в сборной долгое время был Рамиз Ахмеров. Он ни в коем случае не был «балластом» в команде. Это был хороший теннисист, сильный игрок и хороший товарищ. Он мог жить в одном номере отеля с кем угодно, мог со всеми общаться, хотя подчас спортсмены бывали несправедливы к нему. Считаю, что Ахмеров многое сделал для команды, поскольку именно он создавал в ней ту обстановку, при которой теннисисты могли вместе готовиться к соревнованиям и успешно играть.

Журналист. Мы — и спортсмены, и зрители, и журналисты, и читатели — часто толкуем и пишем насчет психологии спортивного коллектива, о слиянии новичков

со сложившейся командой, о передаче ветеранами опыта младшим, а ведь чаще всего речь идет о вещах самых простых, даже банальных — об умении разных людей ладить друг с другом. И помогать друг другу. А во-жаки, неформальные лидеры коллектива, при всей их очевидной внешней активности нередко внутренне очень уязвимы.

Тренер. С этой точки зрения Ахмеров был необыкновенно полезен. Когда тот же Вадим Борисов часа за два до игры уходил в себя, для нас, знающих его, это означало только одно: спортсмен перегорает. И нужно было обязательно встряхнуть Вадима. Самая простая, примитивная даже идея заключалась в том, что я говорил Рамизу:

— Подойди к Вадиму, толкни его или что угодно сделай, чтобы он завелся...

«Инициатива» Рамиза часто вызывала взрыв страсти, едва ли не скандал, но вместе с тем приводила игрока в нормальное состояние, и Борисов мог играть в свою силу.

Таких эпизодов в истории нашей теннисной команды было немало.

Журналист. Когда мы, затратив на полет 33 часа, добрались наконец до Буэнос-Айреса, когда приехали в отель «Ланкастэр», то задержек с размещением спортсменов в номерах не возникло. Александр Зверев взял ключ для себя и другого Александра — Волкова, а Сергей Леонюк сразу же сказал Андрею Чеснокову:

— Ключ возьмешь, ладно?..

Мне показалось это странным. Уверен был, что сверстники разместятся вместе — в одном номере молодые Волков и Чесноков, а в другом — более опытные Зверев и Леонюк, столько колесившие по белу свету вместе, вместе несколько лет играющие в паре. Я видел их игру на кортах «Омни» в Кобе, в Японии, за месяц до матча с командой Аргентины: там Александр и Сергей стали чемпионами Универсиады в парном разряде.

Тренер. Истина не всегда очевидна. Саша и Сергей действительно давние соратники и партнеры. Действительно, они старше на шесть-семь лет, чем Чесноков и Волков. Но вывод отсюда можно сделать и другой — двум лидерам в одном номере тесновато. А молодые игроки и по своему характеру, и по возрасту, согласны быть — вне корта! — на вторых ролях. Конечно, Зверев и Леонюк не сговаривались, не обсуждали проблему размещения: они интуитивно приняли решение, устраивающее их и сберегающее нервную систему. Кстати, напомню, что Сергей тоже покладист и терпелив.

Замечу здесь, что на корте, играя в паре, Александр и Сергей представляют собой идеальную в смысле отношения друг к другу пару: никогда не ссорятся, не выясняют, кто ошибся, но, напротив, стараются успокоить, подбодрить партнера. Они разные настолько, что абсолютно дополняют один другого.

При подготовке команды к матчу тренер обязан считаться с характером и особенностями психики своих подопечных. Одному игроку надо сказать сразу, что он будет играть. Другому же нельзя сообщать об этом до самого последнего момента: требуется, чтобы он был в сомнении, не знал, придется ли ему выходить сегодня на корт. Излишнее чувство ответственности приводило, например, Константина Пугаева в такое пике, выбираться из которого он не мог. И потому только в последние не то что часы, но минуты, говорил я ему, что он играет.

В таких случаях игроки, правда, обижаются, порой даже сердятся. А уж если проиграли, жалуются товарищам на тренера: он виноват, сказал об игре слишком поздно.

Игрок видит причину неудачи в том, что он не успел внутренне подготовиться к матчу. А я понимаю: хорошо, что он не настраивался, не успел — к добру бы его настройка ни в коем случае не привела: тренер знает это из многолетнего опыта сотрудничества с теннисистом.

Знает, что такого типа игрок обязательно перегорит, если ему за сутки скажут, что он завтра играет.

Свообразно воспринимал решение тренеров поставить его на игру Теймураз Каулия. Ему надо было говорить об участии в матче заранее, ибо Теймураз — тактик. Но другое дело, что ему нельзя было давать возможности глубоко задумываться по поводу предстоящего матча.

Это был классный мастер, выигравший много самых ответственных матчей. Партнером Теймураза, еще игроком, а не тренером, я видел, как при пяти матчболах выиграл Каулия в Венгрии в 1973 году в матче Кубка Дэвиса у известного мастера Балаша Тароци. А однажды Теймураз установил своеобразный рекорд — выиграл у Петера Лампа с семнадцати матчболов. Но когда Каулия специально готовился к какой-то встрече, когда он хотел выиграть во что бы то ни стало, он, как правило, поначалу играл плохо. Перегорал. Но если по ходу поединка возникала пиковая ситуация, если Теймураз попадал в безнадежное положение, он начинал играть очень сильно: ничто ему уже не мешало, он совсем не волновался, полагая, что терять ему нечего, поскольку матч уже все равно проигран.

Поэтому я довольно быстро нашел ключ к психологической подготовке этого теннисиста. Перед встречей с соперником, которому Каулия уступал в classe, я ему втолковывал, что в этом матче главное для него выполнить задание, а результат не важен, что соперник сильнее его, этот начинающийся матч провести можно спокойно, без натуги, не стараясь превзойти самого себя, сыграть так, как будто это тренировка — за неудачу корить его не будем: соперник явно выше классом.

Теймураза надо было привести в состояние обреченности, что ли, безнадежности его положения. И когда Каулия входил в такое состояние, проникался идеей ситуации, осознавал, что положение его безнадежно, он проводил лучшие свои матчи: нервы не мешали ему...

КАЖДЫЙ — ЛИЧНОСТЬ

Журналист. Простенький психологический этюд. Задача для начинающего тренера.

В раздевалке три теннисиста сборной СССР, проводящие очередной матч Кубка Дэвиса,— Вадим Борисов, Александр Зверев и Сергей Леонюк. Зверев, один из самых сильных игроков в паре, только что проиграл свой матч.

По условиям соревнований на парную встречу можно поставить любых двух из этих трех мастеров, заявленных на матч.

Зверев и Леонюк? Или Борисов и Зверев? А может быть, Борисов и Леонюк?

Надо подобрать партнера Зверева. Он в паре надежен. Тренер, однако, на всякий случай спрашивает у Александра, готов ли он играть.

Саша отвечает:

— Если надо...

Борисов знает, что на парную встречу планируются другие теннисисты, но и его Шамиль Анвярович спросил:

— А ты, Вадик?..

Борисов тут же начал раздеваться.

Как бы вы поступили?

Тренер решил, что пару составят Борисов и Леонюк. И не ошибся. Сыграли ребята хорошо. Одержали победу.

А вот другая история из бесконечного числа тех, что связаны с психологией борьбы на корте.

Или около корта.

О ней рассказывает Маргарет Корт.

Это случилось в Форест-Хиллсе (США) в матче с Дарлен Хард.

«В этом матче Дарлен прибегла к такому трюку, ко-

торый едва не стоил мне выигрыша. Первый сет был настоящим марафоном — он закончился со счетом 9:7. Я выиграла его на двойных ошибках Дарлен. Во втором сете я вела 4:2, когда Дарлен приступила к осуществлению своего замысла. Она пожаловалась на слишком позднее предупреждение судьи, находившегося у ее задней линии. Через некоторое время ее мяч снова оказался «за» дюйма на четыре. Судья на линии произнес: «Аут!» Дарлен возразила: «Мяч попал». Однако судья отказался изменить свое решение. Вместо того чтобы продолжить игру, американка прошла за заднюю линию, бросила ракетку, закрыла лицо руками и громко разрыдалась. Я никогда не видела ничего подобного. Ко всеобщему замешательству всех наблюдавших, Дарлен рыдала, несмотря на требования судьи продолжать игру. Я села в ожидании, когда прекратится эта истерика. Но когда она наконец кончилась и Дарлен взяла мяч, чтобы подавать, я никак не могла собраться. Если именно к этому стремилась Дарлен, то она своего добилась.

Преимущество мое стало быстро уменьшаться — 4:4. Мне казалось, что никогда не жаждала я так выиграть матч, как сейчас. Где найти силы выиграть следующие два гейма? На своей подаче я повела 5:4 и каждым ударом стремилась нападать, чтобы следующим геймом выиграть матч.

И все же я стала первой австралийской теннисисткой, завоевавшей корону чемпионки Америки,— это наполняло меня чувством гордости.

На церемонии награждения, которая состоялась сразу после матча, Дарлен стояла в двадцати пяти футах от меня. В душе я радовалась этому, поскольку у меня не было ни малейшего желания разговаривать с ней. Поведение Дарлен, игрока столь высокого класса и такого большого опыта, было абсолютно неизвинительно. Да это не извинительно ни для кого бы то ни было».

ЭГОЦЕНТРИЗМ — ГЛАВНАЯ ОПАСНОСТЬ

Тренер. Уже говорил, что теннис не только прекрасен. Но и опасен, поскольку может способствовать развитию негативных черт характера.

Несколько слов об одаренной спортсменке.

Наталья Чмырева рано заставила говорить о себе. Родители ее — профессиональные тренеры, отец — по легкой атлетике, мама — по теннису. Они воспитывали у дочери профессиональное, серьезное отношение к своему делу. И Наталья достигла определенных успехов. Она дважды выиграла девичий Уимблдон и, стало быть, подавала большие надежды. Я знаю Чмыреву много лет, помню ее совсем молоденькой, и у меня остались воспоминания о ней как о мягком человеке. Да, у нее в молодости был сложный характер, но за этой сложностью и даже трудностью, за ее показной жесткостью скрывалась добрая душа.

Наташа не отличалась крепкой нервной системой, была, как все лидеры, ранима, склонна к обидам, но вместе с тем ею можно было легко управлять, с ней нетрудно было находить контакт. Сложность характера и беда этой одаренной теннисистки заключалась в том, что в детстве и юности она воспитывалась, видимо, весьма своеобразно — в духе внутреннего превосходства над всеми окружающими, откровенного личного гегемонизма. Наталья как-то рассказала мне, что она привыкла опираться только на свое «я», никому, кроме родных, не верила и всех считала своими врагами. Это был эгоцентризм в обнаженном виде.

Ситуации возникали порой смешные...

В 1977 году в США на одном из командных турниров я даю ей установку на матч, поясняя, почему такие действия могут принести успех, а она в ответ говорит мне:

— Я все знаю, я — Кассиус Клей...

Пришлось заменить ее и выставить на игру Ольгу Морозову.

Но вот другой, поучительный и типичный для нее эпизод.

В чемпионате Европы, в полуфинале она играла с Ренатой Томановой из Чехословакии. Я сел на ее корте: как правило, игры проходят на нескольких кортах, бывает, что одновременно играют два, а то и три спортсмена из одной страны, и тренер идет на тот корт, где, по его мнению, может возникнуть наиболее сложная ситуация, и там пытается помочь спортсмену.

Признаюсь, я был озадачен странным поведением Чмыревой: Наташа не садилась, как это принято, на стул рядом с тренером, чтобы отдохнуться, выпить глоток воды, послушать замечания, а останавливалась около меня, повернувшись ко мне то боком, а то и вовсе спиной.

Наконец я не выдержал и сказал, чтобы она села, но когда я начал ей что-то объяснять, то почувствовал, что она внутренне напряжена и едва ли воспринимает мои слова.

При следующем переходе она поворачивается ко мне и спрашивает:

— Неужели вы хотите, чтобы я выиграла?..

Я приказал, буквально приказал ей сесть и сказал, чтобы она выполняла все, что я ей говорю. И добавил, что если в этом случае она проиграет, то всю вину за поражение я беру на себя: значит, я не то ей советовал, не то подсказывал, но это только при том условии, что она выполняет мои задания. Если же она продолжает играть так, как хочет, и терпит при этом поражение, то это означает, что проиграла именно она, и проиграла из-за собственного упрямства.

Наташа ничего не ответила.

Взаимопонимание устанавливалось медленно — в течение всего матча, но было очевидно, что теннисистка все более старательно следовала моим советам. В конце концов в тяжелейшей борьбе она выиграла. После матча Наташа подошла ко мне и поблагодарила за по-

мощь. На следующий день она попросила, чтобы я посидел на ее финальном матче. Она поняла, что мои подсказки помогли ей.

Пришел, конечно же, на финал. Чмырева играла против Мими Яшовец из Югославии.

Я вел весь матч. Борьба была равной, и лишь в решающей партии Наташа с трех матчболов проиграла эту встречу, но, несмотря на поражение, она была преисполнена благодарности, и мы долго разбирали игру, и тогда-то она произнесла фразу, которая мне запомнилась:

— Как же мы с вами проиграли...

И это свидетельствовало, что контакт с трудной спортсменкой был найден, что с ней можно работать, ее можно вести.

Но проблема отношения тренера, тем более «чужого», со спортсменом — это и проблема сложных отношений с тем кругом людей, которые близки этому теннисисту.

По возвращении в Москву, на следующий же буквально день, я встретил Наташу, приветствовал ее, спросил, как дела, и она сквозь зубы буркнула мрачно:

— Здрасьте...

И прошла мимо, как будто и не заметив, кто с ней поздоровался, как будто меня не существует.

Почему? Что случилось? Какая кошка пробежала между нами?

Не знаю.

То ли нездоровая ревность родителей, то ли какие-то другие обстоятельства повлияли на Наташу — что тогда произошло, неизвестно мне и по сию пору.

Подозреваю, что такие вот совершенно ненормальные отношения вокруг Наташи и не дали расцвести ее таланту в полную меру, в чем-то ограничили возможности этой талантливой теннисистки. Очень талантливой.

СОВЕТЫ

Удар справа

Первый шаг к хорошему удару справа или слева должен быть сделан не тогда, когда противник бьет по мячу, а как только вы завершили свой удар. Очень немногие начинающие и поразительно немногие игроки среднего класса понимают до конца этот факт. Гораздо чаще можно видеть игрока, который, завершив удар, остается на месте с повисшей ракеткой и следит за тем, где приземлится посланный им мяч. Вот это наблюдение за тем, как летит посланный вами мяч, одна из привычек, от которых вам будет трудно избавиться. От того, следите вы или не следите за приземлением мяча на другой стороне корта, уже ничего не изменится, зато многое зависит от того, сколько у вас времени на встречу мяча, посланного противником. И потому пострайтесь во время полета мяча после вашего удара занять оптимальную позицию на корте.

Как только вы отбили мяч, вы должны тотчас начать готовить ваш следующий удар. Это означает: а) занять правильное положение на корте и б) привести ракетку в положение готовности.

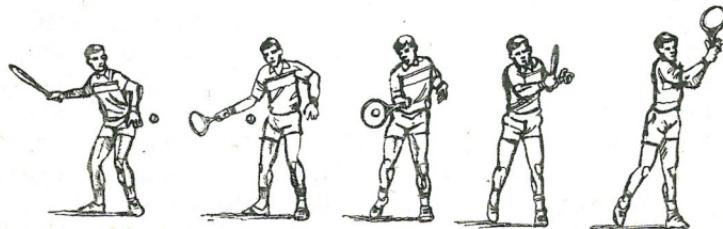

Раскрепощенность играет большую роль в плавном ударе. Если этой раскрепощенности нет в положении ожидания, ее не будет и при ударе.

Есть два основных способа выполнения удара после

замаха. Один — замах петлей. Другой способ — более или менее прямой. Игроки, использующие метод петли, утверждают, что это позволяет им лучше синхронизировать удары и помогает бить по мячу с подкруткой. Суть, однако, не в том, каким способом вы возвращаете ракетку на место, а в том, насколько плавно и быстро вы ее возвращаете. Единственное, что можно посоветовать начинающим игрокам — ослабить слегка кисть и позволить свободной руке, поддерживающей ракетку, начать движение ракетки в нужном направлении. Чего следует непременно избегать, так это стремления двигать сначала локоть или поднимать его слишком высоко, или позволять участвовать в движении всему телу. Именно эта ошибка объясняет, почему многие игроки толкают мяч слева, а не бьют по нему. Когда локоть поднят и выдвинут вперед, у игрока нет другого выхода, как оттолкнуть мяч.

Большинство игроков при низком отскоке мяча складываются вдвое, будто подбирают с асфальта монету. Такое «переламывание» пополам нарушает устойчивость тела, а ключ к этой устойчивости лежит в распределении веса тела. И потому лучше всего бить по мячу точно в тот момент, когда вес переносится с ноги, расположенной сзади, на ту, что впереди. Иначе говоря, позвольте головке ракетки вести за собой движение веса тела, а не наоборот. Увы, многие игроки, особенно грешат этим новички, переносят вес вперед раньше времени.

Держите ракетку свободно, настолько свободно, чтобы только не уронить ее. Обратите внимание, как легко движется в замахе головка ракетки, когда вы держите ее таким образом.

Теперь, используя в основном пальцы для управления ракеткой, дайте руке свободно продвигаться вперед и назад. Не страшно, что головка ракетки при этом немного опущена. Сейчас важнее другое — дайте ей возможность описывать дугу как можно легче. Как только вы почувствовали эту свободу движения головки ракетки, можете захватить ракетку так, как вы обычно ее держите. Но сохраняйте гибкой кисть. Не дрябло-свободной, а гибкой. Повторите это движение вперед и назад, которое вы секунду назад проделывали, давая ракетке легко взле-

тать вперед и назад. Хотите верьте, хотите нет, вы — «на полпути к дому».

Теперь следующая задача — научиться использовать это легкое и свободное движение в замахе.

Давайте обратимся к сути дела: как и когда движется кисть. При контакте с мячом кисть не замыкается. Вместо этого дайте ей продолжить естественное движение вперед. Рука тоже движется вперед так, чтобы удержать мяч на струнах как можно дольше. Некоторые игроки, завершая удар, переносят ракетку по другую сторону тела. Это неплохо, если при этом струны удерживают мяч насколько возможно долго, ракетка должна быть продолжением предплечья: именно это обеспечивает вам управление ударом.

Большинство начинающих, да и уже играющих теннисистов, вкладывают слишком много усилий в замах. Они труждаются больше, чем надо, не давая головке ракетки выполнить ту работу, для которой она предназначена: сообщать удару основную энергию. Чтобы лучше оценить роль головки ракетки в ударе, представьте на мгновение технику удара молотком по гвоздю. Когда ребенок бьет по гвоздю молотком, он обычно жестко держит руку и кисть, и молоток при этом является не чем иным, как продолжением

руки. Опытный плотник сообщает молотку взмахи свободно и легко. Сама кривая движения головки молотка и есть источник энергии.

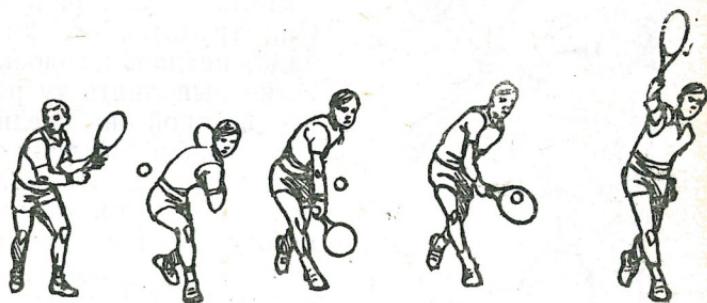
И последнее. Пусть головка ракетки ведет ваш вес, а не наоборот. Начинайте с положения устойчивого равновесия. Избегайте шагать на мяч или бросать на него свое тело. Сосредоточьтесь на плавности и ритмичности.

Удар слева

Здесь мы рекомендуем прислушаться к советам видных специалистов тенниса Жан-Поля Лота, Бена Фостера и Майка Рэтклифа.

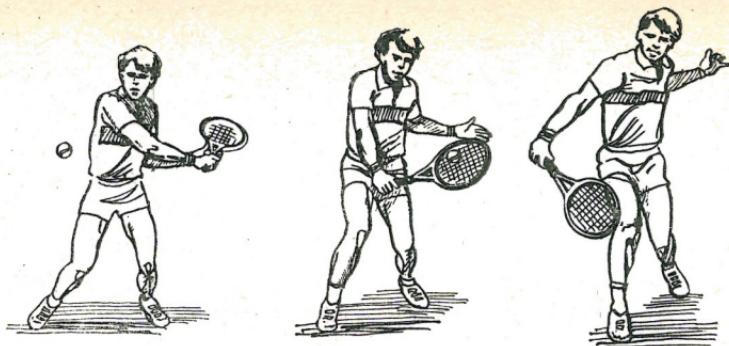
Лот считает этот удар самым неудобным для начинающего, но отнюдь не самым трудным.

Для овладения им необходимо познакомиться с техникой выполнения удара. Она строится на определенном фундаменте, который далеко не всегда очевиден для начинающих.

В принципе ударом слева — и этого требует тактика игры — отражают большинство атак соперника, во время которых он или выходит к сетке, или остается на задней линии. Эти атакующие удары — подача, удары справа и слева — в 75 случаях из 100 направляются вам под левую руку.

Относительно легко научиться резаному удару,

используемому в некоторых случаях для атаки с последующим выходом к сетке, приему подачи резаным ударом, к которому прибегают, когда нет времени подготовиться к выполнению других ударов.

Из исходного положения подготовка к удару осуществляется следующим образом:

А) Туловище повернуто перпендикулярно, другими словами, боком к сетке.

Б) Следите за тем, чтобы линия плеч опережала этот перпендикуляр к концу подготовки удара. В зависимости от скорости и направления, придаваемого мячу, спина игрока поворачивается на четверть или на половину к сетке.

В) Одновременно с поворотом туловища ракетка отводится правой рукой назад, при этом рука чуть согнута, локоть и предплечье находятся возле туловища. Левая рука поддерживает ракетку, помогая отводить ее назад. Струнная поверхность слегка «открыта» в начале подготовки, сторона, которая будет касаться мяча, обращена кверху. Ракетка описывает изогнутую, слегка выпуклую траекторию.

Движение, которое должно привести ракетку из положения замаха к соприкосновению с мячом, выполняется за счет изменения положения туловища, которое разворачивается и слегка наклоняется вперед.

Это движение начинается постановкой правой, если вы правша, ноги вперед и в сторону:

А) Рука опускается, и голова ракетки не спеша перемещается немного ниже высоты точки будущей встречи с мячом. В момент соприкосновения с мячом рука вытянута.

Б) Место встречи с мячом находится впереди (при мерно на 10—15 см) вертикальной линии, проведенной через правое плечо.

Распрямляясь, рука занимает такое положение, когда тыльная сторона кисти руки практически в момент соприкосновения с мячом поворачивается к сетке, струны ракетки оказываются перпендикулярны к земле. Это положение существенным образом влияет на движение головки ракетки.

Сопровождение начинается в момент соприкосновения ракетки с мячом. Выброшенная вперед прямая рука продолжает вести ракетку в направлении удара и самоизвестно подниматься на уровень плеча.

Во время удара и сопровождения рука остается около туловища, чтобы удержать равновесие и воспрепятствовать вращению. Если плечи из положения в момент подготовки удара переместятся в положение, характерное для момента соприкосновения с мячом, то такое движение будет правильным, особенно для начинающих.

А вот советы Бена Фостера (они взяты из книги «Уроки тенниса»).

Готовясь к выполнению удара справа или слева, отводите ракетку назад так, чтобы она почти полностью была скрыта от соперника. Она должна быть направлена прямо на ограждение сзади вас так, чтобы быть на одной прямой с вами и соперником.

Если соперник видит ракетку перед вашим телом, когда вы ее отводите назад, значит замах у вас слишком короткий; если же он видит ракетку у вас за спиной — замах слишком длинный.

Если удары слева у вас беспорядочны и нестабильны, вы, вероятно, бьете по мячу слишком далеко от туловища.

От этого можно избавиться, если уменьшить замах, согнув руку, и следить, чтобы локоть был ближе к телу.

Для того чтобы удостовериться, что вы отводите локоть всего на 5—8 см от тела, отрабатывайте замах слева, зажав под мышкой теннисный мяч. Если при замахе мяч выпадает — значит, вы слишком выпрямили руку.

Согните и расслабьте руку при замахе слева — вы

выполните проводку ближе к телу, что придаст удару силу. Таким образом вы будете контролировать удар.

И, наконец, рекомендация Майка Рэтклифа.

Для того чтобы удар слева был сильным, вы должны полностью повернуть туловище, выполняя замах. Удар приобретает силу, если вы направите вперед вес тела. При этом вообразите, что вы вытягиваете шагу из ножен, и сделать движение будет легче. Ведите ракетку вперед плавно, поворачивая правое плечо. В это время верхняя часть туловища будет поворачиваться и вес тела начнет перемещаться вперед.

Мнение чемпионов

Род Лэйвер рассказывает:

— Одним из наиболее сложных ударов является удар слева. Многие жалуются на свой плохой удар слева, но в то же время не стремятся совершенствовать его.

Обычно сначала теннисист отрабатывает удар справа. На мой взгляд, обучение следует начинать с удара слева, потому что это очень естественный удар, позволяющий полностью выпрямить руку. Попробуйте думать об этом ударе как о своеобразном раскручивании корпуса.

Много ли вы работаете над ударом слева во время тренировок? Тренировки для того и нужны, чтобы совершенствовать технику игры, а не тратить все занятие на демонстрацию своих удачных ударов.

Немногие теннисисты имеют в арсеналах своих средств крученый удар слева. Для этого удара нужна сильная кисть руки, которую специально разрабатывают. Я делал это, сжимая в руке теннисный мяч и тренируясь с эспандером. Я рекомендую всем эти упражнения, так как эспандер, кроме силовой нагрузки, развивает кисть руки. Артур Эш, я и некоторые другие теннисисты с успехом применяем крученый удар слева.

Если кто-нибудь вам говорит, что он играет чистым

плоским ударом слева, он не прав. При этом ударе он всегда будет слегка подрезать мяч.

Нет причины не применять резаный удар. Мяч после такого удара отскакивает низко, хорошо контролируется и дает возможность выйти к сетке.

Но мне кажется, что в игре надо экспериментировать. Если вы считаете, что можете выполнить крученный удар,— попробуйте. Если вы хотите усилить свой удар слева, вы должны играть крученым мячом.

Какова бы ни была ваша игра, для замаха слева вы должны отвести плечо назад по кругу (правое плечо, если вы держите ракетку в правой руке), ударить по мячу перед выставленной вперед ногой и продолжить до конца раскручивающее движение руки с ракеткой за мячом. Вот у вас и получится удар слева.

Убедите себя в том, что удар слева совсем не так труден, как вам всегда казалось.

А теперь советы Лью Хоада, чемпиона Уимблдона 1957 года в одиночном и 1953-го, 1955—1956-го — в парном разрядах:

— Большинство начинающих удар слева повергает в ужас. Но их страх беспочвен. Забудьте разговоры о трудностях удара слева — это типичный предрассудок. Нет ничего естественнее этого удара...

С первых шагов следует проникнуться мыслью о том, что этот удар не сложен, если правильно держать ракетку. При удобной хватке можно выполнять эффективный удар, даже если вы не заняли правильную позицию. В современном теннисе трудно назвать какой-либо способ хватки, который отвечал бы всем разновидностям ударов. Если ваша хватка для удара слева кажется вам неестественной и неудобной, измените ее.

Большинство известных мастеров при ударе слева применяют восточную хватку, при которой кисть находится в основном за ручкой. По сравнению с хваткой для удара справа ракетку проворачивают на четверть круга вправо, в результате струнная поверхность зани-

мает более вертикальное положение по отношению к ладони. Решающую роль при ударе играет запястье. Оно должно быть крепким как сталь в момент соприкосновения ракетки с мячом. Большой палец крепко прижмите к тыльной грани ручки, это не позволит головке ракетки отклониться во время удара.

Существуют три основные разновидности удара слева. Первая — плоская, при которой удар наносится прямым движением и центром струнной поверхности. Вторая разновидность — с верхней подкруткой. При этом головка ракетки начинает движение из-под мяча, в момент удара мяч «прокатывается» по струнам от верхнего края к нижнему. Третья разновидность — резаный и рубленый удар слева, при котором движением головки ракетки сверху вниз вы подсекаете мяч.

Итак, вы приготовились произвести удар слева одной из перечисленных разновидностей. Если вы правша, займите позицию, при которой правая нога выдвигается вперед, что обеспечит вам хороший замах. В противном случае удар слева будет выполнен в виде короткого толчка или неуклюжей отмашки. Делайте свободный замах. Не думайте, что укороченный замах позволит вам сыграть точнее.

Стойте боком, и у вас получится хороший и плавный удар слева. Замах, удар по мячу и его сопровождение и перенос тела с левой ноги на правую будут вскоре выполняться автоматически.

В момент удара рука должна быть жесткой, напряженной и составлять единое целое с предплечьем, запястьем и ракеткой. Если в момент изготовки к удару вы как бы пересекаете движение правой ногой, то обнаружите, что вес тела будет участвовать в ударе, помогать вашей руке в самый ответственный момент.

Запястье играет решающую роль в том, в какой плоскости будет находиться ракетка в момент удара и какая разновидность удара слева будет применена. Самым эффективным считаю крученый удар слева, учитывая

те трудности, которые он доставляет противнику, предпочтитающему возвратить такой мяч ударом с лета. Верхняя подкрутка приводит к тому, что на стороне противника мяч падает быстрее обычного и вынуждает соперника принимать его в низкой точке. Удар слева следует наносить после отскока раньше, чем при ударе справа. Чем раньше ударите по мячу, тем большую скорость придадите ему. Если вы хотите послать мяч вдоль боковой линии, запоздайте немного с замахом и ударьте по мячу из-за бедра, обращенного к сетке.

Очень важна правильная исходная стойка при приеме подачи ударом слева. Держите ракетку прямо перед собой на уровне пояса. Такая стойка обеспечит быстрый замах как для удара справа, так и слева.

ЗВЕЗДЫ МИРОВОГО ТЕННИСА

Иван Лендл

По итогам 1987 года первым теннисистом мира назван Иван Лендл. А впервые десятку сильнейших мастеров ракетки он возглавил в 1985 году.

Лендл родился 7 марта 1960 года в городе Острава, в Северной Моравии. Отец его, Иржи, юрист, был сильным шахматистом. Увлекался он и теннисом — считался одно время в стране пятнадцатым игроком. Мать, Ольга, добилась более заметных успехов: была второй теннисисткой Чехословакии. Мама и стала первым тренером Ивана. Родители поощряли спортивные увлечения сына, были требовательны к нему, с малых лет учили его трудолюбию на корте и выдержке. Они помогали ему овладевать одной из самых сложных наук — умению властвовать собой, не терять голову при неудачах.

В многочисленных очерках об этом знаменитом теннисисте журналисты охотно подчеркивали его целеустремленность, умение в течение многих лет терпеливо идти к намеченной цели. Лендл настойчив и упорен. Вы-

держан. Корреспондент ТАСС как-то рассказывал, что своим педантизмом в игре чехословацкий теннисист иной раз вызывал даже неприязнь публики и арбитров. Его внешне ровная реакция на удачи и неудачи составила ему репутацию «рыбы» — не раз с трибун раздавались подобные выкрики. Если кого-то возмущали неприличные выходки и ругань Макинроя, то находилось много и таких, кто неулыбчивого Лендла ставил ниже экспансивного американца.

Иван хорошо сложен, его рост 188 см, вес 79 кг. Кроме тенниса, увлекается шахматами и гольфом. Владеет пятью языками.

В 1985 году он впервые добился наивысших в своей спортивной карьере достижений. Он был первым в одиннадцати турнирах серии «Гран-при». Среди его впечатляющих успехов выигрыш открытого чемпионата США, третья победа в Брюсселе на «Турнире европейских чемпионов», что сделало его обладателем золотой теннисной ракетки, наконец, победа в турнире «Гран-при мастерс», венчающем теннисный сезон, — к участию в этих соревнованиях приглашены были 16 сильнейших теннисистов мира. Кстати, в финале он обыграл чемпиона Уимблдона того сезона Бориса Беккера.

Лендл обладает мощной подачей, блестящей техникой, обостренным чувством позиции, он точнее и раньше соперников прогнозирует ход борьбы на корте, определяет, куда и с какой силой будет послан мяч. Борьба у сетки идет за доли секунды, и таких игроков, как Лендл и его главные соперники, можно сравнивать с автомонщиками.

Что думает Иван о теннисе и о своем месте в теннисной иерархии?

Журналист из итальянской газеты «Репубблика» спросил у Лендла после его впечатляющей победы в турнире «Мастерс»:

— Если судить по вашей игре на этом турнире, вы остались далеко позади остальных игроков.

— Не думаю, чтобы так уж далеко. Да, я выиграл этот турнир и стал первым теннисистом мира, но нужно быть все время начеку. Я хорошо знаю, что все мои соперники теперь еще больше будут стремиться выиграть у меня.

— Скажите, есть ли у вас еще какая-нибудь мечта теперь, когда вы стали первым теннисистом мира?

— Продолжать игру. Я люблю теннис.

И еще одно интервью Лендла. Он дал его венгерскому журналу «Кепеш спорт»:

— До недавних пор вы всегда были среди первых, но не первым. Вы все-таки надеялись им стать?

— Конечно, надеялся. Если бы это было не так, я бы перестал заниматься теннисом. Не люблю проигрывать. Очень неприятное чувство, и нет никакой разницы — впервые проигрываешь или в сотый раз. К этому нельзя привыкнуть.

— Почему было трудно выиграть у Макинроя?

— Может быть, потому, что он великолепно играет. В последнее время у него еще лучше стали работать ноги, за счет чего Макинрой увеличил скорость. Его удары с задней линии стали еще сильнее, то есть техника у него во всех отношениях высочайшая.

— Возможно, постоянные победы способствовали особой психологической устойчивости этого спортсмена?

— Наверное. В теннисе нельзя не принимать во внимание психологический фактор. С тех пор как Макинрой выиграл у меня впервые, я чувствовал, что ему легче со мной играть, чем мне — с ним, ему легче и выигрывать.

Моя задача и сейчас остается той же: увеличение скорости и более высокая сосредоточенность. Рассчитываю достичь этого за счет того, что перед ответственными соревнованиями ежедневные тренировки увеличу до шести часов. Могу добавить, что все сделанное мною в спорте оказалось возможным только благодаря адской работе. Для настоящего чемпиона талант недостат-

точен. Надо еще очень много вкалывать...

На этом, не очень литературном «надо очень много вкалывать», можно было бы закончить страничку, посвященную первому теннисисту 1985—1987 годов.

Трудолюбие, умение работать действительно то неизменное условие, не выполнив которого надеяться на успехи в большом теннисе трудно. Но надо добавить, что личность этого игрока вызывает немало споров.

В отчетах о крупнейших теннисных турнирах (а только в таких соревнованиях принимает участие Лендл) обычно сообщается, что этот теннисист представляет Чехословакию. Но в официальных справочниках в графе «место жительства» в последние годы указывают иной адрес Лендла: Гринвич, штат Коннектикут, США. Там, в своем поместье, охраняемом семью немецкими овчарками, и живет сейчас сильнейший теннисист середины 80-х. И мы не удивимся, если он станет выступать в Кубке Дэвиса за команду США.

Борис Беккер

Взлет этого теннисиста из ФРГ был стремительным и, конечно же, неожиданным. А поскольку появление новой звезды на теннисном небосклоне пришлось на год кометы Галлея, журналисты, охочие до сенсаций, сравнивая юного чемпиона с долгожданной гостью из окраин солнечной системы, писали и говорили о потрясении, которое привнес он во «вселенную тенниса».

1984 год Беккер закончил 65-м.

1985-й — шестым.

1986-й — вторым.

Выиграв в 1985 году турнир в Уимблдоне, он стал самым молодым победителем в мужском одиночном разряде в истории этих наиболее престижных в теннисе соревнований: Беккер родился 22 ноября 1967 года. Свой успех Борис повторил в июле 1986 года, выиграв Уимблдон во второй раз подряд.

По своим физическим данным похож на Ивана Лендла — тот же, до сантиметра, рост — 188, тот же, до килограмма, вес — 79.

Борис вырос в семье архитектора, построившего, кстати, теннисный центр рядом с домом, где жил будущий победитель Уимблдона. Мальчишка рос спортивным, равно увлекался теннисом и футболом, заметно преуспевая и в той и в другой игре, но в 12 лет он сделал окончательный выбор — теннис.

Беккер выступал в команде ФРГ на показательном олимпийском турнире 1984 года. Опекают его специалисты — Ион Цириак из Румынии, начинавший свой спортивный путь в хоккее, но и в теннисе достигший немалых высот, и Гюнтер Бош.

Конечно же, ошибались те наши журналисты, которые, поразившись неожиданному успеху Беккера, называли Бориса «зеленым новичком». Да, успех сенсационный, однако... Мало того, что Беккер за несколько месяцев до своего первого триумфа в Уимблдоне выиграл молодежный турнир «Мастерс», где ему удалось обойти многих ведущих теннисистов мира, в том числе Матса Виландера, Стефана Эдберга, Хенрика Сундстрема, Аарона Крикштейна, мало того, что он был полуфиналистом открытого чемпионата Италии и четвертьфиналистом открытого первенства Австралии (а это один из четырех турниров «Большого шлема»!), теннисист из ФРГ буквально накануне Уимблдонского турнира сумел еще и выиграть чемпионат Королевского клуба в Лондоне. Беккера теннисный мир знает с 14 лет — именно в этом возрасте он стал профессиональным игроком. Кстати, перед началом соревнований в Уимблдоне в 1985 году Беккер уже входил в двадцатку лучших.

В 1985 году Беккер провел на корте 76 матчей. Ровно четверть из них, 19, он проиграл, в остальных брал верх.

В 1986 году соотношение побед и неудач стало еще более убедительным. А начал этот год он с победы в

международном молодежном турнире «Янг мастерс», где в финальном поединке переиграл Матса Виландера.

Но затем в главном турнире года, взрослом «Мастерс», Беккер проиграл Лендлу. Первый теннисист мира так отозвался о своем молодом сопернике.

— Я шестой раз выступаю в финале «Мастерс», трижды становился победителем. Беккер в первый раз принимал участие в этом турнире, и после победы в Уимблдонском турнире здесь Беккер испытывал чувство повышенной ответственности, и, как мне кажется, это довело над ним. Но я уверен, что со временем, привыкнув к таким представительным турнирам, он будет играть намного увереннее.

— Вы видите в Беккере серьезного соперника в будущем?

— Конечно. Беккер для своего возраста добился многое. Он не случайно стал победителем в Уимблдоне. Он очень способный, имеет отличные данные, поэтому может выиграть у любого соперника, а значит, и у меня. На мой взгляд, у Беккера есть еще слабые места: например, если сильная подача ему не удается, он сразу же теряет равновесие. Иными словами, малейшие промахи пока выбивают его из колеи...

Сегодня Беккер уже стал одним из самых популярных спортсменов в своей стране и в Западной Европе. В частности, как сообщало агентство ДПА, при опросе, проведенном институтом Виккера в Иллерайхене (ФРГ), выявилась необычайная популярность молодого теннисиста. 91,1 процента всех опрошенных жителей старше 16 лет заявили, что 18-летний спортсмен производит на них положительное впечатление, 7 процентов — негативное, остальные воздержались.

Беккер, как отмечала местная печать, достиг такой степени популярности, какой в ФРГ с 1951 года не было ни у кого среди политиков, деятелей культуры и спортсменов.

Ведущий теннисист ФРГ не однажды отвечал на рас-

спросы журналистов, и если суммировать его высказывания, то вырисовывается довольно полный и, скажем прямо, весьма странный, на наш взгляд, портрет молодого человека, производящего на жителей ФРГ «положительное впечатление».

Вот несколько ответов Беккера на вопросы журналистов.

— Не слишком ли рано вы стали профессионалом?

— Я к этому стремился. Мне хотелось играть в теннис. Теперь я уже не могу не работать, иначе ничего не заработкаю. Тем не менее я счастлив, что сумел превратить хобби в профессию. Это не каждому удается.

— Не возникает ли порой ощущение, что вы могли бы заняться чем-нибудь другим?

— Трудно сказать. Я ведь ничем, кроме тенниса, не занимался.

— Сколько времени в день вы проводите на тренировке?

— Обычно пять часов, если в этот день нет соревнований.

— Среди нашей молодежи высокий процент безработных, часто говорят и пишут, что у них нет будущего. Приходится ли вам сталкиваться с такими проблемами?

— Я почти все время в разъездах, редко бываю дома. У меня слишком мало времени для того, чтобы думать о проблемах ФРГ.

— Ходите ли в театр или на концерты современной музыки?

— Иногда. Чаще бываю в кино.

— Много ли вы читаете?

— Нет, это не доставляет мне удовольствия.

И ответ на другой вопрос:

— Я считаю, что между теннисистами не существует истинной дружбы. Спорт — бизнес, которым люди занимаются, чтобы заработать побольше денег.

— Нужно ли ненавидеть соперника, чтобы одержать над ним победу?

— Одним нужно ненавидеть, другим — нет. Коннорсу необходимо видеть в сопернике врага. А вот у Виландера совсем другой характер.

— Может быть, из-за этого он никогда и не станет игроком номер один?

— Не думаю. Ведь и у Борга было сходное отношение к соперникам.

— А что вы думаете по этому поводу?

— В напряженных ситуациях мне надо ненавидеть соперника. Хотя бы немного...

Если у теннисиста нет времени думать о проблемах страны — это уже характеризует его достаточно красноречиво. Возможно, что здесь также лежит и ключ к разгадке, почему именно Беккера пытались использовать в своих интересах неонацистские силы ФРГ.

Матс Виландер

Два года подряд, в 1984-м и 1985-м, а затем в 1987-м Кубок Дэвиса выигрывала команда Швеции.

Четыре года подряд команду-победительницу возглавлял Матс Виландер.

По итогам 1985 и 1986 годов он стал третьей ракеткой мира. Два предыдущих сезона Матс заканчивал четвертым, 1987-й завершил третьим.

Родился 22 августа 1964 года. С любовью к теннису соперничают увлечение гольфом и игрой на гитаре. Гольф одно время привлекал даже больше, чем теннис. Звуки различных рок-композиций, как свидетельствуют журналисты, довольно часто доносятся из номера отеля, в котором в дни турнира живет теннисист из Швеции. Матс не был бы шведом, если бы не воздал в детстве должное и хоккею. А два его старших брата и сейчас играют в шведских хоккейных командах второго дивизиона. И еще одно увлечение, связанное со спортом, — знаменитому теннисисту доставляет огромное удовольствие быстрая езда на автомашинах, и

не случайно, понятно, он выбрал себе одну из самых скоростных моделей — «порше».

Виландер, несмотря на свою молодость, уже выиграл несколько соревнований, составляющих «Большой шлем». Дважды, в 1982 и 1985 годах, он первенствовал на кортах «Роллан Гарро» в открытых чемпионатах Франции. Трижды, в 1983-м, 1984-м и 1988-м выигрывал и открытый чемпионат Австралии.

В 1986 году провел 67 матчей. И в 54 одержал победы.

Виландер — несомненный лидер шведского тенниса, считающегося сегодня едва ли не лучшим в мире. В первой десятке по итогам 1985 года, кроме Матса, были и другие шведские теннисисты — Стефан Эдберг (пятый) и Андерс Яррид (восьмой). Да и одиннадцатую строчку занимал мастер из Швеции — Йоахим Нюстрем. И эти успехи скандинавских спортсменов не случайны — в небольшой Швеции теннисом регулярно занимаются 300 с лишним тысяч человек, причем более 50 тысяч из них — подростки. За последние полтора десятилетия Федерация тенниса Швеции подготовила свыше десяти тысяч тренеров.

Особое внимание уделяется самым перспективным игрокам. В одном из интервью Иван Лендл рассказывал:

— Шведские теннисисты путешествует вместе, в одном автобусе, с одними соревнований на другие. Их человек 10—15, молодых, талантливых. С ними занимаются специальные тренеры, менеджеры, и в конце концов из этой группы получится одна-две «звезды» мирового класса. А там, где занимаются с двумя-тремя молодыми спортсменами, и только с точки зрения формирования «звезд», — там настоящих чемпионов ни из кого не выйдет...

Матс Виландер, как и Лендл или Беккер, довольно часто дает интервью, некоторые его высказывания публиковались в разное время и в наших изданиях. Он

обычно доброжелателен, умеет по достоинству оценить успех соперника, в частности, Матс высоко отзывался об игре Андрея Чеснокова, которому он уступил на открытом чемпионате Франции. Хотели бы привести ответы Виландера на несколько вопросов журналистов разных стран.

— В финале одного турнира вы проиграли Эдбергу, в другом — Сундстрему. Не сложился ли у вас какой-нибудь комплекс в матчах с товарищами по сборной?

— Надеюсь, нет. Просто в тех встречах соперники были сильнее. Прошло то время, когда у нас в стране был только один классный теннисист. (Речь о Бьерне Борге.— *Авторы*.) Теперь их добрый десяток...

— Вас считают игроком оборонительного плана...

— Отчасти это верно: мне лучше удается игра на задней линии. Но в последнее время стараюсь обогащать и свой атакующий арсенал, разнообразить тактику. Распространенное мнение, что все шведы — приверженцы игры на задней линии, неверно. Среди наших молодых ребят немало тех, кто отлично чувствует себя у сетки.

— Публика привыкла видеть серьезного, спокойного, невозмутимого Виландера. Вы такой и в жизни или только на корте?

— В жизни, я думаю, эти качества проявляются не в такой степени. Я привык относиться серьезно к делу, которым занимаюсь, и поэтому, выходя на корт — все равно, на игру или на тренировку,— привык внутренне собираться, подавлять эмоции.

— Вы честолюбивы?

— В общем, да. Я люблю выигрывать, люблю показывать красивый теннис. Мое честолюбие в том, чтобы стремиться победить в каждом турнире.

— И в том, чтобы стать теннисистом номер один?

— Как это ни странно, нет. Конечно, стать лучшим в мире было бы неплохо, но такую цель я перед собой не ставлю. Я не из тех, кто стремится стать лучшим лю-

бой ценой. Я знаю теннисистов, которые пробегают каждый день десятки километров, соблюдают строжайшую диету, чтобы поддерживать спортивную форму на высочайшем уровне. Бессспорно, это заслуживает уважения и преклонения, но такие методы не для меня... Главное, чтобы все — и игра и тренировки — было в радость.

— Бывали ли случаи, чтобы вы, проиграв матч, все же оставались удовлетворенным?

— Конечно! Если даже я уступил, но получился зрелищный, захватывающий матч, который надолго останется в памяти, то я не расстраиваюсь...

Илие Настасе

Этот румынский теннисист входил в элиту мирового тенниса в течение многих лет. Король тенниса в 72—73-м годах. В 1973 году возглавлял десятку сильнейших теннисистов мира. Год спустя был десятым. В 1975-м — седьмым, в 1976-м — третьим: вслед за Джимми Коннорсом и Бьерном Боргом. В 1977-м — снова вошел в десятку — занимал девятую строчку. Продолжает выходить на корт и сегодня. Правда, силы уже не те, скаживаются годы. Но и в 1985-м он по-прежнему входил в списки АТП — был 430-м. А ведь родился он в 1946 году (19 июля, в Бухаресте).

Одна из самых ярких и противоречивых фигур мирового тенниса. И, безусловно, своеобразный чемпион по числу всякого рода происшествий и скандалов. Известен как один из наиболее привередливых и сварливых игроков. Цепляет соперника, чтобы тот ответил и можно было зацепиться за реплику и выдать в ответ что-то лихое, о чем потом говорила бы публика. Часто при этом терял чувство меры и прямо оскорблял людей.

Тренер. Но теннисист Настасе был превосходный. Я видел его вблизи в матче Кубка Дэвиса, который наша команда проводила в Румынии. Я был тогда еще за-

пасным. Илие играл против Метревели и Какулия. Он делал с мячом почти все, что хотел. Играл за счет высокой техники, феноменального передвижения по корту, ритма, пластики. По характеру своему Настасе — импровизатор. Творец. Но был у него и недостаток — он не смотрел на мяч и потому не мог играть против такого теннисиста, как Борг, который при ударе постоянно закручивал мяч: если не до конца следишь за мячом, то не играешь центром ракетки.

Успехи румынского теннисиста были очевидны. И все-таки самые высокие вершины ему не покорились. Он, например, ни разу не выиграл личный турнир в Уимблдоне. Считаю, только потому, что его подводило собственное разгильдяйство. Однажды он едва не победил в этом турнире, в решающем поединке в решающем сете матча со Стэном Смитом вел, выиграл подачу со-перника, но его великое самомнение сыграло с ним дурную шутку: он решил, что победа в кармане, и расслабился.

Популярность Илие была велика, особенно на его родине. В Румынии на его тренировки продавали билеты. Но и свою публику он не уважал, мог оскорбить зрителей, восторженно его приветствующих.

Обожал всякие розыгрыши.

Уимблдон склонен к консерватизму, и судьи здесь пожилые. Однажды одну старушку разморило на солнце, и она уснула. Настасе поднял стул и перенес его в тенек.

В паре любил играть с Коннорсом. Эти теннисисты дружили. Однако в парном разряде могли бы достичь большего. Пара для них была лишь отдыхом, развлечением. Друг друга эти мастера, вместе выходя на корт, не столько поддерживали, мобилизовывали, сколько смешили и расслабляли. Однажды, например, они вышли в цилиндрах и разноцветных майках под номером тридцать пятый. Один в красной, другой в синей — хотели эпатировать чопорную британскую публику. Судья сде-

лал им замечание, напомнив, что в Уимблдоне в цветной форме играть нельзя. Оба спорить не стали и сняли цветные майки, под которыми была белая форма. Но цилиндры оставили — об этом, мол, ничего в правилах не говорится. Клоунада эта закончилась тем, что они проиграли Пиличу и Боллу в пятом сете 11:13.

Другой эпизод. Тот же Уимблдон. Дождь. Настасе обращается к судье — скользко, на таком покрытии играть нельзя. Судья отвечает — матч продолжается. Тогда Илье поднимается на третий или четвертый ряд, берет у какой-то девушки зонтик и идет на прием подачи.

На самом популярном и, пожалуй, престижном турнире и самые строгие правила, давно устоявшиеся традиции, и потому, наверное, наиболее шумные эскапады Настасе связаны с Уимблдоном.

Однажды он, нарушив все правила, вышел разминаться на Центральный корт. Главный рефери Уимблдона Майк Гибсон просит Настасе покинуть корт, иначе его снимут с соревнований.

Румынский теннисист не замечает судью. Когда же Гибсон повторил требование, Настасе повернулся к нему и спросил:

— Кто вы такой?..

— Я — капитан Гибсон...

— А я,— отвечает Настасе,— майор румынской армии, и вы не можете мне приказывать...

Вот и ходят по сию пору рассказы и легенды о прошлых знаменитого теннисиста.

ДЕНЬ ПЯТЫЙ — И ПОСЛЕДНИЙ

ПОБЕДА

Буэнос-Айрес

Журналист. Команда разделилась на две группы.

Те, кто улетал прямым рейсом в Москву, о победе Чеснокова узнали в аэропорту Дакара: на имя представителя Аэрофлота пришла для передачи теннисистам телеграмма.

Аргентинские газеты писали:

«Кубок Дэвиса стал для аргентинцев настоящим кошмаром из-за Андрея Чеснокова, который привлек всеобщее внимание».

«Советская команда — это настоящая команда, и Чесноков с его великолепной хваткой, хладнокровием и собранностью поставил точки над i».

А спустя несколько дней в Москву пришло письмо из Буэнос-Айреса, в котором Хуан Хосе Васкес, Эдуардо Молине о'Коннор, вице-президент Ассоциации тенниса Аргентины, и ее секретарь Дж. Риваль поздравляли Федерацию тенниса СССР «с победой вашей команды над нашей сборной в матче Кубка Дэвиса... Было истинным удовольствием принимать вашу делегацию благодаря прекрасному поведению ваших игроков, капитана и делегатов, как спортсменов и джентльменов. Это был приятный визит, о котором мы будем помнить всегда».

ВРЕМЯ ОЦЕНОК: «НЕДОСТАЕТ ПРАКТИКИ»

Журналист. Накануне отлета из Буэнос-Айреса я разговаривал с Николой Пьетранжели. Главный судья давал мне, как мы заранее условились, официальное ин-

тервью — вообще-то мы разговаривали каждый день, и не по одному разу.

Он сказал:

— Я исхожу из очевидных фактов, а факты заключаются в том, что ваша команда выигрывает у аргентинцев. И это говорит о том, что ваши теннисисты сильнее. Я бы мог особо подчеркнуть чрезвычайно корректное, истинно джентльменское поведение советских теннисистов на корте и за пределами корта. Но, видимо, сейчас вас больше интересует профессиональная оценка игры этих ребят. Считаю, что команда сильная. Но особенно сильна она потенциально. Если вы начнете регулярно, а не от случая к случаю, играть не только сами с собой, не только в чемпионатах своей страны, но и на международной арене, если вы расширите круг соперников и повысите их ранг, то есть будете встречаться с самыми сильными мастерами, ваша команда наберет большую высоту. В чем слабость и Чеснокова, и Зверева, и Леонюка — всех тех, кого я здесь видел? В том, что их игра в определенных ситуациях бесхитростна, им не хватает опыта, недостает практики. И опыт и практика придут, повторяю, если вы начнете играть с зарубежными соперниками все более высокого класса, если вернетесь хотя бы к тем временам, когда я играл во многих турнирах с моим другом Александром Метревели. Мы встречались на кортах в разных странах...

Суждение Николы Пьетранжели не были для меня неожиданными. Летом 1983 года в Юрмале проходил чемпионат Европы по теннису. После окончания турнира я разговаривал с международным арбитром Фрэдом Райхаром из Югославии. Это был, кстати, шестой чемпионат континента, на котором работой арбитров руководил Райхар. И он тогда высказывал соображения, которые почти дословно повторил два с лишним года спустя другой арбитр:

— Вашим теннисистам надо играть. Надо больше

играть. Не только друг с другом, но прежде всего со спортсменами других стран. Ваши лидеры научились сравнительно легко обыгрывать своих постоянных соперников. Может быть, и потому, что хорошо их знают. А новый соперник всегда неудобен, поскольку к нему еще не привыкли, не приспособились... Играя, теннисист расстет, приобретает опыт, повышает мастерство, в том числе тактическое. У вас интересные молодые спортсмены. Им надо играть...

Скорее всего оба моих собеседника правы. И вправду, опыт у наших нынешних ведущих мастеров невелик. И прежде всего потому, что они мало играли.

В чем советские теннисисты уступают ведущим игрокам, входящим в мировую десятку? Да прежде всего в том, что сильнейшие мастера проводят ежегодно по тридцать-сорок матчей такого уровня и накала, которые выпадают на долю советских спортсменов два-три раза в году. И это еще в лучшем случае!

А ведь при прочих равных условиях спортсмен расстет за счет крепкой, устойчивой психики, навыка борьбы, а не за счет того, что бесконечно посыпает на тренировке мяч справа налево или слева направо. Схватка на корте, трех-четырехчасовая, закаляет характер.

В современном теннисе преуспевают только те, кто прошел горнило ожесточенной борьбы.

Обстоятельства же сложились так, что примерно с 1977 года наше участие в турнирах, проводимых Международной Федерацией тенниса, резко сократилось. Тому были свои объяснения и причины. Достаточно серьезные...

Тренер и журналист. Вадиму Борисову, Сергею Леонюку, Константину Пугаеву и Александру Звереву, то есть тем теннисистам, которые пришли на смену поколению Александра Метревели, так же, впрочем, как и Елене Елисеенко, Наталье Чмыревой, Марине Крошиной, Юлии Сальниковой, в какой-то степени не повезло. Оговорка эта нужна, и продиктована она не нашей

осторожностью, а тем, что ни мы, ни кто-либо другой так и не выяснили истинных возможностей этих одаренных спортсменов. В силу ряда причин советские теннисисты практически отошли лет на семь от участия в крупнейших международных турнирах, и эта изоляция от большого тенниса не позволила талантам раскрыться, найти и утвердить себя. Едва ли ошибемся, утверждая (хотя понимаем, что нет у нас и достаточных доказательств), что Борисов и Пугаев, предоставь им вовремя возможность играть, могли бы в многочисленных соревнованиях, проводимых в рамках «Гран-при», претендовать на места в двадцатке сильнейших теннисистов мира.

В той же, если не в большей мере, это предположение верно и в отношении Зверева, Леонюка и их сверстников. Они потеряли особенно много, поскольку этот тайм-аут пришелся на самые перспективные и лучшие годы жизни теннисистов! Александр и Сергей практически не играли с 19 до 24 лет.

В первой половине 80-х лед тронулся, однако возможности оставались весьма ограниченными, жестко ограниченными, и сколько-нибудь сносные условия удалось тогда создать только четверым — Борисову, Пугаеву и более молодым Александру Звереву и Сергею Леонюку. Они чаще других принимали участие в международных турнирах, чаще встречались с сильными соперниками, и неудивительно, что эта четверка заметно оторвалась от других наших теннисистов. Четыре лидера были, что называется, рядом друг с другом, потому что играли в равном числе турниров, да и степенью одаренности были схожи. А отданы мы предпочтение одному, этот игрок опередил бы своих товарищей.

Кстати, если бы в свое время была возможность отправить эту четверку играть в максимально требовавшемся для их роста числе турниров, то в такой ситуации на первый план вышел бы уже талант игроков, и кто-то, вероятнее всего, опередил бы своих партнеров.

Играя, теннисист растет. Наши ребята в свое время

побеждали чехословацких своих коллег Томаша Шмидя, Милослава Мечиржа, Либора Пимека, но потом заметно отстали от них — только потому, убежден, что те много играли.

ЛЕД ТРОНУЛСЯ

Журналист. Однако в самое последнее время советские теннисисты стали все чаще и чаще появляться на международной арене, принимать участие в самых серьезных турнирах. И если вспомнить только 1985 год, то можно назвать несколько интересных турниров. Скажем, Универсиада в Кобе, где наши спортсмены выступили превосходно, где Александр Зверев стал чемпионом и в личном зачете, и вместе с Сергеем Леонюком — в парном разряде. Там же уверенно сыграли и наши девушки: турнир выиграла Лариса Савченко, а вместе со Светланой Пархоменко она завоевала и вторую золотую медаль Универсиады. Лишь в миксте наши мастера были серебряными призерами — Пархоменко и Леонюк проиграли румынам Даниэле Мойше и Флорину Сегерчану.

В 1985—1987 годах советские теннисисты выступали и на нескольких турнирах серии «Гран-при»: в Стамбуле, в Швейцарии. Андрей Чесноков произвел хорошее впечатление на соперников и знатоков на открытых чемпионатах Франции и США в 1986 году. На кортах Ролан-Гарро он переиграл Матса Виландера и Элиота Телчера, бывшего в ту пору десятой ракеткой мира. После матча Кубка Дэвиса в Буэнос-Айресе Александр Волков выступал, и успешно, в нескольких турнирах в ФРГ, Сергей Леонюк — в Норвегии, Андрей Чесноков, Александр Зверев и Андрис Высанд на турнире «Гран-при» в Финляндии, причем Чесноков (первый такой успех советских спортсменов на быстрых кортах за последние годы) выиграл тот турнир, победив соперников, стоящих в таблице мировой классификации выше его.

В 1987 году Чесноков выиграл крупный международный турнир во Флоренции.

Довольно удачными эти годы были и для девушек. Они прочно закрепились на высоких позициях, в частности, Савченко и Пархоменко пробились в 1987 году в полуфинал Уимблдона: этот дуэт входит в мировую десятку. Конечно, хотелось бы, чтобы и в игре наших теннисисток был более заметный прогресс.

Успешно в 1986—1987 годах играли не только наши лидеры, но и совсем молодые теннисисты: Андрей Черкасов, Владимир Петрушенко, Наташа Зверева, Лейла Месхи.

БУДЕМ ОПТИМИСТАМИ!

Журналист. У нас кортов пока, к сожалению, недостает. Не только травяных или крытых, где можно играть круглый год, но и летних, не требующих вроде бы больших затрат. Разумеется, мастерам надобны площадки специально оборудованные, ухоженные, возможно, если речь о закрытых помещениях, с превосходным наисовершеннейшим синтетическим покрытием. Но сейчас я хотел бы вспомнить про нас, рядовых физкультурников. В теннис можно играть и на деревянном покрытии, и на травяном, и на гаревом. Можно на асфальте и на бетоне.

Конечно, лучше играть на ухоженных кортах, покрытых, скажем, «тенниситом». Конечно, хочется играть круглый год. Но... Подождем. Потерпим. Да, зима в наших краях долгая, едва ли не полгода мешают теннису снега, слякоть, распутица, но в другую-то половину года климат вполне позволяет играть на открытых кортах. Не только мастерам, но и нам, рядовым, начинающим поклонникам тенниса.

Однако эта игра стала теперь всесоюзным видом спорта. В теннис играют круглый год. И речь не только о ведущих мастерах, выступающих в турнирах в Южном

полушарии в декабре или январе, не только о турнирах, проходящих в тропических странах, где корты к услугам спортсменов едва ли не все 12 месяцев в году. Речь о массовом теннисе. Том теннисе, который прячется зимой в закрытые помещения.

Я был в гостях у одного из самых известных теннисистов в истории Аргентины вице-президента Ассоциации тенниса страны Энрике Мореа. С 1946-го по 1960 год он входил в обойму лидеров мирового тенниса, был призером чемпионатов Англии и Франции. И громаднейшая домашняя коллекция его личных призов напоминает коллекций, украшающие иные стадионы или процветающие клубы.

Он интересовался советским теннисом. Мой собеседник плохо представляет себе нашу страну, слышал только, что у нас лютые морозы, мешающие заниматься спортом. Очень удивился, когда я рассказал ему, между прочим, что у нас есть и громадные крытые футбольные стадионы в Москве, Ленинграде, вмещающие до 30 тысяч зрителей, которые, по мнению президента ФИФА Жоао Авеланжа, позволяют проводить в них чемпионаты мира в закрытых помещениях.

Мореа спросил:

— Ну а почему же вы тогда не идете по тому пути, которым пошли многие страны, Швеция, в частности?.. У них ведь тоже продолжительная зима, именно потому там играют преимущественно в закрытых помещениях. Не обязательно во Дворцах спорта. Но и на кортах под крышей из прочных тканей, например. Почему бы и вам не культивировать теннис в закрытых помещениях? Вы смогли построить громадные футбольные стадионы, где можно играть зимой. Значит, вам вполне по силам и превосходные теннисные корты...

По силам. Вполне по силам. Пока, к лету 1987 года, было у нас 80 крытых кортов и около трех тысяч открытых, но теперь их число возрастает. Газеты пишут о вводе в строй все новых и новых теннисных стадио-

нов, и мы как само собой разумеющееся встречаем сообщения о том, например, что университет в Харькове построил сразу девять кортов, что в Риге создан теннисный кооператив, в Пярну сооружены шестнадцать новых площадок, что два десятка теннисных площадок, многие из которых созданы руками энтузиастов тенниса, действуют в одном только Ленинградском районе столицы, а летом к ним добавляются еще 40 кортов, размещенных на хоккейных площадках при школах, что первый искусственный травяной корт строится с помощью американской фирмы «Монсанто» на месте прежнего асфальтового на московском стадионе «Динамо». Сейчас берем уроки, а потом, несомненно, и сами станем учить других...

У НАС СВОИ ТУРНИРЫ

Журналист. Воспоминания о турнирах, о которых сегодня мало кто помнит, но без которых немыслима история советского тенниса. Такой подзаголовок, будь он короче, можно было бы дать этой главке.

Чемпионаты Европы — особые состязания, их трудно сравнивать с другими соревнованиями. Эти турниры стоят особняком, представляя собой, по существу, своеобразный парад молодых и юных дарований; здесь на смотр собираются по преимуществу молодые спортсмены-любители, завтрашний день европейской теннисной элиты.

А вот для советских теннисистов чемпионаты Европы были в течение многих лет определяющими, главными соревнованиями.

Готовились к ним особенно серьезно, ибо знали в основном только одно это соревнование, поскольку наша теннисная жизнь сводилась практически лишь к участию в чемпионатах континента и розыгрышах командных кубков, таких, как Кубок Дэвиса у мужчин и Кубок Федерации у женщин.

Для советских теннисистов разных лет чемпионаты Европы — целая история, поскольку они жили от одного такого турнира до другого, и при очевидной бедности на яркие события воспоминаний о чемпионатах Европы хватало надолго.

Тренер. Из памятных матчей, сыгранных в разное время на чемпионатах Европы, один из наиболее запомнившихся — тот, в котором встречались наши соотечественники — Александр Метревели и Теймураз Каулия.

Метревели обыгрывал своего соперника регулярно: и загадок они друг для друга не представляли, поскольку тренировались вместе. Все мы привыкли, что матч друзей выигрывает Метревели, а Александр, тоже привыкший к этому, не ожидал, что Каулия окажет вдруг ему упорное сопротивление и сумеет найти верный ключ к победе. Но Теймураз смог проявить такую энергию, такой натиск, что поверг Метревели в совершеннейшее изумление. Я впервые увидел тогда нашего лидера растерянным: конечно, поражения в его долгой спортивной жизни случались, но чтобы уступить золотую медаль чемпиона Европы своему приятелю, обычно традиционно обыгрываемому...

Самым обидным, если продолжать воспоминания о чемпионатах Европы, считаю поражение Натальи Чмыревой от Мими Яшовец из Югославии в том же 1976 году. Чмырева играла матч блестяще, имела три матчбола, но Яшовец все-таки сумела вырвать победу.

А вот несколько, скажем, комичных ситуаций, случившихся на чемпионатах нашего континента и заставивших меня задуматься о самых серьезных проблемах современного тенниса, в том числе о роли тренера, о самостоятельности игрока, об умении спортсмена не только творчески вести поединок, но и творчески, неожиданно решать ситуации, возникающие на корте.

Каулия встречался с теннисистом из ФРГ, и этот матч складывался для него успешно — выиграв первый сет 6:0, он вел и во втором — 4:0. И в этот момент мне

сказали, что Борисов проигрывает матч сопернику из Италии и просит помощи.

Я покинул Теймураза и направился к Борисову. Подошел к корту, когда был переход, и сел рядом с Вадимом: тогда тренеру разрешалось находиться рядом с теннисистом и помогать ему советом и подсказкой. Спрашиваю, что происходит, и он отвечает:

— Все... Проиграл... Потом расскажу...

Но «потом» для меня быть не могло. Надо было все понять немедленно, чтобы откликнуться на зов о помощи, о котором сам Борисов сейчас уже забыл.

Я увидел, что Вадим почти невмением, он не отдавал себе отчета в собственных действиях. Требовались какие-то неординарные действия. Нужна была, понял я, пауза, чтобы снять, сбить «стресс», чтобы игрок пришел в себя. Надо было переключить его внимание, как-то удивить, озадачить Вадима.

Я наступил на ракетку Борисова.

Судья объявил, что пора выходить на корт, Борисов попытался вырвать ракетку, но я шепнул ему:

— Сиди...

Вадим попробовал поднять ракетку, встать, но я не уступал. Повторил:

— Сиди!..

Судья объявил ему одно предупреждение, а затем другое. Борисов понял, что его могут снять с соревнований, и потому вдруг сразу успокоился, остыл и спросил почти обычным голосом:

— Но я же проиграл, что делать?..

Он несколько остыл, психика, наверное, как говорят в таких случаях, «подсела».

Я игры не видел, что происходило на корте, не знал и потому ответил:

— Если ты проиграл, то пожми руку сопернику и судье и уходи в раздевалку. Но лучше пусть тебя соперник обыграет, а не ты сам себя... Заставь его поработать... Попробуй подержи мяч в игре...

Счет был 1:4, следующий переход, через два гейма, при счете 2:5.

Борисов успокоился, и можно было спокойно подсказывать, что делать. Можно было управлять им. Завязалась борьба, и в конце концов Борисов одержал победу — 8:6, 6:2.

Такие решения, не слишком, может быть, спортивные, отыскиваются людьми, искушенными в игре, в борьбе нервов, когда начинаешь глубже понимать и теннис, и людей, играющих в него, начинаешь постигать характеры спортсменов, видеть их слабости и достоинства.

Кстати, тот день закончился все-таки для меня печально. Когда Борисов завершил матч, когда мы торжествовали победу, наконец вспомнил про встречу Теймураза Каулия с теннисистом из ФРГ. Я ушел, когда Теймураз, выиграв первый сет 6:0, вел во втором 4:0, а в пятом гейме счет на его подаче уже был 40:0. Исход матча был очевиден, и я не знал только окончательного результата.

Оказалось, Теймураз проиграл.

Другая история, случившаяся на международном турнире.

Борисов встречался с Божидаром Пампуловым из Болгарии. Вадим проиграл первый сет и уступал во втором 1:4. Волей обстоятельств, имеющих отношение к нашему рассказу, на соседнем корте играл, не улыбаясь, все тот же Теймураз Каулия. Играли против Яноша Беника: велась равная, напряженная борьба.

Ко мне прибежали и сказали, что Борисов плачет. Проигрывая Пампулову, просит помощи.

Мчусь к Вадиму.

Вне себя, вспыльчивый Вадим, увидев меня, крикнул:

— Соперник делает «зашаг»... А судья не судит...

Борисов в крайне нервном состоянии.

Ситуация загадочная.

В таких случаях надо быстро принимать кардинальное решение.

Но какое? И вообще, что происходит? Не могу, поддаваясь эмоциям, бросаться на защиту «своего».

Стоп, стоп!

Как может теннисист видеть «зашаг» на той стороне? Скорее всего это ему кажется. Впрочем, игрок может и заранее знать, что его соперник часто делает «зашаг». Борисов вспомнил об этом сейчас, проигрывая, отыскивая причины неудачи, думает, что здесь-то и закрыта собака, и это его взвинтило.

Я подошел к судье: надо было как-то оттянуть время, чтобы мой подопечный успокоился. Говорю, что надо более строго контролировать подачу соперника и судить «зашаги», у игрока есть претензии.

Арбитр отвечает:

— Я сижу на вышке и не могу судить безошибочно точно, что происходит там, вдали, на задней линии... Может быть, и были какие-то нарушения, но я их не заметил...

— Но тогда посадите судей на «зашаг»...

— Судей на задней линии нет...

Я подошел к Борисову и говорю, что судить заднюю линию арбитр, по его словам, не может...

Борисов снова вскипел:

— Не буду играть!.. Пусть обеспечат судей...

Я улыбнулся:

— Выход есть.. Зайди на метр на корт и подавай, благо сейчас твоя подача...

Неожиданная идея Борисову понравилась.

Он шагнул и мощно подал на вылет: соперник к мячу просто не успел. Судья объявил — 15:0.

На следующем розыгрыше очка повторилось то же самое, и счет стал 30:0.

Здесь уже Пампулов завелся: как же так, не судят заднюю линию: Борисов делает «зашаг»...

Начался спор, возникла пауза, которая, в общем-то, и нужна была нашему теннисисту. Пока решали, как судить дальше, он успокоился и в конце концов выиграл.

ЗНАКОМСТВО С УИМБЛДОНОМ

Тренер. На нынешнюю свою должность я попал, как уже знает читатель, неожиданно.

И далее начались невероятные приключения. Из огня — в полымя — это про меня. Первым турниром, где я начал свою «педагогическую» деятельность, стал ни более ни менее как Уимблдон.

Когда на Центральном корте Уимблдона встречаются два сильнейших сегодня, на данном турнире, теннисиста и в присутствии пятнадцати тысяч зрителей, понимающих толк в теннисе, происходит схватка, то это — праздник.

Вспоминаю, с каким благоговением поднимался однажды на пустые, кажущиеся потому особенно вместильными трибуны Центрального корта в Уимблдоне Крис Кристенсен — главный герой фильма «Игроки». Он выходит в финал, и ему впервые будет представлена честь сыграть на этой знаменитой арене.

Нетрудно, видимо, предположить, что сходные чувства испытывают многие игроки, выступающие в Мекке теннисного спорта.

Здешняя публика консервативна. В теннисе верность традициям строго сохраняется — от белой формы спортсменов до фиолетовых костюмов мальчиков, подающих мячи. Здесь свои нормы поведения и свои оценки. Я видел ночующих у касс людей — они мечтают приобрести билеты на самые интересные в мире, с их точки зрения, соревнования. Масса машин, припарковаться невозможно, километра три идешь пешком, чтобы попасть на трибуны корта. Интересны рапидные съемки, интересна специальная программа телевидения с комментариями бывших звезд тенниса.

Вместе с тем британская публика своеобразна. Маргарет Корт рассказывает в своей книге:

«...Английские болельщики не так хорошо знают теннис, как, например, американские или австралийские.

Англичане ведут себя словно приглашенные к вечернему чаю. На трибунах здесь всегда шепот и молчание. Если кто-то уронит монету, вы услышите, как она падает. Американские же болельщики, как и австралийские, всегда более эмоциональны».

В Уимблдоне понимаешь, что теннис — не только игра, не только спорт, где выявляются сильнейшие, но и мода, но и политика, но и определенная дипломатия, борьба за сферы влияния.

Открытое первенство Англии на травяных кортах считается личным турниром, и я отвечал не за команду, а за группу, скажем так, ведущих теннисистов. В том турнире приняли участие наши сильнейшие мастера, и я оказался счастливчиком: мне улыбнулась фортуна — понимала, видимо, что я мало еще на что способен. Ольга Морозова (конечно, я и не догадывался, что не сколько лет спустя, когда будет принято решение разделить сборную страны по теннису на две команды — мужскую и женскую, Ольга станет моей коллегой, старшим тренером сборной СССР) вышла в финал этих самых престижных в теннисе соревнований и только в последнем, решающем поединке уступила знаменитой американке Крис Эверт.

Тот поединок Морозовой с Эверт был показателен. И поучителен для начинающего тренера.

Условия борьбы на этом турнире предполагают, что вся подготовительная работа завершена до матча, а тактика спортсмену ясна во всех деталях, потому что в ходе матчей в таких турнирах тренер не может не только что-либо сказать теннисисту, но не имеет возможности и подсказать жестом.

Здесь спортсмен предоставлен сам себе. Он сам должен выяснить причины своих ошибок, справиться с волнением, найти правильное, может быть, единственно возможное решение в той или иной ситуации.

Суть настройки спортсмена на игру, психологическая подоплека подготовки сводилась к тому, чтобы снять со

спортсмена излишнее напряжение, чтобы он был внутренне раскован, чтобы значение матча, внимание к нему не стесняли игрока, не подавляли его.

Чем ближе к домашним условиям чувствует себя спортсмен, тем лучше, спокойнее и, стало быть, увереннее он выступает.

Разумеется, можно привести массу примеров, когда теннисист, напротив, выступает сильнее, если он мобилизован до предела, если испытывает он раздражение против трибун, когда он даже ожесточен против зрителей, болеющих за «своего». И все-таки главное — умение не смотреть на эти трибуны широко раскрытыми глазами, не преувеличивать их влияния, чтобы они не смогли подавить психику и стереть спортсмена в порошок.

На Уимблдоне пресса часто нагнетает ажиотаж вокруг какого-нибудь одного теннисиста. Как правило, вокруг новичка, подающего надежды. И публика горячо болеет за дебютанта. Так, например, подавали в свое время Бьерна Борга. Зритель рвался к нему. Прохода в городе ему не было. И тем более на кортах и вокруг них. Борга охраняли четверо полицейских. По-моему, в те дни он был самым несчастным человеком. Шведский мастер вынужден был матчи соперников смотреть, не выходя из раздевалки, где было установлено два телевизора,— трансляция матчей шла и с Центрального корта, и с корта № 1.

Когда Морозова в финале встречалась с Эверт, психологическое преимущество в самом начале было на стороне Крис. Привычность восприятия трибун, знакомство с обстановкой, с ситуацией финала помогли ей повести игру. Морозова в первом сете не могла освоиться, приспособиться к обстоятельствам: на это требовалось время, и потому первый сет она проиграла всухую. Равная игра началась во втором сете, когда были забыты и трибуны, и имя соперницы — остался лишь сегодняшний, реальный соперник на противоположной стороне корта.

Все душевые силы Ольги были теперь сосредоточены на корте. Мяч, атака и защита, реакция соперницы, ее ответные реплики, желание предугадать их — больше не существовало ничего. И вот тогда началась игра, та Большая игра, ради которой тысячи любителей тенниса и страждут билетов, и если Ольга все-таки уступила Крис, то счет 4:6 свидетельствует о том, что боролась она достойно. Думаю, не преувеличу ничуть, если замечу, что во втором сете была равная игра, и только более точные действия Эверт принесли ей успех.

Не могу предугадать, смогла бы Морозова выиграть, действуй она не так, а как-то иначе, но шансы у нее были — она на равных играла с первой ракеткой мира. (До этого Ольга обыграла Билли Джин Кинг.) Но Крис Эверт (потом она добавила к своей фамилии вторую, стала Эверт-Ллойд) была в прекрасной форме, и, конечно же, я не знал тогда, в 1974 году, что и 14 лет спустя, в 1988-м Крис все еще будет среди первых. А она, напомню, в июне 1986-го выиграла, как и Иван Лендл, открытый чемпионат Франции, опередив всех своих соперниц, большинство которых было на десяток и более лет моложе ее. Эта победа на парижском стадионе «Ролан Гарро» стала седьмой в спортивной биографии Крис — она превзошла достижение Бьерна Борга, побеждавшего в Париже шесть раз.

ДОСТИЖЕНИЯ ОЛЬГИ

Тренер. Тот турнир был праздником для всех нас и прежде всего для Ольги, которая проявила лучшие свои качества.

В одном из первых кругов она могла проиграть, не помню, правда, сейчас, кому именно. У соперницы был матчбол. Борьба за этот мяч была неслыханно нервной, но, как бы там ни было, Ольга устояла, сравняла счет, а затем взяла верх, и эта победа, видимо, в какой-то степени неожиданная, выстраданная, принесла нашей тен-

нистке не только выход в следующий круг, но и веру в свои силы, а вместе с тем и то вдохновение, и тот творческий взлет, которые и приводят к большим победам, позволяя игрокам подняться до самых манящих высот.

У Ольги Морозовой был превосходный личный тренер Нина Сергеевна Теплякова, которая много дала спортсменке. Она, в частности, приучила ее бороться с первого и до последнего мяча, научила упорству. никто не мог позавидовать Ольге: ей, мол, все легкодается. Теннисистка всего достигла за счет упорства, работоспособности, самозабвенных тренировок. Да, были технические недостатки в ее игре, но настойчивость, умение понимать игру компенсировали все ее недостатки. И потому работать с Морозовой было легче, чем с другими спортсменками. И есть некая справедливость в том, что именно она достигла наивысших достижений в истории советского тенниса. А успехи Ольги несомненны. Она четыре раза — с 1973 по 1976 год — входила в десятку сильнейших игроков мира, причем в 1974-м была четвертой — вслед за американками Крис Эверт и Билли Джин Кинг и Ивонной Гулагонг из Австралии. У Морозовой — наивысшие в истории нашего тенниса достижения. И мне, повторяю, повезло, что впервые на открытый чемпионат Англии я попал с группой спортсменов, в числе которых была и Ольга.

Небольшое отступление.

Несколько слов о наших девушкиах.

О женском теннисе и его проблемах мне сегодня судить немного труднее, чем раньше. Канули в вечность те времена, когда мне приходилось быть старшим тренером двух сборных — и женской, и мужской.

Но прежде я занимался женским теннисом вплотную. И с удовольствием вспоминаю, что в «мои» времена наша команда два раза была в полуфинале Кубка Федерации — это сестра Кубка Дэвиса. При мне команда проиграла только теннисисткам США и Австралии.

В одном из полуфиналов мы встречались с командой

Австралии. Играли на травяных кортах пятого континента. Проиграли, хотя и в равной борьбе, со счетом 1:2.

Чего же нам тогда не хватило, почему чаша весов склонилась на сторону соперника? Основное, что не позволило нашим спортсменам взять верх при равной, в общем, игре,— это психологическая нестойкость. Она выражается не только в недостаточно высокой волевой подготовке. Прежде всего этот недостаток наших спортсменов проявлялся в нервном напряжении, которое в ходе таких трудных поединков накапливается в ходе всего турнира постепенно — от матча к матчу. Напряжение нагнетается по нарастающей и в конце концов оказывается.

Журналист. Чем оно вызвано?

Тренер. Наверное, тем, что запас прочности у нас ниже, наши игроки менее стабильны в действиях на корте, менее уверены в себе. Все это и ведет к психологическому напряжению, а оно в первую очередь оказывается на внимании спортсменов, на его устойчивости, на зрении — знаете, как трудно следить за мячом в течение нескольких часов, не теряя из виду его ни на секунду. Этим объясняются и досадные промахи в безобидных ситуациях, а ведь в таких матчах каждое очко важно, на вес если не золота, то, по крайней мере, серебра: Кубок Дэвиса, который оспаривают теннисисты, представляет собой серебряную салатницу.

Еще одно обстоятельство.

Игра против различных соперников, представляющих разные школы и взявших на вооружение разные стили, приверженных к различным концепциям и разной игровой манере, требует большой тактической гибкости и, скажем, тактической эрудиции. А выражается она в умении найти правильное решение в решающие, самые ответственные моменты игры.

Как правило, классного игрока отличает в ходе матча то, что в критический момент он может обострить игру, выиграть очко. У больших мастеров тактическая

гибкость сочетается с психологической устойчивостью.

Наши же спортсмены, как правило, не приучены к таким напряженным баталиям и потому в самые ответственные моменты стараются сыграть наверняка. Чтобы не ошибиться, не проиграть. Наши теннисисты не готовы к риску. Играют медленнее, чтобы сыграть точнее, а оттого теряется сила удара, снижается скорость полета мяча, и у соперника появляется время для подготовки к удару и более активным действиям.

Эти два момента и повлияли на результат поединка.

В другом полуфинале наша команда проиграла теннисисткам США со счетом 0:3. В том матче мы практически не имели шансов на успех. Поединки проходили на медленных кортах, в Мадриде, нам противостояли игроки, которые имеют хорошую заднюю линию — Крис Эверт и Трейси Остин. Для этих спортсменок не существует никаких трудностей в том, чтобы держать мяч в игре. Сколько надо, столько и будут они, нагнетая темп, продолжать разыгрывая очка с задней линии, выискивая тактические варианты, которые позволили бы измотать соперницу физически и лишить ее уверенности. И это была правильная тактика, поскольку Ольга Морозова, Ольга Зайцева и Наталья Чмырева, представлявшие нашу команду, считались приверженцами атакующего стиля игры, предпочитавшими играть с лета. И естественно, что, когда им противостояла первая тогда теннисистка мира, превосходно играющая на задней линии, нашим девушкам просто не хватало технических и тактических ресурсов, чтобы переиграть эту выдающуюся спортсменку.

Эверт в игре отличало то, что она вводила в заблуждение соперницу, сама того, пожалуй, и не желая. То есть, желая, конечно, но умышленно к этому не стремясь. Броде бы нашупали вы в ее действиях слабость: не любит она короткий косой удар под левую руку, начинаете претворять свой план в жизнь, но Эверт на-

столько быстро адаптируется к сопернику в ходе матча, настолько быстро и успешно перестраивается, что эта «дыра» через два-три гейма таинственно исчезает. И это достоинство, несомненно, свидетельствует о мобильности Эверт и ее хороших адаптационных качествах.

Хладнокровие, тонкая мышечная чувствительность позволяли ей делать с мячом все, что она хочет. И если Крис не часто играла с лета, то не потому, конечно, что не умела, а потому, что предпочитала другое оружие. Склонная к универсальной игре, она искала и находила удовлетворение и радость в долгом, тактически умном розыгрыше очка с редкими выходами вперед.

На одной из тренировок во время розыгрыша Кубка Федерации я рассердился на наших девушек за то, что они недобросовестно выполняли какое-то упражнение. И сказал Юлии Кашеваровой и Ольге Зайцевой:

— Пойдите посмотрите, как играет на тренировке Остин, засеките время и скажите, на какой минуте она сделает первую ошибку...

Когда они вернулись, дождавшись ошибки Остин, я спросил у Юлии:

— Ну на какой?..

Она ответила:

— На десятой...

Это говорит о том, насколько продуктивно проходит тренировка и с каким старанием спортсменка тренируется, усиливая игру, насколько ее тренировочный процесс по содержанию, по своей организации близок к соревнованиям.

Почему я вспоминаю свой первый приезд в Мекку теннисного спорта?

Тот турнир в Уимблдоне сулил немало надежд. Эмоционально он был благоприятен для начинающего тренера. Но мы хорошо видели, насколько сильны соперники, и эта реальная оценка соотношения сил снова безжалостно напоминала о проблемах, стоящих перед отечественным теннисом. Напоминала о наших острых

проблемах, не допускающих отлагательства в решении, о заботах, увы, уже постоянных, о том, чем надлежит заняться новому тренеру сборной СССР.

Вместе с коллегами я должен был трезво оценивать наши перспективы и работать, работать, работать, чтобы поднимать уровень игры ведущих, если хотели мы сопоставлять их класс с теми требованиями, что предъявляет мировой теннис.

Я не знал тогда еще, что впереди самые трудные испытания, что ждет наш теннис через пять-шесть лет.

Я ничего этого не знал и потому думал только о предстоящей работе.

Были у нас два-три первоклассных мастера. А дальше — пустота. Резервы были только отдаленные, перспективные.

И все-таки преобладали радостные чувства, светлые надежды: не было у меня ощущения безысходности, которое, не стану тантить, скоро на какое-то время овладело мною. Оптимизм объяснялся не моей неопытностью. Он продиктован был реальным положением дел — успехами наших многочисленных лидеров.

В теннисе годами складывалась гегемония нескольких стран — Англии или Франции, США или Австралии. И тем не менее мы в этом сложном мире были не на последних ролях. Лучшие матчи Метревели и Морозовой доказывали, что и с бесспорными лидерами мы можем бороться на равных. В других видах спорта советские спортсмены, дебютируя на Олимпийских играх, оказались удачливым соперникам с давними олимпийскими традициями обреченными на долгие годы неудач, но тем не менее гимнасты и легкоатлеты, штангисты и боксеры, борцы и футболисты, лыжники и конькобежцы, хоккеисты, стрелки побеждали самых титулованных соперников. Так почему бы и нам, только недавно вышедшим на мировую арену большого тенниса, не дерзнуть?!

Эта мысль тонизировала, вдохновляла, позволяла надеяться на близкие успехи: я верил, что, опираясь на

плечи ветеранов, сокращая, спрессовывая, подгоняя время, наша молодежь, закаляясь в турнирах все более высокого уровня, наверстаает упущенное, возьмет свое.

Оптимисты мы и сегодня.

Тем более что основания для этого появляются у нас все чаще.

ТОТ ЖЕ — И ИНОЙ

Тренер и журналист. По своему содержанию, по стилю теннис менялся от года к году.

На смену универсалам типа Рода Лэйвера, Роя Эмерсона, Кена Розуолла, Илие Настасе приходят игроки силового типа — Джон Ньюкомб, Стэн Смит, которые за счет мощи атаки разрывали паутину хитрых комбинаций. Но и эти мастера задержались на первых ролях недолго — их потеснило поколение Бьерна Борга. Новые лидеры заставили теннисистов играть иначе, на «уровне плеча», принимая мяч в неудобной, как казалось раньше, точке. А это послужило сигналом к освоению сверхкрученых, особо надежных ударов. «Железного» шведа отличала абсолютнейшая надежность в исполнении технических приемов, а психику его, необыкновенно устойчивую, сравнили с психикой тринацатилетнего ребенка. Он в психологическом плане не уставал никогда, мог играть восемь часов кряду.

Но время неумолимо, и на смену Боргу и теннисистам его плана приходят иные лидеры — Иван Лендл и другие более быстрые мастера. По сравнению с игроками предыдущего поколения Лендл, Джон Макинрой, Матс Виландер, Борис Беккер, Пэт Кеш показались зрителям теннисистами, играющими в другую игру. Они все делали на более высоких скоростях, а главное — прогнозировали, предугадывали направление атаки и потому успевали предпринимать меры для контригры. И это приносит теннисистам нового поколения победы: если ты опережаешь соперника в подготовке удара, при-

еме мяча хотя бы на несколько сотых долей секунды, значит, у тебя больше возможностей исполнить несколько вариантов удара.

Разнообразие технических приемов, поиск разных ответов — условие успеха в современном большом теннисе. Когда Бьерна Борга в свое время спросили, кого он считает самым талантливым теннисистом, он, подумав, ответил: Илие Настасе. И пояснил: если у меня в сложных игровых ситуациях есть несколько вариантов удара, у него — всегда на один больше.

Заметим попутно, что ведущие мастера тенниса, как правило, за словом в карман не лезут.

Когда, например, того же Настасе спросили, как он расценивает игру Бьерна, румынский мастер ответил более эффектно:

— Все мы играем в теннис, а во что играет Борг — я не знаю...

Два абсолютно разных направления, два несходящихся течения в теннисе заметны не только специалистам, но и зрителям.

Одним большим мастерам может нравиться это направление игры, другим — второе, но пристрастие к той или иной школе вовсе не говорит о том, что мастер станет настаивать на безусловной, безоговорочной верности именно его стиля, его истолкования природы игры. Суть современного, сегодняшнего развития тенниса как раз в том, что, по существу, приемлемы все направления и все стили игры, и именно сочетание всех качеств, всего комплекса слагаемых тенниса позволяет спортсмену надеяться на стабильные успехи.

В столкновении различных школ и стилей рождается... Хотели было сказать «истина», но не станем толковать об истине как единственно верном ответе в многосторонней дискуссии. Истина в теннисе в том, что может быть несколько истин. И потому споры — как теоретические, так и практические — бесконечны.

Эпизод из истории тенниса. Американский теннисист

Гарольд Соломон выиграл один из профессиональных турниров серии «Уорлд чемпионшип теннис». В финале он играл против новозеландского теннисиста Онни Паруна и выиграл 6:3, 6:4. После матча его спросили, почему он за два сета ни разу не вышел к сетке, Соломон ответил:

— Теоретически доказано, что сеточник не может обыграть игрока задней линии. Сегодня я хотел доказать это практически...

Внимательный анализ истории и сегодняшнего дня противоборства разных стилей, изучение всей многокрасочной картины тенниса создают возможность предугадать хотя бы теоретически идеальный образ теннисиста будущего. Для этого надо немного. Или — если хотите — бесконечно много: попробовать определить долю тех или иных стилей, школ, игры, достоинств ведущих мастеров. Ответ, конечно, очевиден: идеальный теннисист будущего должен обладать суммой многих качеств.

Читателя устраивает такой ответ?

Нас — тоже. Но другого мы просто не знаем. Уверены лишь в том, что для постоянных успехов необходимы два, по крайней мере, достоинства. Прекрасная теннисная психика: отменная мобилизация нервной системы, во-первых, а во-вторых, идеальная функциональная подготовка. Но едва ли не столь же важны и другие качества. Врожденный талант, например. Безупречный волевой настрой. Важно, конечно же, и честолюбие, стремление к высоким целям. Не случайно говорят, что у теннисиста должны быть руки боксера, ноги бегуна, сила штангиста, интеллект шахматиста, отвага альпиниста, нервная система космонавта.

Тренер. У теннисиста должна быть и превосходная реакция. Мяч, поданный сильнейшими мастерами мира, летит примерно со скоростью 150—200 километров в час. Да еще искусно подкрученный. Это гораздо быстрее, чем шайба после щелчка хоккеиста. А не успеешь среаги-

ровать — нечего делать на корте. Кстати, однажды на спор яостоял в воротах целый период: мне не забросили ни одной шайбы, хотя в хоккее в воротах я никогда прежде не играл. Стало быть, реакция теннисиста оказалась вполне достаточной, чтобы не посрамиться на фоне вратарей хоккея...

Тренер и журналист. Продолжим перечисление условий, которым призван отвечать классный теннисист. Он должен быть хорошим спринтером, уметь делать рывки, играть в «рваном» ритме. А пластика движений? У теннисиста она не хуже, чем у прыгуна.

А владение ракеткой — основа основ тенниса?

Теннис беспределен в своем развитии, и об этом свидетельствует хотя бы одно обстоятельство, что техническое оснащение игроков мировой десятки кажется фантастически разнообразным, бесконечно совершенным, и вместе с тем оно далеко пока от совершенства.

Аксиомы остаются незыблемыми, но поле для творчества, для фантазии есть всегда.

В перспективе теннис заставит скорее всего пересмотреть многие взгляды на игру.

Истины окончательной найдено не будет: верим в неисчерпаемость тенниса. Однако некоторые закономерности все-таки будут напоминать о себе все более настойчиво: не может, например, преуспевать в теннисе игрок медленный, не обладающий высокой скоростью передвижения по корту и быстрой мышления.

Не может стать первоклассным мастером человек не пластичный. Не станет большим чемпионом тот теннисист, который плохо прогнозирует игру. Предвидение хода событий на корте — основа побед. Если игрок создает запас времени перед ударом, значит, он успевает технически выполнить все, что он хочет, и стать истинным кудесником мяча.

Интерес к теннису, к его психологии, к борьбе на корте растет постоянно. В том числе и в нашей стране.

ЛИДЕР

Журналист. Теннис, между прочим, интересен и тем, что многое в этой игре зависит от одного матча, от одного гейма, сета, мяча.

Для битв на корте характерны эпизоды, когда на первый план выходит вроде бы случайность. Бывает нередко, что спортсмен, уступая в счете, оказавшись, в сущности, в безнадежной ситуации, выигрывает тем не менее с матчболом:

В теннисе нет безнадежных положений. Нет непобедимых соперников. Да, твой сегодняшний соперник стоит на компьютере значительно выше. Да, его авторитет в мире тенниса велик. Все верно. Но верно, так сказать, в принципе. А истина всегда конкретна. И авторитет должен еще доказать, что он и вправду сильнее соперника не вообще, а сегодня. В данную минуту, когда мяч на корте.

Не верит в авторитеты Андрей Чесноков. И правильно делает. Пусть соперник докажет ему, что он сильнее.

В мае — июне 1986 года в Париже на знаменитых кортах «Ролан Гарро» проходил открытый чемпионат Франции. Матчи проводились на кортах с грунтовым покрытием: турнир тот считается неофициальным первенством мира на земляных площадках. Тренер поставил перед Чесноковым задачу выиграть турнир.

В основную сетку были включены или пробились 128 теннисистов. После каждого круга число их сокращалось вдвое.

На старте соперником Андрея по воле жребия стал представитель шведского тенниса — Йонас Свенссон, ровесник Чеснокова. По итогам 1985 года Свенссон был на компьютере 122-м (Чесноков — 136-м). В поединке, который был охарактеризован в печати как «очень напряженный и нервный», наш теннисист выиграл 6:3, 2:6, 6:4, 6:2.

В следующем круге Андрей одолел спортсмена из ФРГ Рики Остертуна. Рики на два года старше Чеснокова, а 1985 год он закончил 110-м.

Андрею не повезло с жеребьевкой: в третьем круге он должен был встретиться со шведом Матсом Виландером. По итогам 1985 года Виландер стоял на компьютере третьим. К моменту встречи в Париже он был уже второй ракеткой мира — за две недели до этого матча жребий, склонный, как известно, к проказам, свел тех же Виландера и Чеснокова на кортах «Форо Италико» в Риме, где проходил открытый чемпионат Италии. Выиграл Виландер в двух сетах — 6:4, 6:3, и потому коллеги считали, что советский теннисист «очень невезуч»: снова попасть на второго игрока мира.

Но для Чеснокова все прошлые заслуги соперников не в счет. Он, как пояснил мне однажды Андрей, играет не с грозным номером, а с живым человеком, которого — по крайней мере теоретически — обыграть можно.

На кортах «Ролан Гарро» Андрей превратил теорию в практику. Он выиграл — 6:2, 6:3, 6:2. После поражения Виландер сказал: «Я ничего не мог поделать против него, со мной давно не происходило ничего подобного. Я был просто разгромлен. Все мои попытки направить мяч в пустой сектор площадки были безуспешными. Везде был Чесноков».

За выход в четвертьфинал Андрей снова встречается с теннисистом, который на компьютере стоит выше — с № 71, мексиканцем Франциско Мачиэлем. Наш мастер выиграл — 6:4, 6:1, 4:6, 6:1. В четвертьфинале, однако, Андрея поджидала неудача: он уступил 16-й ракетке мира французу Анри Леконту. Кстати, на этом же этапе выбыли из соревнований Борис Беккер (ФРГ), Андре Гомес (Эквадор), Мартин Хайте и Гильермо Вилас (оба — Аргентина). А выиграл турнир Иван Лендл.

Как определить место Андрея Чеснокова в нашем теннисе?

Можно, конечно, дать самый простой и очевидный ответ — он чемпион СССР 1985—1987 годов, первая ракетка Советского Союза.

Но такой ответ будет неполным, совсем неполным.

Ибо Чесноков не только чемпион. Он главная наша надежда, бесспорный лидер советских теннисистов. Мастер, первым после Александра Метревели прорвавшийся в элиту мирового тенниса: весной 1988 года на компьютере АТП Андрей был уже в числе двадцати лучших. А это сегодня означает примерно то же, что десять-две-надцать лет назад означало место в первой десятке: сейчас мировая табель о рангах включает три тысячи мастеров.

Андрей — коренной москвич, выросший в тридцатых «спартаковских» краях — в Сокольниках. С детства был подвижен и горазд на всяческие выдумки и проделки. Мама Андрея рассказывает, что с особым нетерпением сын ждал зимы — уж очень любил помогать дворникам счищать и сгребать снег. Не раз сообщал бабушке, что когда станет большим, будет непременно дворником.

Андрею было восемь лет, когда его пригласила в свою секцию Татьяна Наумко. С тех пор, вот уже четырнадцать лет, они неразлучны — Татьяна Федоровна и ее ученик.

Они растут, совершенствуются вместе.

Чесноков обладает многими достоинствами, важными в современном теннисе. Прежде всего превосходной нервной системой. Умением собираться, мобилизовываться на трудный поединок. Умением отключаться от тенниса, забывать о нем напрочь.

Когда пятый сет его решающей встречи с Хосе Луисом Клерком был из-за темноты отложен на следующий день, то утром Андрея разбудили с трудом: он устал на корте и спал как убитый. И только предупреждение тренера, что если он не поднимется немедленно, то не

успеет заехать в филателистический магазин, заставило Андрея подняться с постели.

О предстоящем доигрывании матча с грозным Клерком он, кажется, и не помнил.

Скорее всего потому, что не опасался соперника. Уже почувствовал свою силу.

А вот о марках не забывает никогда. Коллекционирует две темы — теннис и шахматы. Знает все, до единой марки, посвященные теннису, в какой бы стране они ни были выпущены: внимательно следит за каталогами. Много и охотно рассказывает о марках. И журналист с пониманием отнесся к вопросу, заданному ему Чесноковым в Буэнос-Айресе:

— Можно я вам покажу, какие марки мне сегодня удалось купить?..

И спустя несколько минут, оценив внимание, восхликал с едва скрываемой гордостью:

— Разве это не чудо!.. Везет же мне...

Человек увлекающийся. Не только марками. Книгами, музыкой.

И еще. Хорошо рисует, но почему-то не любит, когда его расспрашивают про это.

Восхождение Чеснокова продолжается.

Еще летом 1985 года журнал «Интернэшнл теннис уикли» писал в номере за 21 июня:

«ЧЕСНОКОВ... ТЩЕЧЕСНОКОВ... ЧЕСНОКОФФ... Неважно, как произносится фамилия этого русского теннисиста, важно то, что он умеет играть».

Так называлась эта статья. И далее автор рассказывал:

«После первого круга открытого чемпионата Франции нынешнего года русский теннисист Андрей Чесноков числился в мировой классификации ниже всех остальных участников — 307-е место. Поэтому неудивительно, что им интересовались все. Многие просто хотели увидеть, как выглядит этот русский. И вполне понятно:

ведь последний раз советского теннисиста видели в крупном международном турнире 12 лет назад (Александр Метревели — финал Уимблдонского турнира).

В действительности это было не первое выступление Андрея в чемпионате. В 1983 году он уже участвовал в юношеском турнире, но тогда, несмотря на успех в парном разряде, его выступление прошло почти незамеченным. На этот раз Чесноков дал о себе знать самым решительным образом: во втором круге соревнований он одолел 10-ю ракетку мира — Эллиота Телчера (США). Этот успех послужил поводом для его встречи с представителями печати.

Тренер Чеснокова Татьяна Наумко помогла ему стать пятой ракеткой Советского Союза. Участие в зарубежных соревнованиях и особенно в турнирах, проводимых в ФРГ, позволило ему получить зачетные очки в мировой классификации и выступить в открытом чемпионате Франции — самом большом турнире в его жизни.

Прервем цитату, чтобы пояснить, что в отличие от чемпионата 1986 года, где наш теннисист сразу попал в число 128 участников (рейтинг его уже был теперь достаточно высок), годом ранее Андрею пришлось пробиваться в основную сетку. Однако продолжим выписку из «Интернейшнл теннис уикли».

«В предварительных соревнованиях Чесноков уверенно шел к цели: он последовательно переиграл Лео Палина, Анри Девета и Густаво Тиберти. В первом круге основного турнира москвич взял верх над Эганом Аламсом (США). До этого времени его считали середняком, которого почти никто не замечал. После победы над Телчером — одним из немногих американцев, кто умеет играть на грунтовых кортах, Чесноков стал популярным. Андрей продемонстрировал Телчера, как нужно играть на грунтовых кортах. Его игру отличали мощная подача, сильные удары справа и убийственный по силе удар слева, которым он набирал немало очков.

После победы над Телчером Чесноков сказал, что он начал матч слишком медленно и поэтому уступил первый сет сопернику. «Вначале я чувствовал себя неуверенно,— рассказывал он через переводчика,— но затем я прибавил в игре и почувствовал себя увереннее. Я играл в свою игру и диктовал ход матча. Телчер старался изменить тактику встречи в третьем сете, но я сумел выстоять и победить». Победа пришла в четырех сетах через три часа и стала одной из самых больших сенсаций на чемпионате.

Москвич чуть не повторил свой подвиг в следующем круге соревнований. Его соперником был один из опытнейших мастеров мирового тенниса — швейцарец Хайнс Гюнтхард. В решающем сете Гюнтхарду помогла лишь двойная ошибка соперника на подаче в 14-м гейме. После выигрыша швейцарец облегченно вздохнул и побежал пожать руку своему сопернику».

Спустя несколько месяцев, в том же 1985 году, швейцарская газета «Журналь де Женев» писала:

«Захватят ли русские Женеву? Нет, давайте говорить серьезно. Можно лишь говорить о вторжении советских теннисистов на турнире «Мартини оупен». В самом деле, в конце этой недели, когда проходили отборочные соревнования, советские спортсмены, впервые прибывшие в Женеву, заставили всех говорить только о себе. Чесноков здесь, Зверев — там: несомненно, эти теннисисты из самой большой страны мира оставили у женевских зрителей самое большое впечатление... Чесноков, победивший в «Ролан Гарро» Телчера, но проигравший (в пятом сете) Гюнтхарду, без труда сладил со скромным Робертсоном и таким образом первым попал в основную сетку. Точно так поступил потом и Зверев.

Из четырех мест, предназначавшихся для тех, кто пройдет сизо отборочных соревнований, два места были заняты великолепными русскими спортсменами.

Это поразительный успех для такого нового тенниса...»

А потом пришла пора новых встреч на «Ролан Гарро», но мы уже рассказывали о достижениях Андрея в 1986 году, о его победе над второй ракеткой мира Маттсом Виландером. Были и другие успехи, в других турнирах. Напомним лишь, что на Играх доброй воли в Юрмале в июле 1986 года Андрей не проиграл ни одного сета, а одному из соперников, из Греции, не отдал даже ни одного гейма. В финале Чесноков обыграл чехословацкого теннисиста Мариана Вайду (52-го в списках АТП) в трех сетах — 6:3, 6:2, 6:4.

Когда в начале 1986 года, еще до своих самых громких побед, Чесноков обыграл в Атланте американца Скотта Дэвиса, 49-го в те дни теннисиста мира (а Андрей тогда был еще за пределами сотни), Дональд Делл, звезда тенниса 60-х, ныне один из видных деятелей американского и мирового тенниса, сказал о Чеснокове: «Он обладает таким ударом двумя руками слева, который делает его похожим на Бьерна Борга».

Сравнение, несомненно, лестное.

Знаменитый американский теннисист Джимм Коннорс так ответил на наш вопрос о Чеснокове:

— Чесноков играет очень хорошо. Уверен, что он может улучшить свою игру, если у него будет больше опыта, если он станет чаще встречаться с разными соперниками и в разных условиях. И если сможет энергичнее атаковать. Ему нужно научиться играть в полную силу с первого удара и до последнего...

В мае 1987 года Андрей выиграл крупный международный турнир во Флоренции, успешно сыграл в ряде других турниров.

У Андрея многое впереди.

Студент института физкультуры станет со временем, не сомневаемся, профессором тенниса.

Талантлив. Скромен. Умен. Трудолюбив.

А что еще надо?

Удар с лета

Те общие ошибки, которые допускают игроки при ударе с отскока, характерны также и для игры с лета. Самая главная заключается в том, что для удара по мячу прилагается слишком много мускульной энергии. Это та же старая, как мир, как сам теннис, история: слишком много усилий руки и недостаточное использование ракетки.

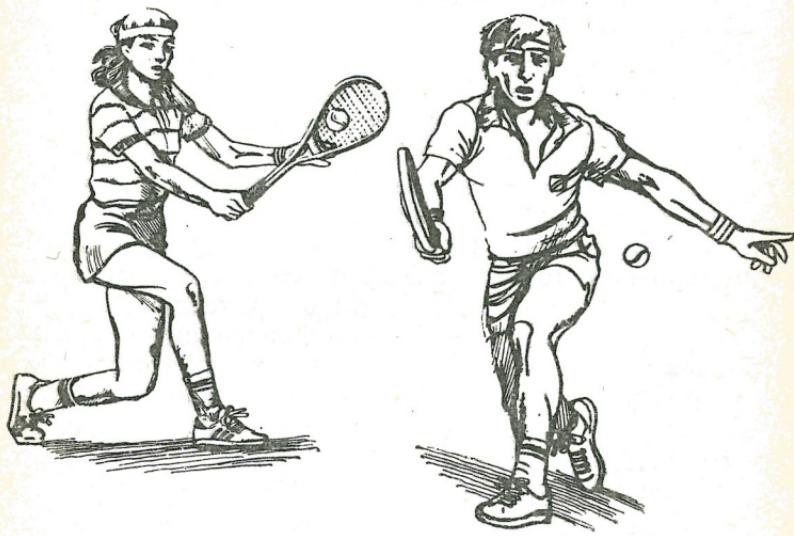
Две особенности удара с лета подскажут наилучший способ исполнения этого удара. Первая — у вас нет столько времени для подготовки к этому делу, сколько вы имеете при обычной игре с отскока. Вторая — с мячом не нужно проделывать так много работы, чтобы послать его туда, куда хотите.

При ударе с лета важнее всего встречать мяч впереди коротким точным замахом, со слегка открытым лицом ракетки. И не надо больше ничем усложнять технику этого удара.

Фактически удар с лета — это короткий, плавный замах от плеча, при котором важно сочетание правильного распределения движения руки по времени и движения головки ракетки. Кисть с предплечьем делает большую часть работы. Пусть пальцы начинают движение ракетки. Затем, как только ракетка двинется вперед, кисть с предпле-

чьем должны продолжить движение, фиксируясь при соприкосновении с мячом. Как только вы овладели синхронностью движений, старайтесь бить с лета, держа лицо ракетки слегка открытым. Открытая ракетка будет создавать подрезание, которое позволяет мячу постоянно попадать в площадку. Удар с лета — не «шлепающий» удар. Это более короткий вариант типичного замаха при ударе с отскока. Сфокусируйте внимание на точке соприкосновения ракетки с мячом.

Само собой разумеется, как и при любом другом ударе в теннисе, при ударе с лета необходимо следить за мячом.

Совершенствование техники игры с лета (справа и слева) включают, по существу, те же рекомендации, что и совершенствование удара с отскока. Три решающих момента: 1) оттягивать вес тела назад, пока не наступит момент замаха; 2) выполнять замах как мож-

но проще, сообщая кистью и предплечьем ускорение головке ракетки; 3) держать в поле зрения весь корт, а не ограничиваться только точкой, в которой находится мяч, и следить за мячом только глазами, не поворачивая к нему голову.

Ключ к удару, запомните, в том, чтобы дать ракетке, а не руке выйти и встретить мяч.

«Свеча»

В теннисе ключом к эффективной «свече» является дезориентация: заставить соперника до последней секунды гадать, бросите вы «свечу» или нет. Такая дезориентация возможна, конечно, только в одном случае, если у вас есть время выбирать: просто ли отбивать удар, или бросить «свечу». Если вы сумеете дезориентировать «свечой», сможете и превратить ее в отличное защитное оружие. Оно станет для вас еще более грозным; это удар, которым вы воспользуетесь из неудобного положе-

впереди себя. Главное отличие этого удара от короткого в том, что вам надо ударить под мяч, подняв его.

Большинство игроков почему-то не бросают «свечи» достаточно высоко. За исключением игры в помещениях, где потолки не позволяют этого, «свеча» — хороший вид удара. Поэтому не бойтесь кинуть ее высоко. Когда «свеча» вылетает в аут, происходит это не потому, что вы ударили слишком сильно, а потому, что ударили не строго снизу, а несколько сбоку.

«Свечу» нетрудно ввести в арсенал ваших ударов. Вы только должны принять для себя твердое решение пользоваться этим ударом гораздо чаще, чем пользовались им ранее. Осваивая этот удар, старайтесь исполнять его и слева, и справа. При этом обратите внимание на два момента: кидайте мяч достаточно высоко и достаточно глубоко. Умение бить «свечу» так, чтобы мяч приземлялся как можно ближе к задней линии, — неоценимое оружие в теннисе. Право, над этим стоит поработать.

ния для того, чтобы получить время восстановить свою позицию. На худой конец этим ударом вы просто перебьете мяч, когда его перебить крайне трудно.

«Свеча», как и удары слева и справа, требует своей техники. Ранняя подготовка ракетки, равновесие, движение головки ракетки, — все это важные компоненты бросания «свечи». Весьма важно в «свече» встретить мяч

Если вы хотите увидеть, как подают хорошие «свечи», проследите внимательно за парной игрой. Обратите внимание, как хороший мастер «свечи» гладко посыает этот мяч и как он дезориентирует противника.

Обратите пристальное внимание на высоту, на которую игроки подбрасывают при этом ударе мяч. Помните об этом, когда намерены использовать этот удар во время матча.

Удар над головой

Большинство игроков с трудом справляются с ударом над головой, что, впрочем, неудивительно. Это самый трудный удар в теннисе. Кроме того, он очень неудобен для тренировки. Так же, как и бросание «свечи», удар над головой отрабатывают в достаточной степени лишь очень немногие игроки.

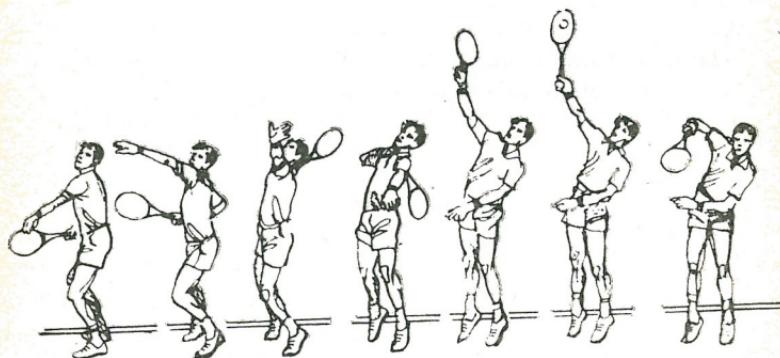
Все основополагающие моменты, о которых шла речь на предыдущих страницах, обретают особую остроту и важность при разговоре об ударе над головой.

Самая большая ошибка — плохая подготовка к удару. Слишком много игроков пытаются бить над головой, в то же время пятаясь... В результате они бьют по мячу не в сбалансированном положении, бьют, когда мяч — позади. Чтобы правильно ударить над головой, нужно сохранять равновесие, что позволит вам ударить по мячу впереди себя. Согласитесь, очень трудно нанести эффективный удар над головой, когда мяч позади вас, единственное исключение — в теннис играет хороший акробат. Бить надо тогда, когда вы «нашли» мяч, то есть когда он падает вам на лоб. Таким образом, часть техники этого удара включает в себя ранний прыжок на мяч. Это, в свою очередь, напоминает о необходимости быть бдительным к возможности «свечи». Слишком многие игроки опрометчиво приближаются к сетке, будто «свеча» является каким-то запрещенным приемом, причем рвутся они вперед на такой скорости, что

в случае, если «свеча» все-таки брошена, им уже трудно перестроиться и вернуться назад вовремя.

Когда вы направляетесь к сетке, вы, естественно, хотите двигаться так быстро, как это возможно. Хорошо. Однако не мчитесь все-таки сломя голову, иначе вы не сумеете среагировать на «свечу».

Если вы испытываете постоянные затруднения с ударом над головой, происходит это скорее всего из-за того, что вы с опозданием отводите назад ракетку. Если вы наблюдали игру лучших игроков, то не могли не заметить: первое, что предпринимает мастер,— это отводит ракетку. По существу, она уже отведена, когда игрок под мячом отступает для удара над головой. Он не ждет, когда расположится удобно, чтобы отвести назад ракетку.

Самая лучшая точка для контакта с мячом при ударе над головой — это высота, до которой вы без напряжения вытягиваете руку с ракеткой. И еще. Мяч должен быть немного впереди, примерно там же, где вы хотели бы ударить по мячу при вашей подаче. Удар требует агрессивности. Если вы дождитесь, что мяч упадет слишком низко, вы ударите его в сетку.

Движение, которое рекомендуется для удара над го-

ловой,— то же движение «молотка-гвоздя», о котором мы говорили при подаче. Не слишком много усилий руки, но значительное движение головки ракетки. Не старайтесь убить мяч. Вы больше потеряете, чем достигнете. Дайте тяжелую часть работы выполнить кисти. Голову поднять. «Опущенный клюв» часто приводит к тому, что мяч летит в сетку.

Нет закона, говорящего о том, что вы не сможете пробить удар над головой, если мяч отскочил от земли.

«Свечи», не очень высокие и достаточно низкие, где бы они ни застали игрока, лучше бить с лета. Высокую «свечу» бить с отскока так же неудобно, как низкую с лета.

Хаф-воллей (удар с полулета)

Этот удар, ради которого нет нужды лезть из кожи, чтобы непременно его выполнить. В основном это удар защитного характера — реакция на мяч, который летит прямо под ноги. И все же, если вы хотите играть против теннисистов высокого класса, этот удар надо совершенствовать. Игрок, который хорошо принимает подачу, очень часто стремится направить ответный мяч вам под ноги. И тут у вас нет другого выхода, как отбить мяч с полулета.

Удар хаф-воллей значительно труднее, чем вам может показаться, когда вы наблюдаете его в игре мастеров. Кажется, будто они просто перегораживают ракеткой путь мячу, но это впечатление обманчиво. Причина, по которой этот удар кажется легким, в том, что игроки рано принимают нужное положение,держивают хорошее равновесие тела и избегают ошибки, столь распространенной у средних игроков; не вкладывают в удар слишком большую силу.

Ключевым моментом при отработке удара с полулета является положение тела. Надо проделать нечто большее, чем просто уронить головку ракетки. Тело должно

опуститься вниз, колени согнуть, головка ракетки на этом же уровне. И при этом, несмотря на то, что вы вроде бы скрючились, тело должно быть раскрепощенным. Только в том случае вы сможете провести плавный короткий замах, который нужен для того, чтобы контролировать удар при игре с полулета.

Еще два момента необходимо помнить при игре хаф-воллей. Один из них — следить предельно внимательно за мячом. Многие игроки делают одинаковую ошибку: слишком быстро поднимают голову. За мячом надо следить вплоть до его соприкосновения с ракеткой, держа голову наклоненной, пока этот контакт не произойдет. Во-вторых, нельзя бить слишком сильно. Хаф-воллей — нечто большее, чем просто блокировка, но это и не такой полноценный удар, как при игре с отскока. И здесь снова основную работу должна выполнить головка ракетки, а не тело и не рука. Вы должны встретить мяч впереди себя в тех пределах, в каких это удобно, при этом головка ракетки слегка открыта.

Укороченный удар

Об укороченном ударе лучше всего думать как о преувеличенном резаном. Это удар-касание, но это полноценный удар. У многих игроков есть тенденция недодавать силы в этот удар, то есть бить по мячу ослабленно. «Мягкость» удара можно достигнуть не силой, а углом ракетки при соприкосновении головки с мячом. Мяч в таком случае встречается под более развернутым углом, с более открытым лицом ракетки, чем резаный мяч.

Когда корт покрыт снегом

Теннис не стал пока у нас практически всесезонным видом спорта. Глубокой осенью, ранней весной, зимой играть многим теннисистам попросту негде. Крытых кортов не хватает.

Но теннисисты, преданные своему увлечению, стремятся не терять времени, поддерживать по возможности спортивную форму.

Однако это непросто, это требует силы воли. Занятому человеку нелегко найти время для тренировки, тем более если любитель тенниса склонен утешать себя: выйду весной на корт, восстановлюсь.

Времени недостает, и потому рекомендуем программу, рассчитанную всего на 12 минут занятий в день.

Вы выполняете последовательно двенадцать упражнений одно за другим, на каждое — по минуте без передышки между упражнениями. Выглядит это так:

1. Минутный бег (или бег на месте).
2. Приседание — одна минута.
3. Минутный бег.
4. Поднимание ног — одна минута.
5. Минутный бег.
6. Прыжки — одна минута.
7. Минутный бег.
8. Растигивание ног — одна минута.
9. Минутный бег.

10. «Порхающие» движения ногами (сесть на пол с вытянутыми ногами, с руками сзади. Поднять обе ноги от земли, подвигать ими вверх и вниз. Отдохнуть пять секунд. Повторить.). Отлично для мышц живота.

11. Минутный бег.
12. Приседание — одна минута.

Не относитесь фанатично к этой процедуре. Если вы не приступили к тренировке в отличной спортивной форме, вы не сможете пройти через весь комплекс сразу. Если вам хочется попробовать эти упражнения, начните скромно: двадцать секунд на каждое упражнение. После нескольких дней повышайте уровень до тридцати секунд, сорока, пятидесяти и т. д., пока не станете справляться со всей последовательностью по минуте. Комплекс хорош тем, что можно его выполнять дома, в обеденный перерыв, в гостинице и т. д. Но наилучшие

результаты он даст только при ежедневном выполнении.

Большинство общих физических упражнений хороши для теннисистов. Задача — выбрать сочетание, которое вы бы выполняли с удовольствием и которое приносит пользу всем группам мышц вашего тела. Все большее число теннисистов работают с гантелями для «накачивания» силы. Можно работать с легкими гантелями, но, если решили заниматься тяжелыми, нужно проконсультироваться с врачами.

Рука и кисть. Для игры в теннис вам нужны как сильная хватка, так и сильная кисть. Недорогие гантеля можно купить в магазине. Держите их под рукой. Занимайтесь дома в час отдыха — в промежутках между чтением или телевизионными программами. Сжимать мячик — тоже хорошее упражнение.

Брюшной пресс. Мышцы живота играют более важную роль в теннисе, чем вы думаете. Все наклоны, натяжения, которые приходится проделывать во время матча, все это — большая нагрузка на живот. Для быстрого бега также важны мышцы живота. Чем слабее мышцы живота, тем быстрее устает теннисист, тем больше напряжения приходится на спину. Многие игроки, страдающие дискомфортом спины, делают упражнения для мышц живота как терапию, потому что при сильных мышцах живота меньше нагрузки на спину. Приседания — прекрасное занятие для брюшного пресса. Отличны и «порхающие» движения ногами, описанные ранее.

Мускулы ног. Конечно, прыжки через скакалку. Прыжки на носках — тоже. Подпрыгнуть как можно выше двадцать раз, отдохнуть, повторить.

Мышцы спины. Так же, как мышцы живота, мышцы спины могут «убить» вас в матче, особенно при подаче.

Если у вас сильная спина и вы намерены поддерживать ее в этом состоянии, хорошее упражнение — стоять, прижавшись спиной к стене, затем выбросить таз впе-

ред, так, что прижатой к стене оказывается только маленькая часть спины, постоять в таком положении, медленно расслабиться и повторить раз пять.

Мнение чемпионов

Евгений Корбут, один из сильнейших в прошлом советских теннисистов, в книге «Теннис: техника и тактика чемпионов», вышедшей в издательстве «Физкультура и спорт» в 1986 году, рассказывает об опыте игры ведущих мастеров.

Вот что он пишет о предматчевой разминке и психологической настройке.

Теннисисту, как и всякому спортсмену, свойственно предстартовое волнение с присущими ему эмоциональными проявлениями. Несколько повышенное эмоциональное состояние, как правило, помогает теннисисту лучше сосредоточиться на предстоящей встрече и быстрее войти в темп игры. Однако иногда предстартовое состояние носит явно отрицательный характер. Из-за эмоционального перенапряжения движения теннисиста становятся настолько скованными (особенно в начале игры), что он проигрывает в первых геймах даже самые легкие мячи и ему требуется определенное время, чтобы войти в игру.

Достаточно опытный мастер снимает излишнее напряжение легкой тренировкой непосредственно перед соревнованием. Он подбирает себе удобного партнера для разминки. Очень важно, чтобы партнер играл спокойно, выполняя не очень сильные, но точные удары. Только тогда вы сможете свободно, без напряжения несколько раз подряд выполнить один и тот же удар («набить» его) и как бы почувствовать мяч.

Предсоревновательная разминка для игроков разных характеров различна по времени, интенсивности и характеру упражнений. Легко возбудимые игроки разминаются менее интенсивно, особенно в заключительной ее ча-

сти. И, наоборот, у довольно спокойных, флегматичных игроков объем и интенсивность тренировки должны быть более высокими и увеличиваться к концу.

Пятикратный победитель Уимблдонского турнира Бьерн Борг обычно проводил очень интенсивную предматчевую разминку. В основном он играл с задней линии, «набивая» свои мощные топспины. В конце разминки он делал несколько подач, направляя мячи в различные углы поля подачи.

Илие Настасе разминался перед матчем легко, пробуя все удары без какой-либо определенной последовательности, с улыбкой и шутками. Одну из таких разминок румынского теннисиста я видел в Уимблдоне перед матчем в 1974 году. Его партнером был чехословацкий теннисист Ян Кодеш, победитель Уимблдонского турнира минувшего года. Разминка длилась около 40 минут, а закончилась она так. Настасе попросил своего партнера сделать несколько подач под его левую руку, чтобы потренировать прием подачи крученым ударом слева. Кодеш несколько раз сильно подавал, но, как нарочно, ни разу не мог попасть мячом в квадрат подачи. Настасе, разминаясь, обычно комментирует почти каждый свой удар и удары противника. На этот раз он крикнул Кодешу: «Это ты выиграл Уимблдон в прошлом году? Удивляюсь, как это тебе удалось, ведь ты даже не можешь попасть в квадрат подачи». Кодеш все же наладил подачу, и тренировка благополучно закончилась. Обнявшись, оба теннисиста пошли в раздевалку в хорошем настроении.

Тренировка втроем. Некоторые теннисисты любят разминаться втроем, играя один против двоих, выполняя различные упражнения с переменой мест на различных сторонах площадки. Так любят тренироваться австралийцы, но не все. Некоторые все же предпочитают обычную тренировку — вдвоем.

У меня до сих пор ясно сохранилась в памяти разминка австралийских теннисистов втроем. Она произ-

вела на меня очень сильное впечатление. Это было на Уимблдонском турнире в 1956 году. На одном из тренировочных травяных кортов я увидел трех теннисистов, тренировавшихся вместе. Двух из них узнал сразу по описаниям и фотографиям.

Это были Лью Хоад и Кен Розуолл. Несмотря на свою молодость, они уже тогда были, можно сказать, знаменитыми теннисистами.

Третьим игроком на площадке был рыжий, веснушчатый и худой паренек небольшого роста. Это был, как я потом узнал, Род Лэйвер — будущая знаменитость. Он был на четыре года младше своих земляков и впервые приехал участвовать в самом представительном международном турнире. Несмотря на разницу в classe игры, разминка проходила очень продуктивно, в высоком темпе, так как игроки были предельно внимательны и допускали мало ошибок.

Вначале Хоад играл против Розуолла и Лэйвера, направляя мячи ударами с задней линии поочередно в различные углы площадок своих партнеров. Затем он подходил к сетке и ударами с лета отбивал мячи, направленные партнерами вдоль боковых линий или по диагонали. После этого оба партнера занимали место у сетки, а Хоад отходил на заднюю линию и оттуда сильными ударами пытался обвести их, направляя мяч низко над сеткой по диагонали или вдоль линии. В дальнейшем игроки менялись местами, и Розуолл и Лэйвер повторяли такое же упражнение, играя один против двух.

ИГРА ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Первая неделя ноября 1987 года.

Париж. Дворец спорта «Берси». Турнир «Гран при» высшей категории.

Вторая неделя ноября 1987 года.

Лондон. Знаменитый «Уэмбли». Турнир «Гран при» высшей категории.

У этих двух турниров были общие приметы.

И традиционная — участие звезд мировой величины. В Париже играли девять теннисистов из мировой двадцатки, и среди них Милослав Мечирж из Чехословакии, австралиец чемпион Уимблдона 1987 года Пэт Кэш, француз Янник Ноа, Andres Гомеш из Эквадора, аргентинец Мартин Хайте (к началу турнира он — тринадцатый), американцы Брэд Гильберт, Тим Майотт, Дэвид Пейт. В Лондоне на корт вышел Иван Лендл, первая ракетка мира, те же Кэш и Мечирж, знаменитые шведы Йоаким Нюстрём, Андерс Яррид и другие первоклассные игроки.

И новая примета — впервые в состязаниях такого уровня участвовали сразу два советских теннисиста. Андрей Чесноков и Александр Волков.

Но если Чесноков сразу попал в основную сетку, в число 32 теннисистов, то успехи Волкова стали сенсацией — и в Париже, и в Лондоне Александр должен был обыграть по три соперника, чтобы попасть в главный турнир. Волков выступал уверенно и сильно. В Париже, например, он обыграл Мартина Хайте.

Особенно поразили теннисный мир советские игроки в Лондоне. Оба пробились в число 16 сильнейших, для чего Чеснокову пришлось обыграть шведа Микаэла Пернфорса, а Волкову двухметрового американца Питера Флемминга, который четырежды выигрывал в парном разряде Уимблдон и трижды открытый чемпионат США.

Газета «Гардиан» писала, что «началась другая русская революция. В духе недавних торжеств на Красной площади небольшой советский контингент преуспел в привлечении внимания... когда вчера на «Уэмбли» и Андрей Чесноков, и Андрей Волков одержали красивые победы.

До ошеломляющей победы Чеснокова над Матсом Виландером на открытом чемпионате Франции в 1986 году мало кто восприни-

мал советский теннис серьезно. Но этот результат, а также решение Олимпийского комитета допустить теннис на следующие Игры, изменили ситуацию».

Четверг 12 ноября на турнире назвали «русским днем». На Центральном корте играли Андрей Чесноков с Пэтом Кэшем и Александр Волков с Иваном Лендлом. Телевидение транслировало, разумеется, оба поединка.

Могли ли наши теннисисты победить? Чесноков уступил Кэшу первый сет 4:6, а второй выиграл 6:3. В решающем сете верх взял чемпион Уимблдона, но матч был испорчен грубейшей ошибкой судьи на линии, и сначала сам Кэш принес извинения Андрею, а затем, спустя полчаса, к одному из авторов книги подошел отец Пэтта, чтобы извиниться за «шокирующую, ужасную» ошибку судей.

Волков свой матч с Лендлом начал отлично. Он на какое-то время «забыл», что на другой половине корта — первая ракетка мира. Его подача, и Саша повел 1:0, 2:1, 3:2, 4:3, но в конце концов класс сильнейшего теннисиста мира сказался: Лендл выиграл 6:4, 6:3. Волков признался, что справиться с волнением он все-таки не сумел.

Впрочем, это не удивительно. Ведь то была первая встреча наших игроков с чемпионом мира.

После матча на пресс-конференции Лендла спросили, как он оценивает игру Волкова и следует ли серьезно относиться к советским теннисистам. Лендл высоко оценил наших игроков и предупредил, что с ними надо теперь считаться всем.

Советские теннисисты не замедлили подтвердить обоснованность оценки и прогноза первой ракетки мира. И уже в январе, феврале и марте 1988 года одержали немало внушительных побед.

«Интернэшнл теннис уикли», официальная еженедельная газета ATP (Ассоциации теннисистов-профессионалов), 12 февраля 1988 года на обложке поместила огромный цветной снимок Андрея Чеснокова, а в номере от 25 марта вынесла на первую страницу сообщение: «Чесноков завоевывает свой первый титул в суперсерии». На последней, 24-й странице того же номера еженедельник приводит, как обычно, списки турниров «Гран-при», проведенных в 1988 году, и имена двух теннисистов, игравших в финале. Газета напоминает, что к 14 марта было сыграно 14 турниров, и в трех из них в финалах выступал Чесноков. В Веллинтоне (Новая Зеландия) он уступил в финале Рамешу Кришнану из Индии, в Сиднее (Австралия) — многоопытнейшему Джону Фитцджеральду, «хозяину» кортов.

Это были турниры обычной категории «Гран-при». А вот в Орландо (США) проводился турнир, относящийся к категории «супер серия». В нем участвовали 32 сильнейших теннисиста, восьмерку «сияющих» составили Матс Виландер, Милослав Мечирж, Джимми Коннорс, Борис Беккер, Andres Гомес (все это игроки из

первой мировой десятки), затем наш давний знакомец Мартин Хайте, Иоаким Нюстрём и Андре Агасси. Чесноков в число фаворитов не входил. И тем не менее именно он выиграл этот престижный турнир.

Для этого Андрею в течение недели надо было одержать пять побед. Среди поверженных им соперников оказались эквадорец Андрес Гомес и Амос Мансдорф из Израиля, один из героев теннисной осени 1987 года, обыгравший перед поединком с Чесноковым Бориса Беккера. В полуфинале Андрей взял верх над молодым, стремительно прогрессирующим американцем Джоем Бергером, скрутившим до того самого Матса Виландера, а в финале Андрей играл с Мирославом Мечиржем, выдающимся теннисистом из Чехословакии. Чесноков выиграл 7:6, 6:1.

Если же вспомнить, что через два дня наш лидер и его товарищ по команде Александр Волков начали выступления в крупнейшем двухнедельном турнире в Ки Бискайне, что Андрей додел там до четвертьфинала, то можно будет понять, почему Чесноков поднялся на семнадцатую ступень в мировой классификации.

Саша уступил в Ки Бискайне Виландеру, но победы, одержанные им на этом турнире, позволили ему войти в число девяноста сильнейших игроков мира.

В номере «Интернэшнл теннис уикли» за 25 марта опубликованы списки четырехсот пятидесяти ведущих теннисистов. В этом списке восемь наших игроков, причем москвич Андрей Ольховский — сто семидесятый, причем совсем юные Андрей Черкасов из Уфы и киевлянин Дмитрий Поляков набрали свои очки всего лишь в двух турнирах (а ведь и их сумма все равно делится на 12 — минимальное число соревнований серии «Гран-при», в которых в течение года должен сыграть теннисист). Кстати, меньше чем в 12 турнирах играли и Волков и Ольховский.

Бот уж и вправду прав был аргентинский чемпион Хосе-Луис Клерк, говоря в 1985 году о «фиктивном» рейтинге советских теннисистов. Конечно же, по реальной своей силе наши мастера должны быть на компьютере АТП выше, значительно выше.

И все-таки как быстро бежит время! Тогда, в Буэнос-Айресе, Чесноков был 195-м. В конце марта 1988 года он семнадцатый. А завтра?...

Но самое высокое место мировой теннисной табели о рангах занимает среди советских теннисистов не Андрей. Выше всех — семнадцатилетняя Наташа Зверева. Она — четырнадцатая в списках сильнейших теннисисток мира. Очень высоко поднялась и Лариса Савченко. Она к середине марта была семнадцатой. В частности, в феврале 1988 года на турнире «Вирджиния слимс» (это женский аналог серии «Гран-при») в городе Окленде (США) она заняла второе место, уступив в финале знаменитой Мартине Навратиловой (США), но по пути к финалу Лариса победила Хану Ман-

дликову (Австралия) и Габриэлу Сабатини (Аргентина), шестую и пятую ракетки мира.

В марте 1988 года уже было известно, что к участию в теннисном олимпийском турнире допущены Наталья Зверева, Лариса Савченко, Андрей Чесноков. Кроме них, получили право оспаривать олимпийские медали в парном разряде Александр Волков и Андрей Ольховский.

Когда эта книга попадет к читателям, они уже будут знать, сумел ли кто-то еще из советских теннисистов завоевать путевки на XXIV Олимпиаду, на Игры, в программу которых шестьдесят четыре года спустя снова вернулся теннис. Кстати, напомним, что в соревнованиях теннисистов Международный олимпийский комитет разрешил — в порядке эксперимента — принять участие и профессионалам. Многие сильнейшие игроки мира решили воспользоваться этой возможностью и сыграть в олимпийском турнире.

Дома, в нашем теннисе, тоже произошло немало перемен. Например, на зимнем первенстве страны 1988 года победил самый молодой в истории отечественного тенниса чемпион, первокурсник Башкирского государственного университета семнадцатилетний Андрей Черкасов, уже выигравший немало крупных международных юношеских турниров.

Успехи наших молодых теннисистов позволяют с оптимизмом смотреть в будущее. И верится, что успехи лидеров приведут к дальнейшему росту интереса молодежи, детей к замечательной игре, к желанию самим попробовать свои силы в теннисе.

И мы приглашаем читателей на корт.

Спуститесь с трибуны, возьмите ракетку.

Ваша подача!

СОДЕРЖАНИЕ

КАК НАЧАТЬ КНИГУ?	3	
ДЕНЬ ПЕРВЫЙ		
Почему мы попали в Буэнос-Айрес	7	
Накануне матча	9	
Теннис опровергают компьютеры	12	
Родом из детства	13	
«Шпарьте в теннис...»	23	
О моде, популярности и прибылях	30	
Советы		
Термины и понятия	36	
Первые шаги	39	
Мнение чемпионов	42	
ДЕНЬ ВТОРОЙ		47
Зверев удивляет соперника	47	
Сумасшедший эксперимент	48	
Первые матчи тренера	55	
Шлагбаум на пути к финалу	70	
Имена в истории советского тенниса	74	
Советы		
Подача	76	
Как подбрасывать мяч	81	
Мнение чемпионов	84	
ДЕНЬ ТРЕТИЙ		87
«Рейтинг — фиктивный»	87	
Многое ли может тренер?	89	
Неудача	98	
Четвертьфинальный матч — на курорте	100	
Полуфинал в Донецке	106	
Финал зоны в Тбилиси	111	
Имена в истории советского тенниса	112	
Советы		
Прием подачи	118	
Азы парной игры	123	
Мнение чемпионов	127	
ДЕНЬ ЧЕТВЕРТЫЙ		129
Два матча в одном	129	
Нужен ли команде психолог?	132	

Каждый — личность	143
Эгоцентризм — главная опасность	145
Советы	
Удар справа	148
Удар слева	152
Мнение чемпионов	157
Звезды мирового тенниса	160
ДЕНЬ ПЯТЫЙ — И ПОСЛЕДНИЙ	
Победа	173
Время оценок: «Недостает практики»	173
Лед тронулся	177
Будем оптимистами!	178
У нас свои турниры	180
Знакомство с Уимблдоном	185
Достижения Ольги	188
Тот же — и иной	194
Лидер	198
Советы	
Удар с лета	205
«Свеча»	207
Удар над головой	209
Хаф-воллэй (удар с полулета)	211
Укороченный удар	212
Когда корт покрыт снегом	212
Мнение чемпионов	215
ИГРА ПРОДОЛЖАЕТСЯ	218

Тарпищев Ш. А., Спасский О. Д.

Т 21 Корт зовет.— М.: Мол. гвардия, 1988.— 222 [2] с., ил.— (Если хочешь быть здоров).

ISBN 5-235-00031-5

Книга является прежде всего учебником для тех, кто на досуге самостоятельно занимается теннисом с оздоровительными целями. Как подавать мяч? Как принимать подачу? Можно ли играть в теннис зимой на открытом воздухе? На эти и другие вопросы дают ответ авторы. Много советов, приведенных в книге, помогут читателям не только освоить азы тенниса, но и получить представление о том, как поддерживать свое состояние на высоком уровне. Рассчитана на массового читателя.

**Т 4202000000—157 062—88
078(02)—88**

ББК 75.577

ИБ № 5637

Тарпищев Шамиль Анвярович, Спасский Олег Дмитриевич

КОРТ ЗОВЕТ

Заведующий редакцией С. Ионин

Редактор В. Васильев

Художник Ю. Шибанов

Художественный редактор Б. Федотов

Технический редактор И. Теплякова

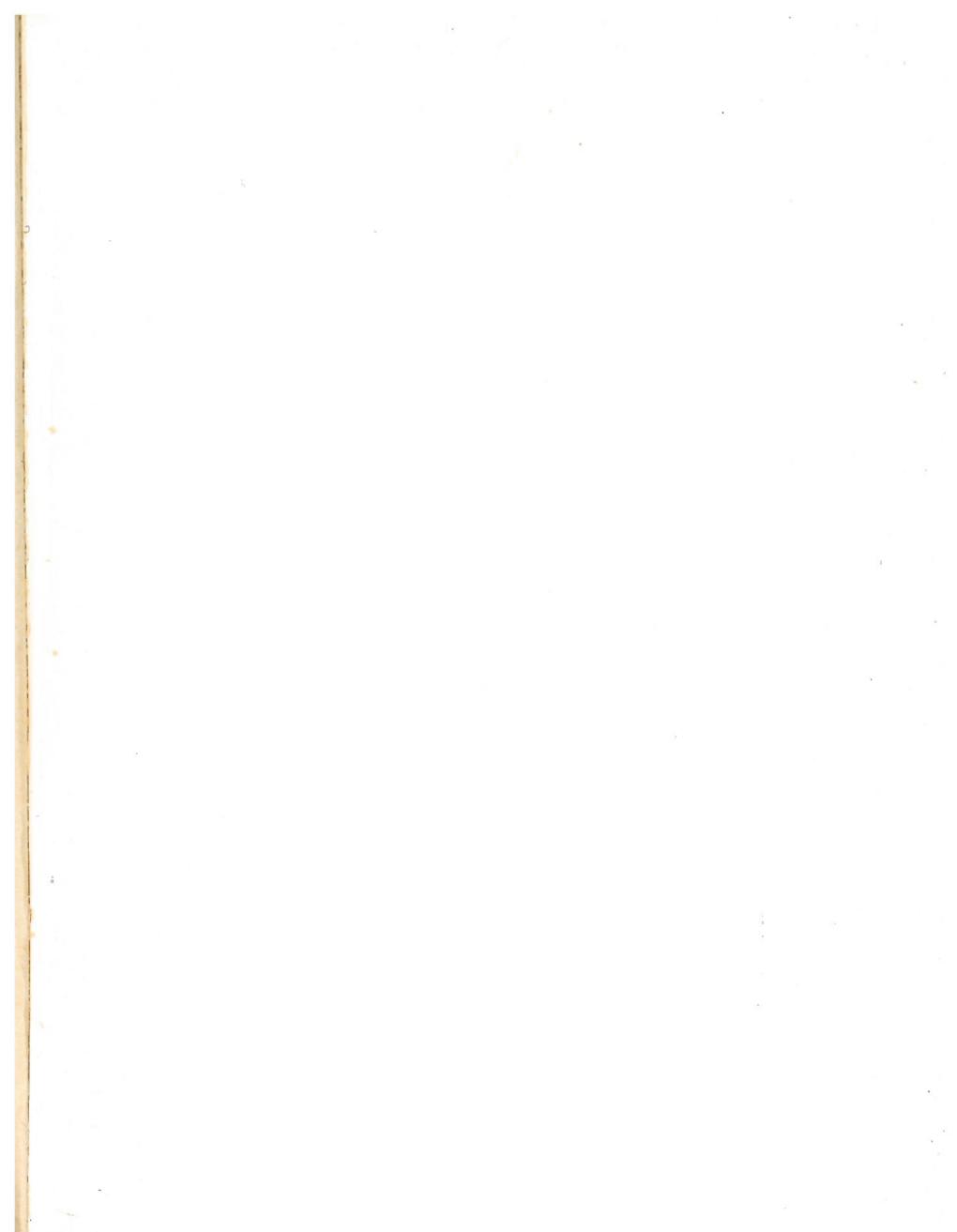
Корректоры Т. Пескова, И. Тарасова, Г. Василёва

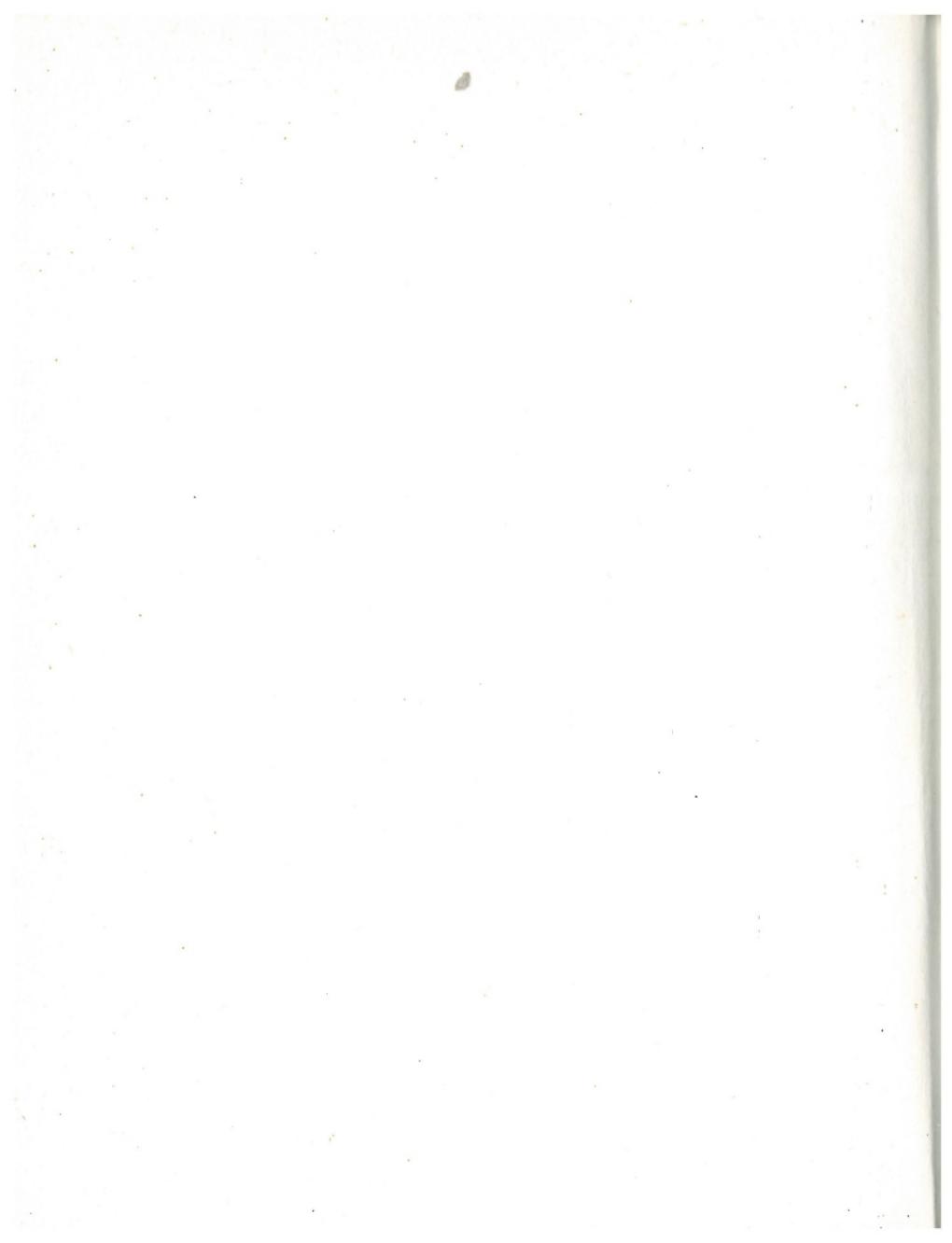
Сдано в набор 28.12.87. Подписано в печать 26.04.88. А 00989.
Формат 70×108 1/32. Бумага типографская № 2. Гарнитура «Литературная». Печать высокая. Усл. печ. л. 9,8. Усл. кр.-отт. 10,06.
Уч.-изд. л. 10,2. Тираж 200 000 экз. (1-й завод 1—100 000 экз).
Изд. № 2846. Заказ 8—26. Цена 80 коп.

Набрано и сматрицировано на полиграфкомбинате ЦК ЛКСМ Украины «Молодь» ордена Трудового Красного Знамени издательско-полиграфического объединения ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». 252119 Киев, Пархоменко, 38—44.

Отпечатано в типографии ордена Трудового Красного Знамени издательско-полиграфического объединения ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». 103030, Москва, Сущевская, 21.

ISBN 5-235-00031-5

80 коп.

41297

2022077604

молодая гвардия

Ш. ТАРПИЩЕВ
О. СПАССКИЙ

КОРТ ЗОВЕТ